E 78
8
т. 4

ЗАПИСКИ

Русскаго Путешественника

А. Глаголева.

ЧАСТЬ III.4

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

Литографировал Ив. Селезнев.

ВИДЪ ЛОНДОНА.

ЗАПИСКИ

РУССКАГО

ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

ЧАСТЬ IV.

Парижъ. Лондонъ. Германія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были три экземпляра въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 17 дня, 1855 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

2007042773

ПАРИЖЪ, 1825—1826 *года*....

Шаткость религіи Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи. Пятидесятилѣтній юбилей. Канонизація короля Людовика XVI. Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отпѣванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе.

Съ высотъ горы Юры послѣдній поклонъ красотамъ Альпійской природы и первое привѣтствіе Франціи, — странѣ, недавно могущественной и страшной, нынѣ смирившейся, но все еще обладающей средствами господствовать надъ Европою. Она господствуетъ не силою оружій, сокрушенныхъ вмѣстѣ съ тріумфами Наполеона,—не дипломатіею, перемѣнившею свой повелительный тонъ, и даже не вліяніемъ просвѣщенія и образованности, а просто всеобщностію своего языка, изобрѣтательностію своихъ

модъ, нарядами и безчисленными игрушками, сдѣлавшимися первою потребностію всего прекраснаго пола Европейскихъ обществъ. Ѳемистоклъ говаривалъ въ шутку о своемъ сынѣ младенцѣ: „Мой сынъ командуетъ моею женою, моя жена мною, я Аѳинами, Аѳины всѣми народами; слѣдовательно мой сынъ есть повелитель всѣхъ народовъ.“ Не тоже ли можно сказать и не шутя о Франціи? Она опутала своими цвѣточными цѣпями весь прекрасный полъ Европы; а прекрасному полу покорствуетъ все: и сила и мужество, и ученость и промышленность, и Цинизмъ и Платонизмъ.

Нѣтъ нужды описывать Доль, Дижонъ, Труа и другіе мелкіе города и мѣстечки, черезъ которыя пролегаетъ дорога Женевская въ Парижъ. Они должны быть извѣстны всѣмъ, такъ называемымъ, особамъ благовоспитаннымъ. Благодареніе гувернерамъ и гувернанткамъ, управляющимъ системою нашего домашняго воспитанія, — географія и исторія Франціи въ нашихъ дѣтскихъ урокахъ очень часто предшествуютъ Русской

азбукѣ и знаніе ихъ почитается болѣе нужнымъ, нежели знаніе закона Божія.

И такъ, если угодно, я поведу любопытныхъ прямо въ *Парижъ*. Онъ намъ менѣе извѣстенъ, нежели сколько мы воображаемъ; нѣтъ уже того Парижа, который мы знали за десять лѣтъ, за пять лѣтъ и даже за годъ; самое усиленное вниманіе не можетъ слѣдовать за всѣми его измѣненіями. Съ того времени, какъ въ немъ посажено было древо вольности и пролилась кровь вѣнценоснаго государя, надъ этимъ городомъ прогремѣлъ судъ небесный: „Буди трясыйся;“ — и онъ трясется и въ религіи и въ правленіи и въ нравахъ. Его скрижали блестятъ и разсыпаются, какъ метеоры; его правители являются и исчезаютъ, какъ Китайскія тѣни.

Начнемъ съ *Религіи*. Приготовленное грубымъ суевѣріемъ и деспотизмомъ духовенства, безвѣріе Якобинцевъ въ дни терроризма съ яростію устремилось на всѣ святыни. 3 аббатства и 63 монастыря мужескихъ, 13 аббатствъ и 70 обителей женскихъ, 80 каплицъ и до 60 приходскихъ

церквей въ одномъ только Парижѣ были разрушены или проданы съ публичнаго торга.

Пустота и мракъ, раскрытые безбожіемъ, привели какъ бы въ изумленіе самихъ невѣрующихъ; они поспѣшили наполнить духовную область существами аллегорическими; посвятили олтари олицетвореннымъ идеямъ вольности, войны, славы и многимъ другимъ. Такимъ образомъ приведено было въ дѣйство изрѣченіе главы ихъ Вольтера: „Если бы не было Бога, надлежало бы изобрѣсти его.“

Опьяненная чадомъ революціи, Директорія, приходя въ память, нашла нужнымъ прежде всего обнародовать, что она признаетъ бытіе Бога. Это объявленіе, начертанное на фронтонахъ нѣкоторыхъ церквей, остается доселѣ неизглаженнымъ (въ 1825 году); да сохранитъ его время на вѣки, въ урокъ потомству, какъ слѣпа мудрость человѣческая, оставленная собственнымъ своимъ силамъ.

Не извѣстно, по внутреннему ли убѣжденію или по однимъ расчетамъ политики,

Наполеонъ возстановилъ храмы и богослуженіе каполическое; но система умѣренности, принятая имъ въ дѣлахъ религіи, согласовалась съ духомъ вѣка и народа. Она примирила враждующія стороны либераловъ и фанатиковъ, оградила совѣсть народа отъ ихъ посягательствъ и обезпечила внутреннюю тишину государства почти во все продолженіе имперіи.

Бурбоны принесли съ собою вѣру отцевъ своихъ, чистую Римскую или папежскую, и поручили завѣдываніе духовными дѣлами и публичнымъ воспитаніемъ ордену Іезуитовъ, еще не утвержденному никакимъ постановленіемъ государственнымъ, но уже успѣвшему распространиться во всѣхъ краяхъ государства и вкрасться во всѣ отрасли правленія.

Тонкіе и хитрые въ тѣсномъ кругу дѣйствій, въ сношеніяхъ съ лицами частными и семействами,—Іезуиты показали себя самыми грубыми политиками въ дѣлахъ общественныхъ. Схоластическая, всегда одинакая и съ XVI вѣка ни на шагъ не подвинувшаяся впередъ, метода ихъ воспитанія сбила ихъ

съ толку. Ставя уставъ своего учредителя выше всего, они не дозволяютъ себѣ никакихъ отъ него отступленій, требуемыхъ временемъ и обстоятельствами.

Первымъ опытомъ вмѣшательства ихъ въ управленіе были духовныя *миссіи*, предпринятыя ими внутри Франціи. Миссіи, которыя доселѣ отправляемы были въ Америку и на востокъ для обращенія невѣрныхъ, однимъ значеніемъ своимъ изумили Французовъ. Принявъ на себя роль Апостоловъ, Іезуиты, по прибытіи въ какой либо городъ, учреждали въ немъ духовныя процессіи, провозглашали на площадяхъ напыщенныя рѣчи о обращеніи въ нѣдра Апостольской Римской церкви и ставили на площади или на мосту, въ знакъ своего тріумфа, желѣзный позлащенный крестъ, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа ихъ проповѣди. Такимъ образомъ они переходили изъ города въ городъ; число новообращенныхъ мало помалу увеличивалось; къ нимъ пристававали простолюдины, женщины и старики, — всѣ ни холодные ни теплые къ вѣрѣ, но имѣвшіе

нужду въ новизнѣ догматовъ для успокоенія своей совѣсти.

Ободренные успѣхами въ провинціяхъ, Іезуиты перенесли свои дѣйствія въ столицу. Намѣреніе правительства къ распространенію этихъ миссій нимало не предосудительно; оно видѣло, что къ успокоенію страны, волнуемой легкомысліемъ, своеволіемъ и ложными умствованіями, не оставалось другаго средства, кромѣ возстановленія религіи; къ сожалѣнію, избранные имъ дѣлатели не соотвѣтствовали его высокимъ видамъ. Сначала въ самомъ Парижѣ Іезуиты были приняты не холодно; но когда, проповѣдуя нищету, они стали открыто наполнять свои сокровищницы; когда, уча смиренію, сами начали захватывать бразды правленія и когда въ издаваемыхъ ими книжкахъ стали выставлять себя Боговидцами; тогда многіе и изъ послѣдователей ихъ замѣтили, что пастыри ихъ носятъ личину.

Судя по наружнымъ знакамъ набожности, можно подумать, что нынѣ въ Католической Европѣ послѣ Рима нѣтъ другаго города святѣе Парижа, и особенно въ настоящее время, въ продолженіе празднованія *пятидесятилѣтняго юбилея*. На колокольняхъ почти ежедневно праздничный звонъ; на улицахъ крестные ходы; на площадяхъ, занимаемыхъ обыкновенно шарлатанами, раскинуты шатры или подвижныя капличы, обитыя коврами и бархатомъ для встрѣчи процессій. Процессію составляютъ разные чины духовенства съ хоругвями и крестами, миссіонеры, каноники, викарные епископы и архіепископъ, несущій подъ балдахиномъ Святые дары. За ними слѣдуютъ Король съ принцами и принцессами, по извѣстной ихъ набожности, — придворные чины и около 150 ремесленниковъ и женщинъ. Въ одной изъ такихъ процессій обратила на себя вниманіе молодая пригожая дама, въ прекрасной шляпкѣ, въ модномъ платьѣ, въ богатой шали и, вѣроятно для смиренія плоти,

съ босыми ногами. Ее сопровождали два гайдука въ блестящей ливреѣ. Отъ наблюдательнаго взора Парижанъ не укрылось, что смиренница дама имѣетъ прекрасныя маленькія ножки.

По случаю юбилея, обнародованы папскія буллы, дарующія всепрощеніе грѣховъ за самыя малыя пожертвованія, за участвованіе въ нѣсколькихъ процессіяхъ и прочтеніе нѣсколько разъ Pater noster и Ave Maria; но быстро распространяющійся іезуитизмъ сдѣлалъ всѣхъ столько недовѣрчивыми, что они смотрятъ на самыхъ ревностныхъ католиковъ, какъ на фарисеевъ. Недавно во всѣхъ магазинахъ, въ которыхъ продаются эстампы, появились литографированныя изображенія духовной процессіи; всѣ участвующія въ ней лица представлены съ разинутыми ртами и въ самыхъ изуродованныхъ, карикатурныхъ положеніяхъ. Вотъ общій отголосокъ о крутыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Іезуитами для обращенія Французовъ въ нѣдра Апостольской церкви.

Не удивительно, что, при такомъ расположеніи духа такъ холодно былъ принятъ

священнѣйшій обрядъ канонизаціи или сопричисленія къ лику святыхъ принявшаго мученическій вѣнецъ, короля Людовика XVI. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ подъ сѣкирою и гдѣ Благословенный Александръ въ 1814 году съ союзными монархами и войсками приносилъ благодарственныя молитвы Богу силъ, благословившему его оружіе,—тамъ въ послѣдствіи (*) приносилась очистительная жертва, въ присутствіи короля, государственныхъ сановниковъ, войска и всего Парижа. Я не знаю, гдѣ укрывались и какую бурю мученій испытывали въ это время пережившіе свой позоръ, виновники королевской смерти; но Французы новаго поколѣнія смотрѣли на это торжество, какъ на обрядъ для нихъ чуждый; они не слушали молитвъ, не преклоняли колѣнъ и оставались съ покрытою головою, какъ будтобы кровь вѣнчаннаго мученика не пала на ихъ отцевъ и на нихъ самихъ.

Іезуиты употребляютъ всѣ усилія къ возстановленію духовнаго управленія среднихъ вѣковъ. Многіе декреты и буллы пап-

(*) Въ Маѣ 1826 года.

скія приводятся въ исполненіе епископами южныхъ епархій мимо министерства и палатъ, которыя однѣ только имѣютъ право по закону давать разрѣшеніе на ихъ обнародованіе. Многія древнія постановленія каноническія, по несообразности ихъ съ духомъ настоящаго времени давно уже отринутыя и забытыя, снова получаютъ свой ходъ и силу. Одно изъ такихъ постановленій лишало умирающихъ актеровъ и актрисъ почести отпѣванія ихъ по чину церковному и погребенія на общемъ католическомъ кладбищѣ. Упрямство и настойчивость духовенства въ возстановленіи этого правила дали поводъ въ прошедшемъ году къ большимъ безпокойствамъ и волненіямъ въ столицѣ, по случаю смерти актера Филиппа изъ Труппы Гимназіи Драматической. Лишь только распространилось извѣстіе объ отреченіи священниковъ совершить надъ нимъ погребальныя молитвы, около 100,000 человѣкъ двинулись съ гробомъ его сперва къ этимъ священнослужителямъ, потомъ въ Тюльерійскій дворецъ къ королю, отъ короля къ министру духовныхъ дѣлъ,

Гермополитскому архіепископу; и, не получивъ ни отъ кого удовлетворенія, рѣшились прибѣгнуть къ самоуправству. Они вторглись силою въ церковь, пробыли въ ней нѣсколько времени съ тѣломъ покойника и потомъ отнесли его на общее кладбище, призывая въ молитвахъ и рѣчахъ своихъ Судію Всевышняго разсудить ихъ прю и поручая его благости душу усопшаго.

При политикѣ болѣе осторожной и мѣрахъ менѣе крутыхъ, можно было бы, кажется, дать совершенно другое направленіе этому народу, еще не совсѣмъ подавившему въ себѣ чувства религіи: но Іезуиты, подобно нетерпѣливымъ врачамъ, хотятъ лечить слабыхъ больныхъ сильными, отчаянными средствами; они не гнутъ, а ломаютъ Францію.

Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе юношества также съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливается. Почти всѣ учебныя заведенія, среднія и высшія, уже состоятъ теперь подъ вѣденіемъ пастеровъ и управляются или членами ихъ общества или ихъ агентами. Почти всѣ мѣста учи-

телей и профессоровъ, соединенныя съ хорошими окладами, перешли въ ихъ руки. Многіе изъ прежнихъ наставниковъ, не смотря на ихъ преданность правительству и даже на религіозныя правила, удалены отъ ихъ должностей подъ тѣмъ только предлогомъ, что они не исполняли церковныхъ обязанностей въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Шаткость правленія Французовъ. Партіи демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсуждѣній въ палатахъ о законѣ наслѣдства. Судъ надъ издателемъ газеты Constitutionnel; торжество оратора Дюпена.

Теперь обратимся къ *Правленію*. Въ теченіе тридцати лѣтъ внутреннихъ пере-

воротовъ, Французы перемѣнили болѣе десяти образовъ правленія и ни однимъ не удовольствовались. Подобно Лафонтеневымъ искателямъ фортуны, они рыскали по всему древнему и новому міру, по всѣмъ областямъ демократическимъ, директоріальнымъ, консульскимъ, имперскимъ и конституціоннымъ; вездѣ искали и спрашивали благоденствія народнаго и доселѣ еще не образумились и не поняли, что истинное благоденствіе находится только тамъ, гдѣ есть порядокъ, подчиненность и чиноначаліе. Французы знаютъ, что тѣло государственное не можетъ существовать безъ головы, но они въ политическомъ умоизступленіи своемъ воображаютъ, что и ноги способны быть головою. Отъ того все у нихъ идетъ и должно итти вверхъ ногами. Народъ не размышляющій и безразсудный, преслѣдуя одни злоупотребленія въ правленіи, влечетъ за ними тысячу другихъ и, ища Ангеловъ между людьми, самъ первый уподобляется кровожадному звѣрю.

Въ нынѣшнемъ конституціонномъ правленіи борятся между собою двѣ партіи:

демократическая и *аристократическая*. Первую составляютъ чернь и средній классъ народа; послѣднюю всѣ члены древнихъ возстановленныхъ фамилій, эмигранты, почетное духовенство и Іезуиты. Патронами демократовъ почитаются оппозиціонные ораторы Палаты депутатовъ: прежде генералъ Фуа, прозванный Французскимъ Димосѳеномъ, нынѣ Бенжаменъ Констанъ, Себастіани и нѣсколько другихъ. Главою аристократовъ можно назвать графа Виллеля, перваго королевскаго министра. Примѣтно, что перевѣсъ блистательныхъ талантовъ почти всегда остается на сторонѣ оппозиціонной; однако нельзя отнять чести и у графа Виллеля, одареннаго умомъ оборотливымъ, характеромъ твердымъ и словомъ лаконическимъ. Сколько разъ шумныя рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ разбивались о его холодную и крѣпкую силлогистику, какъ волны о скалу, стоящую среди моря!

Въ этой общей свалкѣ трудно отличить справедливость. Генералъ Фуа въ одной рѣчи своей произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Celui qui demande plus

„que la charte, moins que la charte, autrement „que la charte, celui manque à son serment.“ то есть: „Кто домогается большаго, нежели сколько даетъ хартія,—меньшаго, нежели сколько дозволяетъ хартія, и не такъ, какъ предписывается въ хартіи; тотъ нарушаетъ свою присягу.“ По смыслу сего изреченія всѣ партіи подлежатъ осужденію въ преступленіи данной ими присяги; потому что каждая изъ нихъ присвоиваетъ себѣ болѣе, и оставляетъ другимъ менѣе, нежели сколько дано имъ хартіею,—этою конституціонною хартіею, которую онѣ привыкли называть своимъ палладіумомъ.

Аристократическая сторона есть самая предпріимчивая, но безуспѣшная; она только предполагаетъ, а народъ рѣшаетъ; и почти всякое предпріятіе первой обращается въ тріумфъ оппозиціи или народа.

Недавно именемъ короля предложенъ былъ на разсмотрѣніе Палаты представителей законъ о предоставленіи права наслѣдства въ семействахъ однимъ только старшимъ дѣтямъ. Цѣлію этого закона было распространеніе и

усиленіе высшаго дворянства, какъ главной опоры монархическаго правленія; но эту цѣль поняли. Тысячи адресовъ противъ предложеннаго закона присланы были изъ департаментовъ въ Палату представителей; и когда дѣло перешло въ Палату перовъ и назначенъ былъ день для его рѣшенія; то Люксембургскій дворецъ осажденъ былъ 50 тысячами народа. Испуганные перы принуждены были уступить желаніямъ демократовъ; они не утвердили закона—и торжествующая чернь въ обыкновенномъ своемъ притонѣ, въ кварталѣ Сентъ-Дениса, праздновала въ тотъ же вечеръ свою побѣду общею иллюминаціею и жаркою стычкою съ эскадронами жандармовъ, покушавшихся разогнать толпы ея.

Въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ (1825 года) главный прокуроръ королевскій представилъ Палатѣ юстиціи (Palais de Justice) обвиненіе на издателя газеты Constitutionnel въ его посягательствѣ на религію, на правительство, на нравственность. Важность этихъ пунктовъ, подвергающихъ виновнаго суду уголовному, привлекла вниманіе

обѣихъ партій: аристократической и демократической; первая приготовляла себя къ торжеству, послѣдняя къ оборонѣ. Защитникомъ подсудимаго избранъ былъ извѣстный адвокатъ Дюпень старшій. Дюпень далъ дѣлу оборотъ совсѣмъ неожиданный; вмѣсто того, чтобы выдерживать нападеніе, онъ самъ повелъ атаку на нападающихъ, сильно и убѣдительно доказывал, что издатель помянутой газеты возставалъ не противъ религіи, а на Іезуитовъ, не противъ правительства, а на вмѣшательство патеровъ въ правленіе, не противъ нравственности, а на новыхъ тартюфовъ, растлѣвающихъ нравы своимъ фарисействомъ. Дюпень говорилъ около трехъ часовъ почти безъ отдыха; рѣчь его исполнена была сильныхъ движеній и колкостей; онъ поперемѣнно возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ и общій смѣхъ и негодованіе. По окончаніи рѣчи, присяжные судьи объявили издателя газеты оправданнымъ по всѣмъ тремъ пунктамъ. Сто тысячъ народа, ожидавшіе съ нетерпѣніемъ развязки, понесли на рукахъ торжествующаго оратора въ его квартиру съ безпрерыв-

ными, изступленными восклицаніями: „Vive Dupin! A bas les Jesuites!“

Можно сказать, что и Іезуиты, какъ бы предчувствуя свою недолговѣчность, спѣшатъ жить и пользоваться выгодами жизни. Почти всѣ богатые приходы и почетнѣйшія мѣста въ училищахъ заняты членами ихъ ордена; по однимъ духовнымъ завѣщаніямъ отъ стариковъ и женщинъ уже пріобрѣтено ими, мимо законныхъ наслѣдниковъ, болѣе милліона наличнаго капитала.

Таинственность, какою они покрываютъ себя, почти непроницаема. Доселѣ неизвѣстны еще ни мѣстопребываніе, ни состояніе ихъ генерала. Прежде приписывали это званіе архіепископу Гермополитскому; нынѣ, когда онъ торжественно опровергнулъ сіе показаніе въ рѣчи, произнесенной имъ въ Палатѣ перовъ, подозрѣнія пали на графа Вилелея, но безъ основанія и, можетъ быть, единственно только по общему нерасположенію къ нему народа.

Во всякомъ случаѣ, при господствующемъ нынѣ духѣ во Франціи, правительству, кажется, остается одно изъ двухъ: или отка-

зашься отъ покровительства Іезуитамъ, или приготовиться къ самымъ непріятнымъ слѣдствіямъ.

НРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ отношеніи нравовъ и нравственности Французовъ мы остаемся въ такомъ же заблужденіи, въ какомъ Французы относительно нашей образованности. Они съ дѣтскимъ простодушіемъ повторяютъ сказку, что Россія еще доселѣ погружена въ грубое невѣжество; мы отъ добраго сердца вѣримъ, что Французы столько же вѣжливы и любезны, какъ бывали прежде; короче сказать: мы думаемъ взаимно думами прошедшаго столѣтія, не размышляя, что оно отдѣлено

опъ насъ цѣлымъ рядомъ эпохъ, поглотившихъ династіи и измѣнившихъ весь образъ Европы.

Вѣжливость Французовъ прошедшаго вѣка была отблескомъ двора прежнихъ королей, славившагося утонченностію вкуса и обращеніемъ. Но когда двора не стало и неистовая чернь присвоила себѣ права самодержавія; съ того времени свойственныя ей грубость, невѣжество и суровость бросили тѣнь свою и на прочія сословія. Было даже время, что вѣжливость, признакъ хорошаго воспитанія, почиталась какъ бы личнымъ оскорбленіемъ величества черни, lèse-majesté du peuple.

Наполеонъ хотѣлъ дать другое направленіе нравамъ народнымъ, одичавшимъ въ продолженіе владычества терроризма. Онъ старался внушить Французамъ какое-то фантастическое понятіе о личной и національной чести; и хвастовство, обыкновенная болѣзнь душъ мѣлкихъ, сдѣлалось общимъ недугомъ Французовъ; и мародеръ и поденьщикъ начали твердить о чести, которой они не имѣли. Въ журналахъ безпрерывно

стали повторяться напыщенные звуки: „Великой народъ! Великая нація!“ — На театрѣ, въ роли какого нибудь сержанта, актеръ, принимая положеніе Кесаря, произноситъ надменно: „Je suis François!“ И самъ Димосѳенъ Франціи, генералъ Фуа, мужъ съ великими талантами, кричалъ въ припадкахъ своего фантастическаго патріотизма: „Раздастся эхо по землѣ и скажетъ потомству, кто были Французы!“ — Точно тоже дѣлаютъ и профессоры на каѳедрахъ и художники въ своихъ произведеніяхъ; всѣ льстятъ великой черни, потому что на этой лести основана и слава ихъ и благоденствіе и существованіе.

Почти всѣ путешественники, посѣщавшіе Парижъ, обвиняютъ гражданъ его въ пристрастіи къ праздной и разсѣянной жизни, къ щегольству и расточительности, къ удовольствіямъ и забавамъ. Какъ спорить противъ толикаго числа свидѣтелей, находя почти на каждомъ шагу подтвержденіе ихъ показаній,—встрѣчая въ продолженіе цѣлаго дня на всѣхъ площадяхъ, набережныхъ и бульварахъ толпы зѣвакъ, дви-

жущихся безъ плана и останавливающихся безъ цѣли, а передъ наступленіемъ вечера цѣлыя колонны, осаждающія входъ театровъ, публичныхъ гуляній, переходовъ (passages) и кофейныхъ домовъ. Но принимая на себя роль наблюдателей, не будемъ дѣлать заключеній по одному глазомѣру. Всмотримся ближе въ эти лица съ разинутыми ртами, вслушаемся въ звуки ихъ языка; и тогда, къ крайнему нашему удивленію, откроемъ между ними тьму Англичанъ и другихъ иноземцевъ, пріѣзжающихъ сюда для мнимаго устройства и сбереженія своей экономіи, и столько же или еще болѣе иногородцевъ, прибывшихъ въ столицу для коммерческихъ оборотовъ и, какъ водится вездѣ, мѣшающихъ дѣло съ бездѣльемъ. Теперь обойдемъ сады, пассажи, кофейные домы и партеры театровъ; и здѣсь встрѣтимъ тѣхъ же иностранцевъ и иногородцевъ, которыхъ среднимъ числомъ ежедневно прибываетъ въ Парижъ до 30,000. Если бы и можно было прибавить къ нимъ 10,000 изъ числа постоянныхъ жителей столицы, убивающихъ время по склонности или по обстоятельствамъ,

въ ожиданіи мѣста по службѣ или работы по подряду; то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы сдѣлать по нимъ заключенія о цѣломъ милліонѣ народонаселенія Парижскаго.

Парижъ почитается столицею модъ; но моды составляютъ не столько страсть, сколько особенную отрасль промышленности его жителей. Граждане и гражданки обыкновенно одѣваются просто и скромно, заботясь болѣе о приличіяхъ и вкусѣ, нежели о новизнѣ и пышности одежды. Кто же эти первенствующіе жрецы и жрицы вездѣ поклоняемаго идола моды? Это праздношатающіеся пешимепры, большею частію иноземные, и праздно-расточающія красоту свою нимфы Пале-рояля, оперныхъ переходовъ и Италіянскаго бульвара. Послѣднія суть живыя вывѣски модныхъ платьевъ, шляпокъ и чепчиковъ; не онѣ одѣваются по модными журналамъ, а модные журналы пользуются ихъ натурою для своихъ картинокъ. Такимъ образомъ раскрашенные блондами и лентами ихъ портреты развозятся по всей Европѣ и, — совѣстно, но надобно признаться, служатъ образцами вкуса и приличій не толь-

ко честнымъ женщинамъ, но и невиннымъ дѣвицамъ.

Почти всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Парижа съ мнѣніемъ о немъ, какъ о развратнѣйшемъ городѣ въ цѣлой Европѣ и о женщинахъ его, какъ о кокеткахъ первой степени. Этотъ пунктъ обвиненія такъ важенъ, что мы въ правѣ требовать отъ обвинителей болѣе ясныхъ и сильныхъ доказательствъ, нежели одно ихъ мнѣніе. Справедливо, что въ Парижѣ вездѣ отворены пути разврату; однѣхъ женщинъ, обреченныхъ распутству и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ полиціи, считается нынѣ около 30,000; число чрезвычайное, ужасное! Но открытый, обнаженный и заклейменный порокъ, поселяющій отвращеніе къ себѣ собственною своею физіономіею, самъ собою теряетъ силу и вліяніе на нравственность семейственную. Отъ него старается оградить себя каждая женщина, сколько нибудь добросовѣстная; и если не по чувству чести, то по чувству самолюбія, чтобы не быть смѣшанною съ отребіемъ своего пола, поставляется въ необходимость держать

себя прилично и скромно. И вотъ что дѣйствительно примѣтно въ Парижѣ въ настоящее время. Можетъ быть самый переломъ нравовъ, послѣдовавшій за революціею, возбуждающею о себѣ самыя ужасныя воспоминанія, много способствовалъ къ улучшенію нравственности здѣшнихъ женщинъ. Короче сказать: Парижанки средняго класса и даже низшаго менѣе даютъ замѣтить свое кокетство, нежели Нѣмки, Итальянки, Испанки и многія другія. Сама мамзель Марсъ для ролей кокетокъ уже не находитъ образцевъ въ настоящемъ обществѣ; и почти всегда невольно впадаетъ въ анахронизмъ, представляя женщинъ прошедшаго вѣка. Между самими служанками уже нѣтъ тѣхъ болтливыхъ, рѣзвыхъ и хитрыхъ, какихъ мы привыкли видѣть во Французской комедіи; нынѣшнія скромницы умѣютъ нескромныхъ мущинъ держать въ почтительномъ разстояніи.

Я не пишу апологіи Парижанокъ, и зная свойственную имъ вѣтреность, и легкомысліе, не могу даже ручаться, за продолжительность ихъ скромности, но представляю

ихъ такъ, какъ онѣ мнѣ показались въ 1826 году.

Легкомысліе и вѣтренность суть наслѣдственныя, завѣтныя и родовыя качества Французовъ и Француженокъ; но если бы и въ этомъ отношеніи надобно было найти исключеніе изъ общаго положенія, то я неусумнился бы указать на низшій придворный штатъ или на служителей дворца Тюльерійскаго. Вотъ классъ Парижанъ, могущій служить образцемъ степенности. Они беззаботно пережили всѣ бури революцій и всѣ династіи, ими поглощенныя. Они никогда не вмѣшивались и не вмѣшиваются въ политику, выходящую изъ предѣловъ дворца ихъ. Имъ нѣтъ дѣла ни до образа правленія, ни до имени правителей; они убѣждены только въ одномъ, что дворецъ ихъ есть гостинница, правители - гости, а сами они хозяева, обязанные угощать и чествовать всѣхъ гостей, которыхъ угодно будетъ націи поставить къ нимъ на постой. Сверхъ того имъ извѣстно, что и консулъ и диктаторъ и Императоръ и король имѣютъ нужду въ пищѣ, питьѣ и теплѣ, и что во

всемъ этомъ никто не можетъ быть удовлетворенъ безъ ихъ прислуги; а потому служители придворные увѣрены, и не безъ основанія, что они только одни самыя необходимыя лица въ государствѣ, а слѣдовательно и самыя постоянныя на своемъ мѣстѣ. Правила придворнаго этикета соблюдаются ими съ строгою отчетливостію; на пр. они съ радушіемъ встрѣчали добраго ихъ короля Людовика XVIII, когда онъ возвратился въ Парижъ послѣ долгаго своего изгнанія; плакали, когда провожали его изъ дворца при побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы, и черезъ нѣсколько часовъ опять улыбались и изъявляли живѣйшую радость, привѣтствуя самаго Наполеона съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ его путешествія.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Ученыя общества; учебныя заведенія. Королевскій Лувръ скій музей; Люксембургская картинная галлерея. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.

Парижъ волшебный городъ. Всѣхъ онъ къ себѣ привлекаетъ; его браняшъ и ненавидятъ и въ тоже время хотятъ взглянуть на него, взглянувши насмотрѣться, узнать его ближе и имъ насладиться. Отъ чего такая борьба мнѣній и чувствованій? Отъ того, что Парижъ имѣетъ всѣ средства удовлетворять всѣмъ склонностямъ, прихотямъ причудамъ и вкусамъ. Въ одно и тоже время онъ доставляетъ и разсѣянность праздполюбцу и отдыхъ трудолюбивому и заня-

тіе любознательному. Однимъ словомъ: Парижъ есть городъ познанія добра и зла. Набросимъ покрывало на его черныя стороны и посмотримъ на одну бѣлую.

Есть много столицъ, которыя могутъ соперничествовать въ просвѣщеніи съ Парижемъ: но ни одна не представляетъ столько удобствъ для любителей наукъ, искусствъ и художествъ. Въ Лондонѣ, въ Германіи и въ Италіи ученость и эстетическія наслажденія продаются на вѣсъ, по золотникамъ, и самою дорогою цѣною; въ Парижѣ почти все и всѣмъ дается даромъ и столько, сколько душѣ угодно. Одно исчисленіе здѣшнихъ музеевъ, библіотекъ и учебныхъ заведеній должно изумить наблюдателя. Вотъ списокъ главнѣйшимъ изъ нихъ: королевскій музей, Люксембургская картинная галлерея, галлерея Палероялъская, библіотека королевская, Мазаринская, Сенп-Женевьевская, городская, медицинская и королевскаго ботаническаго сада, ботаническій садъ, его музей натуральной исторіи и консерваторія художествъ и ремеслъ. Всѣ они открыты для любопытныхъ во всякое время. *Ученыя обще-*

ства: королевскій институтъ, состоящій изъ четырехъ отдѣленій: математическаго, языка и литературы Французской, исторіи и литературы древней и изящныхъ художествъ; астрономическое для измѣренія долготъ, королевское медицинское, Аѳеней или общество поощренія художествъ, общество любителей древностей и многія другія. *Учебныя заведенія публичныя:* университетъ или академія Сорбонская, школа образцовая (normale) или педагогическая, семь королевскихъ коллегій, коллегіи Французская и Британская, школа живыхъ восточныхъ языковъ, археологическій классъ въ королевской библіотекѣ, институты глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. *Частныя школы:* политехническая, горная, построенія мостовъ и шоссе, фармацевтическая, ветеринарная; для *изящныхъ художествъ:* школы живописи, ваянія, зодчества, классъ иконописанія съ натуры предметовъ натуральной исторіи, школы мозаическаго художества, гравированія на камняхъ, музыки и декламаціи; для *гимнастики* школы верховой ѣзды и плаванія; однимъ словомъ: все есть; чего хотите, того про-

сиве. Здѣсь не поставляется въ необходимость, какъ въ другихъ странахъ, довольствоваться нужнымъ; здѣсь можете, и по части ученой, имѣть свои прихоти и предаваться роскоши наслажденій.

Ни времени, ни терпѣнія не достанетъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ отраслей учености и воспитанія; бросимъ бѣглый взглядъ на одни важнѣйшія учрежденія, имѣющія болѣе дѣятельное вліяніе на общественную образованность столицы и народа.

Между ними первенство принадлежитъ *королевскому Луврскому музею*. Онъ заключаетъ въ себѣ 736 статуй, бюстовъ, гермесовъ, барельефовъ, камней съ надписями и другихъ древнихъ памятниковъ, и 1,163 картины и болѣе 4,000 рисунковъ разныхъ школъ. Въ 1815 году, при повальномъ обыскѣ союзныхъ войскъ, взято отсюда и возвращено въ Италію, Германію и Австрію все, что заграблено было Наполеономъ; со всѣмъ тѣмъ въ королевскомъ музеѣ остается еще множество антиковъ и картинъ такихъ, которыя ставятъ его на ряду съ первоклассными музеями Италіянскими. Антики помѣщаются

въ нижнемъ этажѣ стараго Луврскаго дворца: въ одной передней комнатѣ или сѣняхъ (vestibule), въ 18 залахъ и 4 аркадахъ, служащихъ входами въ залы.

Въ сѣняхъ достойна особеннаго примѣчанія колоссальная статуя, представляющая *плѣнника* изъ сѣверныхъ народовъ, которые въ Римѣ и Греціи извѣстны были подъ общимъ именемъ варваровъ. Костюмъ его, бывшій предметомъ многихъ ученыхъ разсужденій, не похожъ ни на Римскій, ни на Греческій, но имѣетъ разительное сходство съ одеждою Славянскою. Верхняя одежда его не есть Римская туника *colobium*, какъ полагали, а просто рубашка, открытая съ верху до полса; исподнее платье не передникъ Греческихъ аплетовъ *zoma*, а порты; и обувь, называемая учеными *aluta laxior*, есть родъ бахилокъ (лаптей) съ оборками, которыя обвиты наперекрестъ вокругъ широкаго куска полотна или онучей. Полагаютъ, что этотъ плѣнникъ (вѣроятно Славянскій или Сарматскій князь изъ Даціи) украшалъ тріумфъ кого либо изъ Римскихъ императоровъ третьяго вѣка.

Изъ прочихъ памятниковъ достопримѣчательнѣйшіе суть: извѣстный борецъ или Боргезскій: *Гладіаторъ*, работы Эфесскаго Агазія; нѣкоторыя статуи Римскихъ императоровъ; *Гермесъ*, представляющій Александра Великаго и почитаемый единственнымъ, оставшимся отъ древности, подлиннымъ портретнымъ изображеніемъ сего героя; *группа Центавровъ*, древняя копія съ группы того же имени, найденной въ 1746 году въ виллѣ Адріановой; *группа Тибра*, открытая въ концѣ XV столѣтія вмѣстѣ съ Ватиканскою группою Нила подлѣ *via Lata*, гдѣ былъ храмъ Изиды и Сераписа (они служили украшеніемъ двумъ источникамъ при входѣ этого храма); колоссальная статуя Минервы или *Веллетрійская Паллада*, найденная въ 1797 году въ мѣстечкѣ Веллетри, въ окрестностяхъ Рима, между развалинами древней Римской дачи; колоссальная статуя *Мельпомены*, оставшаяся отъ украшеній театра Помпеева; *Изида* изъ чернаго мрамора, въ Греческомъ стилѣ и съ іероглифическими письменами (изъ Адріановой виллы); *Психея*, преслѣдуемая Венерою; *Геркулесъ* и *Телефъ*;

колоссальная группа; *Панъ* изъ Греческаго мрамора съ тремя барельефами на пьедесталѣ, — представляющими судъ Париса, генія ночи въ одеждѣ Митры и геніл утра.

Изъ барельефовъ примѣчательнѣйшіе: *лищеіе Медеи,* въ четырехъ сценахъ со многими фигурами, — обрядъ жертвоприношенія свиньи, овцы и вола *suovetaurilia*, и *жертвогадатель* aruspex, единственный памятникъ, оставшійся въ этомъ родѣ отъ древности.

Картинная галлерея представляетъ прекрасный картинный проспектъ, простирающійся по набережной Сены отъ Лувра до дворца Тюльерійскаго и оканчивающійся колоннадою изъ 24 столбовъ разныхъ орденовъ. Она заключаетъ въ себѣ многія драгоцѣнныя произведенія школъ Италіянской, Фламандской и Французской. Сперва поражаетъ васъ огромная картина *Павла Веронеза* (Веронскаго), представляющая бракъ въ Канѣ Галилейской; въ ней художникъ изобразилъ портреты всѣхъ знатнѣйшихъ современниковъ, въ томъ числѣ императора Карла V и сестру его Елеонору, короля

*

Французскаго Франциска I съ королевою, королеву Англійскую Марію, Солимана II, султана Турецкаго, и наконецъ себя самаго, играющаго на віолончели, Тинторетта ему аккомпанирующаго на томъже инструментѣ и Тиціана, играющаго на басъ. Далѣе останавливаетесь на разнообразныхъ произведеніяхъ Французовъ: *Ле Сюера, Лебрюна,* Николая *Пуссена*; и наконецъ услаждаете взоръ и душу изящными произведеніями *Доминикена, Гверчино, Гвида, Корреджіа, Альбана,* братьевъ *Караччи, Тиціана, Микель-Анджела* и *Рафаеля.* Въ числѣ картинъ Рафаелевыхъ находятся: извѣстный *Архангелъ Михаилъ,* поражающій демона; *сраженіе Святаго Георгія съ драконолъ;* пять святыхъ семействъ, изъ которыхъ лучшія: такъ называемая La belle jardiniere и *младенецъ Іисусъ,* подающій руки изъ колыбели и окруженный двумя ангелами, Предтечею младенцемъ и Св. Іосифомъ. Послѣдняя писана Рафаелемъ за два года до его смерти для Французскаго короля, Франциска I. Сверхъ сего пять портретовъ; въ одномъ изъ нихъ Іоанны Аррагонской, вице-королевы Сицилійской,

голова писана Рафаелемъ, а драпировка *Юліемъ Романомъ:* двѣ кисти, рѣзко одна отъ другой отличающіяся. Изъ Фламандцевъ картины *Іорданса, Брейгелл, Теньера* и *Павла Потера* хороши, какъ и вездѣ; но воздушныя аллегорическія твореніа знаменитаго колориста *Рубенса,* не смотря на изящество группировки и сценъ, такъ тяжелы, что невольно тянутъ къ землѣ и къ земнымъ помысламъ.

Люксембургская картинная галлерея, въ недавнемъ времени основанная, предназначена для храненія изящныхъ произведеній живыхъ Французскихъ художниковъ. Она занимательна потому, что даетъ вѣрное понятіе о характерѣ Французской школы и самой націи.

Французская школа живописи раздѣляется на старинную и новую. Старинная, процвѣтавшая во времена Людовика XIV, носитъ на себѣ печать изысканности или многосложности въ изобрѣтеніи, которая часто дѣлаетъ ея произведенія сбивчивыми и темными; новая начинается только съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка,

вмѣстѣ съ *Давидомъ*, почитаемымъ ея главою.

Давидъ, ревностный поборникъ революціи, не имѣлъ ни религіи, ни отечества. Въ дни терроризма онъ участвовалъ въ разрушеніи Парижскихъ храмовъ—и святое вдохновеніе, которымъ воодушевляли себя всѣ знатнѣйшіе художники Италіянскіе, никогда не посѣщало его. У него нѣтъ отечества, потому что всѣ прежніе подвиги, совершенные королями и при королях, въ глазахъ его—преступленія. Его жизнь гражданская начинается только съ перваго революціоннаго пожара и оканчивается послѣднею кампаніею генерала Бонапарте въ Италіи. И такъ Давиду, безпріютному сиротѣ политическому, ничего болѣе не оставалось, какъ искать убѣжища въ древнемъ, Греческомъ и Римскомъ, мірѣ. Оттуда онъ заимствовалъ всѣ мысли для картинъ своихъ и во всѣхъ его картинахъ просвѣчиваетъ не душа чистая и свѣтлая, а духъ мятежный и суровый.

Остановимся передъ лучшими его произведеніями. Вотъ *Погребальный конвой дѣтей Брутовыхъ*, осужденныхъ на смерть самимъ

отцемъ ихъ; ликторы несутъ тѣло преступниковъ между колоннадою; Брутъ, сидя въ курульскихъ креслахъ, бросаетъ изъ подлобья суровый взглядъ; стоящая подлѣ кресель статуя Рима осѣняетъ его своею тѣнію: мысль — геніальная и высокая, но, къ сожалѣнію, происшекаетъ изъ нечистаго источника; въ ней скрыты и непримиримая ненависть художника къ царямъ и безумная его преданность демократіи. Вотъ другая его картина: *Ѳермопилы*. Вся дружина Лакедемонская приходитъ въ движеніе, при появленіи Персовъ на вершинѣ горы; одни изъ воиновъ спѣшатъ одѣваться въ броню, другіе разводятъ на жертвенникѣ огонь: а на переднемъ планѣ сидитъ вождь Леонидъ, погруженный въ глубокое мечтаніе. Среди этаго мечтанія въ глазахъ его загорѣлась великая мысль: умереть на мѣстѣ битвы со всѣми храбрыми. Эта картина съ недавняго времени привлекаетъ на себя особенное вниманіе Парижанъ; потому что Тальма вѣрно копируетъ главнаго ея героя въ одной изъ сценъ, представляемой имъ нынѣ съ блиста-

шельнымъ торжествомъ, новой трагедіи: *Леонидъ*.

Третья картина Давидова *Сраженіе Сабинянъ съ Римлянами* за похищеніе послѣдними дѣвъ Сабинскихъ. Это не ратное поле и не свалка враждебныхъ войскъ, а просто фехтовальное училище съ учениками, на первомъ планѣ котораго изображены вмѣсто вождей два фехтовальные мастера, выпадающіе одинъ противъ другаго по всѣмъ правиламъ своего искусства.

Четвертая картина, всѣмъ извѣстная, *клятва Гораціевъ*. Кто не восхищался ихъ величавыми головами, дышущими негодованіемъ? Но на своихъ ли туловищахъ эти головы? Что значатъ эти три руки, вытянутыя какъ бы по шнуру, съ тремя мечами, опущенными внизъ какъ бы по ватерпасу? И что значатъ эти ноги, раздвинутыя разъ въ разъ, какъ бы по командѣ? Ишь, это не Римскіе граждане простыхъ патріархальныхъ временъ, а Горація Французскіе, театральные.

Въ Люксембургской галлереѣ дорого также цѣнятся картины *Жиродетовы:* сцена

изъ потопа, мятежъ въ Каирѣ, сонъ Эндиміона и похороны Аталы; извѣстнаго художника *Гро* Францискъ I и Карлъ V въ церкви Сентъ-Дениса; *Дроллингова* Орфей; *Ревуалева* Карлъ V съ эпамискою Герцогинею, которой онъ даритъ свое кольцо; *Горація Вернета* пораженіе Мамелюковъ при Каирѣ; нѣсколько картинъ Петра и Павлина *Гереева, Ришара, Кудера, Мейньера и дѣвицы Леско* (Lescot); но, исключая Гро и Горація Вернета, всѣ прочія болѣе или менѣе подчинены одной манерѣ, стилю и духу.

Вообще въ произведеніяхъ новой Французской школы отражаются: 1) *античность*. Способъ учить рисованію по антикамъ, есть самый точный и вѣрный; но для него въ художнической жизни долженъ быть опредѣленный періодъ. Полезно знать анатомію тѣла во всѣхъ ея подробностяхъ, но привязаться къ ней навсегда значитъ основать свою славу на скелетахъ; и отъ сего-то соблазна немногіе Французскіе художники умѣютъ предостерегать себя. По мнѣнію моему, анатомію тѣла можно сравнить съ аналитикою краснорѣчія, преподаваемою въ

реторикахъ. Аналитика пріучаетъ умъ къ правильному, послѣдовательному и силлогистическому порядку мыслей; но горе тому оратору, который и на каѳедрѣ, передъ собраніемъ народнымъ, будетъ подчинять не періоды и силлогизмы своему воображенію и чувствамъ, а свое воображеніе и чувства періодамъ и силлогизмамъ.

2) *Театральность.* Французскіе художники, посѣщая театры, ловятъ всѣ граціозныя и величавыя положенія актрисъ и актеровъ. Отъ того такъ часто встрѣчаются въ ихъ произведеніяхъ или мамзели Марсъ, Дюшенуа и Жоржъ или Тальма и, что того несноснѣе, плечистый и мускулистый Лафонъ. Тальма сдѣлался идоломъ живописи; его вы встрѣтите даже и въ картинахъ церковныхъ. Въ церкви Сенпъ-Дениса одна картина представляетъ гоненіе Перона на Христіанъ; но на тронѣ Римскомъ посаженъ Тальма, точно съ тою же физіономіею, какую онъ беретъ въ роли сего императора въ трагедіи Британникъ, — съ тѣми же движеніями, прическою и драпировкою.

3) Французскіе художники, представляя высокое, почти всегда дѣлаются напыщенными; а изображая граціозное, почти всегда впадаютъ въ манерное, копируемое ими съ балетныхъ позовъ Большой оперы. Это общій порокъ Французовъ; они думаютъ, что высокое не можетъ обойтися безъ подставокъ, а граціозное безъ прикрасъ. Надобно ожидать, не сдѣлаетъ ли какого переворота нынѣшній профессоръ исторической живописи въ академіи художествъ г. *Гро*, который получилъ классическое воспитаніе въ Италіи и безпрерывно твердитъ ученикамъ своимъ о простотѣ.

4) Въ художественныхъ произведеніяхъ, заимствующихъ содержаніе изъ національной исторіи, у Французовъ очень часто выказывается хвастовство, и хвастовство нелѣпое, ребяческое. Изъ безчисленныхъ примѣровъ я укажу здѣсь только на одну новую картину, привлекающую нынѣ на выставкѣ толпы зѣвакъ. Сцена происходитъ въ Россіи зимою, во время бѣгства Французской арміи. Одинъ, отставшій какимъ-то образомъ гренадеръ, въ гвардейскомъ мундирѣ

(а это было вѣроятно при 20 градусахъ мороза), настигнутъ былъ большимъ отрядомъ козаковъ. Не теряя нимало присутствія духа, онъ прикрылъ свой арріергардъ случившимся тутъ деревяннымъ заборомъ и положивъ ружье на прикладъ, спалъ гордо одинъ противъ тысячей. Козаки начали вокругъ его маневрировать и не смѣя напасть на него открыто, послали нѣсколько десятковъ пѣшихъ за заборъ, чтобы схватить или убить его, если можно въ расплохъ. „А? Каковы наши гренадеры?“ сказалъ случившійся при этой картинѣ одинъ знакомый мнѣ Французъ. — Да, отвѣчалъ я, эта картина ни чѣмъ не уступитъ нашей лубочной, представляющей Французскихъ мародеровъ въ Русской крестьянской избѣ. Мародеры, приступивъ, какъ говорится, съ ножемъ къ горлу крестьянки, кричали, чтобы она подала все, что у ней есть. „Кормильцы мои!“ отвѣчала испуганная баба; „да у меня уже все взято вашею же братіею Французами; осталась только одна *коза*.“ „Козакъ!“ повторили въ одинъ голосъ мародеры—и душа у нихъ ушла въ пятки и давай Богъ ноги.

„Ну, это сказка,“ возразилъ мнѣ Французъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я, истинная быль, подтверждаемая даже вашимъ соотечественникомъ, графомъ Сегюромъ въ его исторіи кампаніи 1812 года. Прочтите то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ тревогу, происшедшую однажды на ночлегѣ старой гвардіи и остатковъ арміи, во время побѣга ихъ изъ Россіи. Одинъ гвардеецъ, говоритъ онъ, идя по улицѣ мѣстечка, гдѣ былъ ночлегъ, закричалъ во все горло, назвавъ по имени своего товарища: *Гонзакъ;* другимъ послышалось: *козакъ,* и это страшное слово перелетало изъ устъ въ уста; въ одну минуту все пришло въ смятеніе; ударили тревогу и солдаты, не смотря на голодъ, холодъ и усталость, бѣжали къ сборному мѣсту, строились во фрунтъ; самъ Наполеонъ выбѣжалъ опрометью изъ квартиры; и хотя вскорѣ узнана была истинная причина тревоги, однако солдаты, генералы и вождь долго еще не могли опомниться отъ испуга.

„Bon! bon! примолвилъ Французъ, улыбаясь; вы добрый патріотъ.“

Къ сожалѣнію, подумалъ я, мы, при всемъ нашемъ патріотизмѣ, слишкомъ равнодушны къ славѣ нашихъ соотечественниковъ; и между тѣмъ какъ прочіе народы прибѣгаютъ даже къ вымысламъ, чтобъ поддерживать общій духъ національнаго самолюбія, мы незаботимся о собираніи и обнародованіи истинныхъ анекдотовъ, которыми столь богата эпоха нашей отечественной войны. На пр. кому извѣстенъ отличный, чрезвычайный подвигъ нашего штабсъ-ротмистра *Цикллзева*, отважившагося съ пятнадцатью только гусарами напасть на сильный конвой Французскій на берегу Западной Двины и принудившаго новымъ, холоднымъ оружіемъ, одними нагайками, сдаться въ плѣнъ 220 Французовъ (*) и со всѣмъ ихъ обозомъ? Воспѣлъ ли этотъ подвигъ нашими пѣвунами поэтами? Разсказанъ ли хотя однимъ журналистомъ? И по крайней мѣрѣ говорятъ ли о Цикллзевѣ хотя въ гостиныхъ? Прой-

(*) Подробности маневровъ нашего героя въ этомъ дѣлѣ истинно пінтическія и героическія, достойныя вниманія нашихъ художниковъ и писателей.

день еще нѣсколько времени—и мы сами, если время не сбережетъ оффиціальныхъ актовъ, будемъ считать эту чудесную быль за сказку.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Славянская Библія Острожскаго изданія.

Королевская библіотека находится въ улицѣ Ришельё, не далеко отъ Палерояля. Она заключаетъ въ себѣ 800,000 томовъ печатныхъ книгъ, 72,000 рукописей, 5000 гравюръ и одно изъ богатѣйшихъ собраній антиковъ и медалей. Первое основаніе ей предначертано еще въ XIII столѣтіи Святымъ Людовикомъ, положившимъ, подобно нашему В. К.

Ярославу, въ Святой капличѣ (въ палатѣ юстиціи) для общаго употребленія Священное Писаніе и книги Святыхъ отцевъ.

Королевская библіотека замѣчательна не мѣстностію и числомъ книгъ, а благороднымъ и полезнымъ ихъ назначеніемъ. Въ другихъ столицахъ не охотно пускаютъ въ публичныя библіотеки, чтобы не портить лакированныхъ половъ; не ходятъ въ шкапы, что бы не стирать ихъ позолоты; не даютъ въ руки книгъ, чтобы не помять ихъ роскошныхъ переплетовъ; короче сказать, къ этимъ библіотекамъ можно примѣнить Русскую притчу: „Стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло; хочетъ пить, а напиться не можетъ.“ Въ Королевской библіотекѣ совсѣмъ напротивъ; зданіе ея снаружи похоже болѣе на тюрьму, нежели на домъ; внутри полы ветхіе, шкапы некрасивые, переплеты невзрачные: за то лѣстница широкая и отлогая; входъ для публики открытъ два раза въ недѣлю, а для любителей чтенія ежедневно; къ услугамъ ихъ готовы и кресла за длиннымъ столомъ и чернильница и бумага; требованія удовлетворяются

безъ отговорокъ и безъ малѣйшаго замедленія. Услужливость библіотекарей въ этомъ отношеніи въ полномъ смыслѣ Французская.

Здѣсь не ломаютъ головъ надъ составленіемъ систематическихъ каталоговъ, какъ водится у Нѣмцевъ; но и по старымъ схоластическимъ системамъ все отыскиваютъ съ удивительною скоростію. Я хотѣлъ однажды испытать библіотекаря на самомъ трудньйшемъ для Француза пунктѣ, спросивъ у него Славянской библіи самаго стараго изданія.

„Мы имѣемъ библію перваго Острожскаго изданія,“ отвѣчалъ библіотекарь и съ этимъ словомъ, шряся своими сѣдинами, полетѣлъ по лѣстницѣ подъ потолокъ, схватилъ огромную книгу и, спустясь тѣмъ же полетомъ, подалъ мнѣ ее съ видомъ удовольствія.

И вотъ передо мною: „Библіа сирѣчь „книгы ветхаго и новаго завѣта по языку „Словенску. 1581.“

Для сличенія съ библіями Острожскаго изданія, находящимися въ нашихъ библіотекахъ, я сдѣлалъ слѣдующія выписки.

Зри сія знаменія книжите славнаго,
Ихъ же съдръжитъ домъ его отъ вѣка давнаго.
И разумѣй яко нетуне и не безъ причины,
О чемъ властители и ширѣи повѣсть ты кто иный,
Но яко достоинъ дѣлатель своея заплаты,
Не щадяще здравія никоея утраты.
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостатъ полки,
И разгонялъ съ короны драпежныя волки.
И еще можетъ
Аще Бъ поможетъ.

Послѣ двухъ строфъ гербъ Московскій и на другой половинѣ воинъ на конѣ съ подняттымъ мечемъ; далѣе слѣдуютъ еще три строфы, вотъ первая:

Возсіяла звѣзда ясно отъ востока,
Послѣдуя провои вѣзвѣщенной отъ пророка.
И приводитъ отъ преспды трехъ царей съ дары,
Поклонитися съ вѣрою Цареви надъ цары.
Твоя звѣзда нынѣ тоиуже послѣдуетъ Цареви.
Хотя всѣхъ створити жителя раеви.
И убываетъ луна ветхаго завѣта,
Сіяетъ бо солнце непристуиного свѣта.
Внемъ же ходя непоткнется,
Но паче спасется.

Слѣдуетъ молитва на Греческомъ и Славянскомъ въ двухъ столбцахъ.

Θεὲ πάτερ παντοκράτωρ, ἀιώνιε, ἄναρχε καὶ παντοδύναμε.	Боже Отче вседержителю. Превѣчный, безначальный и всесильный.

Въ этой молитвѣ Князь Острожскій проситъ Бога исправить книгу своимъ благоволеніемъ и дѣйствомъ Пресвятаго Духа.

Потомъ обращеніе къ народу Русскому.

„Вамъ же о Христѣ избраннымъ прежде вѣкъ, по предувѣдомленію вѣчнаго Бога, въ народѣ Русскомъ сыномъ церкве восточныя и пр. Азъ Константинъ, нареченный во святомъ крещеніи Василіе. Благодатію Божіею Княжа Острозское, воевода Кіевскіи Мрашалокъ земли Волынское и прочаа. Еже вамъ нынѣ повсюду предлагаемое зрится, книги обоего завѣта, глаголемыя Греческимъ языкомъ Библіа, вся поряду напечатана, въ Богоспасаемомъ и домоначальномъ градѣ моемъ Острозѣ, въ земли Волынской. Влѣто отъ созданія міра, ҂зпд, отъ въплощенія же отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣченіа Христа Спаса нашего, ҂афпа мѣсяца Августа бі дня.

*

Изъ предисловія.

Обаче ни дѣла зачати ниже дѣлателей еже створити на сіе изобрѣтохомъ. Ибо и книгъ глаголемыхъ вивліа, въсводъ сего дѣла начальствомъ не имѣхомъ. Дабы нашему изволенію къ начальству сего съдѣянія въ всемъ была доволна. Но и въ всѣхъ странахъ роду нашего языка Словенскаго, ниже една обрѣтеся свершена въ всѣхъ книгахъ ветхаго завѣта. Токмо отъ благочестива, и въ православіи изрядно сіятельна Государя, и великаго Князя, Іоанна Васильевича Московскаго, и прочая. Богоизбраннымъ мужемъ, Михаиломъ Гарабурдою, писаремъ Великаго Княжества Литовскаго. Съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошеную, сподобихомся пріяти съвръшеную библію. З Греческа языка, седмьдесять и двѣма преводники, множае пяти сотъ лѣтъ на Словенскіи преведеную еще за великаго Владимера, крестившаго землю Рускую.

Въ градъ крѣпокъ невозможно внити, развѣ врашы и въ дворъ овчій недостоитъ

входити, токмо дверьми. Такъ и всякъ хотяй внити въ сей градъ Царя великаго, и въ дворъ овецъ Пастыря небеснаго, Божеспівеннаго писанія, подобаетъ входити искусно съ тщаніемъ. Въземше ключъ совѣсти съ вѣрою, сквозѣ двери, сего преславнаго възвѣщенія. Да явится гражданинъ небесный. и овца знающа гласъ пастыря своего.

Инакоже входящихъ, вѣжды како именуетъ писаніе.

Ибо училища николи же видѣхъ, но понеже людіе молчатъ, каменіе вопити понудися.

Сія превосходная сказанія, и дво спрочное съгласіе, многогрѣшнымъ Герасимомъ Даниловичемъ съставлено бѣ.

. . . . . .

Отъ блаженна бо корене благій прозябе плодъ,
Тако бо благословися отъ Бога православный родъ.
Прежде бо Великій Владимеръ крещеніемъ просвѣтилъ,
Всю землю Рускую Богоразумоніемъ освѣтилъ.
И слалъ послы избранны да увѣдятъ явѣ,
Въ коея церкви уставы къ Божіей славѣ.

Зразумѣютъ достойны сихъ послѣдовáти,
И на лѣта вѣчныи потомству подати.
Они яко искусни прилѣжно внимали,
И Богоразумно увидѣвши пославшему дали.
Въсточныя церкве яко дневи начало,
И дѣствы Богоподобными изрядно сіяло.
Западныя же церкви яко начало нощи,
И поразумѣли древо по его овощи.
Нынѣ же Константинъ Острожское Княжа,
Егоже бѣ самъ избра яко вѣрна стража.
Праотцевъ своихъ изволенію православныя вѣры,
Вшембося показали Божественныя дары.
Паче преславно явися всемирная радость,
Всесвѣтлыхъ писаній пензлаголашая сладость.
Владимеръ бо свои народокрещеніемъ просвѣтилъ,
Константинъ же Богоразумія писаніемъ освѣтилъ.
Тогда многобожіе упраздися и идольскія лести,
Нынѣ же славится божество единоя власти.
Ерославъ зданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украси,
Константинъ же едину соборную церковь писаніемъ взвыси.
Болше о семъ недоумѣю, ниже дръзаю писати,
Ини бо о семъ многае могутъ и лучше сказати.
Паче же Польска кронпка, и рускія лѣтописецъ,
Свидѣтельствуютъ домъ сей яко побѣдоносецъ.
Являшеся преславно отъ начала даже и донынѣ,
Видимыхъ враговъ и невидимыхъ низлагалъ грѣдынѣ.

„Всесильный и неизрѣченный Боже въ трехъ сославехъ опть всея твари поклоняемый и славимый. Ты еси всякоя благости

начало и вина, поспѣшеніе же и совершеніе. Благоволилъ еси убо православному Князю въ умъ сіе пріяти, да мнѣ многогрѣшному и зѣло недостойному повелитъ божественное слово твое всѣмъ повсюду тиснѣніемъ печатнымъ предложити. Тѣмже убо азъ аще и недостойна, и тимѣніемъ грѣха одержима, свѣдый себе. Повинухся повеленію, надѣяся щедротамъ твоимъ връгохся въ пучину неизслѣдимую божественнаго и всесвѣтлаго писанія твоего, купно съ споспѣшники и единомысленники моими. Якоже нынѣ твоимъ человѣколюбіемъ въ пристанище съвершенія достигохомъ. Душа колѣна преклоняюще, и главами нашими въ землю ударяюще, съ слезами радости славимъ и превозносимъ твое присвятое и прехвальное имя, отца и сына и святаго духа. Всѣмже повсюду православнымъ христіаномъ, господіемъ, браніи и другомъ, раболѣпно метаніе до лица земнаго умилено съствоpяю. Отъ усердіяже души прилежно молю, аще приключися нѣкое согрѣшеніе, прощаите; самиже сподобльшеся отъ богато давца болшихъ духовныхъ дарованій, исправляйте. Вѣдуще,

яко господинъ винограду сего пріемлетъ послѣдняго яко и перваго, и отъ единонадесяте часа дѣлавшаго, яко и тяготу вседневнаго вара понесшаго.“

„Сущіяже богопріятныя и душеспасительныя книги ветхаго и новаго завѣта, напечаташася мною грѣшнымъ Іоанномъ Ѳеодоровымъ сыномъ Змосквы, въ богохранимомъ градѣ Острозѣ влѣто отъ созданія міра 7089, отъ воплощенія же Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581, мѣсяца Августа 12 дня.“

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранилище художествъ и ремеслъ. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенара, Андріё и Дюпеня. Королевскій институтъ или Академія наукъ.

При королевской библіотекѣ находится богатый *кабинетъ медалей и древностей*, составившійся большею частію изъ кабинета графа Кейлюса, извѣстнаго антикварія. Здѣсь можно видѣть скрижали или таблицы Изидины, Египетскій манускриптъ на папирѣ, щиты Аннибала и Сципіона и драгоцѣнное собраніе идоловъ разныхъ народовъ и 80,000 медалей, подробно описанныхъ Г. Міоннетомъ. О щитахъ Аннибала и Сципіона были между учеными споры; нѣкоторые, какъ я уже замѣтилъ, называютъ ихъ просто Римскими соусниками. И дѣйствительно, для чего мѣшать съ дѣломъ шарла-

ганство? Для чего такъ далеко возводить ихъ родословную, когда исторія ихъ покрыта мракомъ и когда достовѣрно извѣстно только то, что они находились прежде во владѣніи частнаго Базельскаго гражданина.

Хранилище художествъ и ремеслъ (Conservatoire des arts et métiers), огромное зданіе, находится въ улицѣ Сентъ-Мартина, подлѣ воротъ и бульвара сего же имени. Въ этомъ зданіи, въ сѣняхъ и залахъ систематически расположены всякаго рода домашнія утвари, машины и орудія, употребляемыя въ ремеслахъ и художествахъ, начиная отъ плуга до аэростатовъ. Здѣсь собраны разнаго построенія Французскіе, Швейцарскіе и Нѣмецкіе домы, разныя модели всѣхъ извѣстныхъ машинъ съ начала ихъ изобрѣтенія до усовершенствованія и наконецъ образчики всѣхъ издѣлій, существующихъ нынѣ во Франціи фабрикъ и заводовъ, съ означеніемъ мѣста фабрики, имени фабриканта и цѣны каждому издѣлію. Для распространенія круга дѣйствій этого учрежденія, открыты въ немъ уроки рисованія и описательной геометріи и практическое ученіе разнымъ

ремесламъ. Ученики принимаются, по представленію меровъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Для публики открыто хранилище художествъ и ремеслъ по воскресеньямъ и четвергамъ, а для иностранцевъ сверхъ того по вторникамъ и пятницамъ.

Публичныя лекціи преподаются въ университетѣ, въ коллегіяхъ и въ Парижскомъ Атенеѣ, но въ послѣднемъ не иначе, какъ съ платою въ годъ 120 франковъ. Для входа въ университетъ нужно только имѣть билетъ изъ университетскаго правленія. Въ продолженіе нынѣшняго академическаго курса гг. *Вильменю* и *Гизо* запрещено читать, и остаются изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ только *Тенарѣ* и *Гейлюсакъ*. Чтобы имѣть удовольствіе слушать ихъ лекціи, надобно прибыть, точно какъ во Французскій театръ, по крайней мѣрѣ часомъ раньше и занять мѣсто въ хвостѣ, à la queue. Этимъ техническимъ выраженіемъ называется длинная цѣпь посѣтителей, начинающаяся двумя первыми подлѣ самаго входа и извивающаяся также по два въ рядъ по

всему двору или по улицѣ. Никто не смѣетъ прервать ее и стать выше хвоста, если не хочетъ быть выгнанъ общимъ голосомъ, а въ случаѣ ослушанія, и силою. Это обыкновеніе устраняетъ всѣ безпорядки, случающіеся отъ тѣсноты при входѣ, и дѣлаетъ почти совсѣмъ излишнимъ присутствіе полиціи, даже и при театрахъ.

Публичныя аудиторіи устроены въ родѣ полукруглыхъ и крутыхъ амфитеатровъ, такъ что лавки, начинаясь отъ авансцены и слѣдуя одна за другою, восходятъ почти до самаго потолка. Лавки безъ столовъ и безъ нумеровъ и занимаются слушателями произвольно, гдѣ кто успѣетъ. На полу круглой площадки, оставшейся между самою нижнею лавкою и переднею стѣною, находится также полукруглая, широкая и на нѣсколько ступеней поднятая авансцена. На ней ставятся каѳедра профессорская, длинный столъ для опытовъ и разныя машины.

Аудиторія *Гейлюсака* и *Тенара*, могущая вмѣстить до 1500 человѣкъ, всегда бываетъ биткомъ набита. Первый читаетъ физику,

послѣдній химію. Слушатели встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ громкими рукоплесканіями. Гейлюсакъ читаетъ скромно, какъ настоящій профессоръ; онъ даже просилъ слушателей своихъ не аплодировать ему, давая знать, что если они присвоиваютъ себѣ это право, то найдутся и такіе, которые почтутъ себя въ правѣ освистывать; а послѣднее, само собою разумѣется, непріятно будетъ для профессора. Тенаръ преподаетъ химію просто, ясно и съ блескомъ, въ полномъ значеніи сего слова; потому что онъ окруженъ бываетъ почти всегда разноцвѣтными газовыми огнями, какъ бы маленькимъ фейерверкомъ. Онъ примѣшиваетъ къ своимъ урокамъ остроты и прибаутки, хотя вниманіе слушателей къ нему столь велико, что онъ и совсѣмъ не имѣетъ нужды въ подобныхъ прикрасахъ. Гейлюсакъ и Тенаръ преподаютъ свои уроки изустно, стоя и очень часто запивая сахарною водою; опыты ихъ идутъ всегда удачно. Они даютъ по двѣ лекціи въ недѣлю, каждую по полупора часа; и получаютъ жалованья въ годъ, одинъ около 30,000, другой около 40,000 франковъ.

Преемникъ Лагарпа и Делиля, профессоръ словесности въ Королевской Французской коллегіи (Collége Royal de France), *Андріё*, за преклонностію лѣтъ, читаетъ очень рѣдко, и не иначе, какъ по предварительномъ объявленіи о томъ особою афишкою. Недавно объявлено было, что онъ даетъ лекцію о лучшемъ способѣ учить и учиться краснорѣчію. Слава заслуженнаго профессора привлекла въ его аудиторію въ назначенное время множество слушателей и слушательницъ. Какъ скоро онъ показался, громкія рукоплесканія раздались и продолжались съ минуту во всей залѣ. Андріё, едва движущійся старецъ, въ полномъ смыслѣ есть развалина прошедшаго столѣтія, съ свойственными тому времени системою, методою и образомъ мыслей. По его мнѣнію, лучшій способъ учить и учиться краснорѣчію состоитъ въ выборѣ лучшихъ руководствъ по сей части и въ ревностномъ, неупомимомъ занятіи симъ искусствомъ. Это и справедливо; но лучшихъ руководствъ насчитано было имъ слишкомъ много; и между прочимъ отнесены къ нимъ даже и такія, ко-

торыя изданы были схоластиками, по мѣрѣ образованности и разумѣнія ихъ вѣка. Въ заключеніе онъ привелъ длинный, страницы въ двѣ цитатъ изъ Institutiones oratoriae Квинтиліана, не смотря на то, что большая часть слушателей и всѣ вообще дамы не понимали ни слова по Латыни. Андріё почти совсѣмъ безъ голоса; онъ читалъ шопотомъ; но въ залѣ такое было глубокое молчаніе, что ни одно слово не могло быть проронено. Сухость предмета своего онъ умѣлъ скрасить приличными и весьма забавными остротами и анекдотами. Вообще, при всей дряхлости своей, онъ сохраняетъ еще живость и веселость,—такія качества, которыя и на каѳедрѣ дѣлаютъ его пріятнымъ и любезнымъ.

Извѣстный своими статистическими выкладками младшій *Дюпень*, братъ адвоката и оратора, недавно послѣ долговременной своей болѣзни, открылъ свой курсъ въ Консерваторіи или ремесленномъ магазинѣ вступительною лекціею о необходимости геометріи въ ремеслахъ и художествахъ. Слабость голоса и монотон-

ность самой лекціи, которую г. Дюпень читалъ сидя и по тетрадкѣ, усыпили большую часть слушателей. Въ заключеніе, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „Я исчи„слилъ бо ремеслъ и художествъ, имѣющихъ „нужду въ геометріи; остается еще столь„ко же, но часы кончились (и вѣроятно всякой подумалъ про себя: слава Богу, что кончились); потомъ, повышая постепенно голосъ, и какъ бы желая разбудить всѣхъ слушателей, ударилъ крѣпко кулакомъ по столу и прокричалъ извѣстную выходку генерала Фуа: „Раздастся эхо по землѣ и ска„жетъ потомству, какой великой былъ на„родъ Французы и пр....“ Съ послѣдними его словами слились громкія рукоплесканія и общія восклицанія: „браво! браво!“

Между тѣмъ какъ профессоры прибѣгаютъ къ подобнымъ театральнымъ средствамъ для поддержанія вниманія и благоволенія къ себѣ слушателей, *Королевскій институтъ* или академія наукъ идетъ своею каменистою и тернистою дорогою, нимало не заботясь подчинять себя своенравному вкусу легкомысленной публики. Королевскій

Институтъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ или отдѣленій: 1) математическаго, 2) языка и литературы Французской, 3) исторіи и литературы древней и 4) изящныхъ искусствъ. Каждое отдѣленіе имѣетъ свои обыкновенныя засѣданія одинъ разъ въ недѣлю и однажды въ годъ собраніе торжественное. Въ одномъ изъ такихъ засѣданій я былъ свидѣтелемъ чтенія весьма любопытной статьи нашего соотечественника г. Остроградскаго (нынѣ дѣйствительнаго члена Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ). Онъ возражалъ въ ней вдругъ противъ теоріи всѣхъ знаменитѣйшихъ Парижскихъ математиковъ. Какъ не математикъ, я не могу ничего сказать о важности этой полемической статьи; но судя, по впечатлѣнію, произведенному ею на академиковъ, надобно полагать, что она очень щекотила самолюбіе Французское. И дѣйствительно, можно ли слушать равнодушно, чтобы молодой человѣкъ и притомъ еще Русскій, и слѣдовательно Скиѳъ или Сарматъ, разру-

шалъ однимъ почеркомъ своего пера всѣ подмостки славы стариковъ, и при томъ еще Французовъ. Отъ того, во время чтенія, вниманіе ихъ было хотя вынужденное, но глубокое; а, по окончаніи чтенія, они всѣ минуты съ двѣ сидѣли, какъ бы оглушенные ударомъ грома; и вѣроятно не скоро бы вышли изъ своего затруднительнаго положенія, если бы одному отважному члену не пришла мысль составить комитетъ для внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ доводовъ, изложенныхъ въ полемикѣ. Послѣдствія отчетливости этого комитета мнѣ неизвѣстны.

9 Февраля н. с. было публичное собраніе академіи, по случаю принятія въ члены ея дюка Монморанси. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ этомъ собраніи, достойно замѣчанія слѣдующее прекрасное мѣсто, напоминающее о благотвореніяхъ нашего Александра: „Ce qu' Alexandre a donnè en exemples aux „trônes, en paix et en repos au monde, en gé„nérosité, en desinteressement, en services à „la France, — la poësie, l'eloquence et l'histoire „le rendront à sa memoire en eloges, en recon-

„naissance, en immortalité!“ „Что Александръ даровалъ тронамъ своими примѣрами, — міру утвержденіемъ въ немъ тишины и спокойствія, — Франціи своимъ великодушіемъ, безкорыстіемъ и пожертвованіями; за все это поэзія, краснорѣчіе и исторія воздадутъ Его памяти похвалами, признательностію, безсмертіемъ.“ Это сказалъ иностранецъ о Государѣ, уже умершемъ, которому онъ не имѣлъ нужды льстить и живому; — сказалъ мужъ, возбуждавшій общее къ себѣ уваженіе святостію своей жизни и уже стоявшій самъ на краю могилы, гдѣ можно говорить одну только истину; дюкъ Монморанси, бывшій воспитателемъ юнаго герцога Беррійскаго, окончилъ жизнь свою 24 Марта (въ Католическую страстную пятницу) въ три часа по полудни, черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи изъ церкви.

24 Апрѣля было торжественное собраніе Королевскаго института. Не смотря на цвѣтъ общества, сосшоявшаго большею частію изъ дамъ и свѣтскихъ людей, академики читали самыя сухія и скучныя сочиненія; какъ то разсужденіе о *народонаселеніи древ-*

няго Рима,—разсужденіе о *причинахъ распространенія искусствъ*, наполненное общими мѣстами, тысячу разъ повторенными въ тысячѣ книгахъ. Къ этому Кювье присовокупилъ свои извѣстія о новыхъ химическихъ открытіяхъ и Суметъ отрывокъ изъ своей поэмы: *Іоанна д'Аркъ*. Послѣднее стихотвореніе, хотя и неотличное, было настоящею прохладительною росою посреди знойныхъ степей. Не знаю чему болѣе удивляться: самолюбію ли Парижскихъ ученыхъ, желающихъ выказывать свою ученость столь не умѣстно и безвременно, или терпѣнію публики и въ особенности дамъ, добровольно подвергающихъ себя ученой пыткѣ въ продолженіе четырехъ часовъ. Мнѣ кажется, къ этому и изъ мущинъ немногіе способны. Одинъ изъ Англичанъ, еще посреди упоминаемаго мною чтенія, вставъ съ стула и сказавъ почти въ слухъ ломанымъ языкомъ: sauve qui peut, бросился къ дверямъ; но въ дверяхъ и въ сѣняхъ такая была давка, что не было никакой возможности спастися; и гордый лордъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію академіи.

ПОНЯТІЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССІИ.

Невѣдѣніе или, полнѣе сказать, невѣжество западныхъ Европейцевъ, въ отношеніи Россіи, превосходитъ всякое вѣроятіе. Какъ будто бы она новая часть свѣта, только что открытая и ни въ пространствѣ неизмѣренная, ни въ состояніи климата неопредѣленная. Древній географъ Птоломей думалъ, что меотическія болота (Азовское море) простирались въ глубь сѣвера до самаго полюса; въ этихъ понятіяхъ не далѣе подвинулись впередъ и Европейцы нашего вѣка. Когда получено было въ Женевѣ извѣстіе о наводненіи Петербурга 7 Ноября 1824 года; то одинъ гражданинъ, впрочемъ довольно образованный, прибѣжалъ къ намъ запыхав-

шись, спрашивал, далеко ли отъ Петербурга Полтава; онъ боялся, чтобы сынъ его, жившій въ то время въ Полтавѣ, не пострадалъ отъ этого наводненія или чтобы и совсѣмъ не потонулъ. Одна Швейцарка, живущая гдѣ-то въ Россіи, увѣдомляла въ прошедшемъ году родныхъ своихъ, что она не можетъ писать къ нимъ за неимѣніемъ въ Россіи чернилъ; и въ слѣдъ за симъ отправленъ въ Россію новый родъ *импорта*, вѣроятно не предусмотрѣнный и въ тарифѣ: добрая кубышка Швейцарскихъ чернилъ! Мнѣ признавались нѣсколько Парижанъ со всею ихъ откровенностію, какъ они въ первые дни канпонированія нашихъ козаковъ въ 1814 году на Елисейскихъ поляхъ, боялись къ нимъ приблизиться, почитая ихъ людоѣдами, и какъ послѣ, познакомившись съ ними короче, удивились, найдя ихъ такими же людьми, какъ и всѣ прочіе, и притомъ еще съ чувствами гражданскими, патріотическими и религіозными.

„Правда ли, что у васъ бываетъ такой жестокой холодъ, что вы принуждены топить улицы?“

„Изъ какого матеріала дѣлаются маски, которыя вы носите зимою для предохраненія лица отъ стужи?“

„Какимъ вы языкомъ говорите, Татарскимъ или Греческимъ? Греческимъ или Нѣмецкимъ?“

„Вѣдь вы ѣздите на оленяхъ и на собакахъ?“

На эти и подобные вопросы не знаешь, какъ отвѣчать, чтобы не привести въ замѣшательство самихъ спрашивающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже обижаются настоящими вашими отвѣтами, думая, что вы издѣваетесь надъ ихъ легковѣріемъ.

Къ невѣжеству присоединяется злословіе. Европа не можетъ смотрѣть равнодушно на могущество Россіи, столь быстро возрастающей, и не будучи въ силахъ остановить подвиги сего юнаго Геркулеса, преслѣдуетъ его клеветою. Не удивительно, что клевещутъ Россію тѣ, которые никогда ее не видали; это значитъ только бросать звуки безъ смысла на вѣтеръ, — слабость, свойственная столько же многимъ двуногимъ, сколько и извѣстной породы четверо-

ногимъ. Не удивительно и празднословіе тѣхъ, которые видѣли Россію, жили въ ней и несли службу частную или общественную; все это еще естественно, потому что слуги рѣдко бываютъ благодарны господамъ своимъ. Но служить въ Россіи, быть одинъ разъ уже выгнану изъ нея за буйство, отмстить ей сочиненіемъ нелѣпаго и огромнаго пасквиля и послѣ всего этаго имѣть безстыдство просить о принятіи его снова въ Русскую службу, какъ сдѣлалъ Французъ Масонъ, вотъ это удивительно. Сказываютъ, что вмѣсто отвѣта на его просьбу посланъ изъ Россіи къ нему экземпляръ его пасквиля.

Если не болѣе, то и не менѣе его, услужилъ Россіи одинъ Нѣмецъ,—(а Нѣмцы, извѣстно, большіе пріятели Россіи) сочинитель книги о Московскомъ пожарѣ: les Desastres de Moscou, недавно изданной имъ на языкѣ Французскомъ. Изъ предисловія его видно, что онъ служилъ въ Россіи 20 лѣтъ и дослужился полковничьяго чина и потомъ, какъ примѣтно, бѣжалъ изъ Москвы съ Наполеоновою арміею, а слѣдовательно и не

съ чистою совѣстію. Господинъ Нѣмецъ нападаетъ не только на лица и на сословія, но и на все Русское: на Русскую землю и небо, на всѣ Русскія стихіи и даже на Русскія добродѣтели и доблести. Онъ говоритъ, что не патріотизмъ вооружилъ Русскихъ въ 1812 году противъ Французовъ, что Русскіе не способны къ такому возвышенному чувству и что ими управляло просто: *одно грубое чувство,* un sentiment brutal!... Г. Нѣмецъ не поставилъ своего имени на книгѣ; вѣроятно намѣренъ снова вступить въ Русскую службу.

По источникамъ, изъ которыхъ почерпаются подобныя знанія иностранцевъ и въ особенности Французовъ, можно судить и о прочихъ ихъ свѣдѣніяхъ статистическихъ, историческихъ и филологическихъ объ Россіи. Самъ Наполеонъ, на счетъ ея былъ сбитъ съ толку довѣріемъ своимъ къ посланнику Коленкуру и какому-то Французскому доктору, долго жившему въ Россіи, но, какъ водится со всѣми иностранцами, не знавшему ни языка ея, ни духа народнаго, ни положенія, ни климата.

По части исторической (не говорю о мѣлкихъ, а упомяну только о знатнѣйшихъ писателяхъ), извѣстный продолжатель знаменитаго разсужденія Боссюетова о всеобщей исторіи, въ статьѣ объ Россіи, пишетъ, что Русскіе говорятъ языкомъ Греческимъ, который будто бы они заимствовали отъ Грековъ вмѣстѣ съ крещеніемъ, а крещеніе принято при Царѣ Владимірѣ въ XV столѣтіи. Надобно замѣтить, что это говоритъ членъ Королевскаго института, многихъ академій и множества ученыхъ обществъ, котораго ученыя шитла занимаютъ всю первую страницу его книги.

Этого недовольно; авторъ новой книги, вышедшей въ прошедшемъ году подъ титуломъ: *проэктъ соединенія церквей Восточной и Западной*, выказываетъ еще большую глубину мудрости исторической. Прежде всего онъ разсуждаетъ о томъ, что никогда не было столь благопріятнаго времени для соединенія означенныхъ церквей, какъ нынѣ, когда одной воли Императора Александра, какъ главы Восточной церкви, достаточно для того, чтобы подчинить ее папѣ. Далѣе

авторъ увѣряетъ, что Россія до XV вѣка исповѣдовала Римскую Каполическую вѣру, что въ XV вѣкѣ Константинопольскій Патріархъ Фотій (т. е. Фотій, который жилъ въ IX вѣкѣ и при которомъ послѣдовало раздѣленіе церквей) послалъ одного изъ своихъ Епископовъ въ Литву для обращенія Литовцевъ въ Греческую вѣру, но, не успѣвъ въ своемъ посольствѣ, опправился въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу и убѣдилъ его присоединиться со всею Россіею къ Восточной церкви!

По выходѣ въ свѣтъ проэкта соединенія церквей, я думалъ, что Французскіе ученые изобличатъ невѣжество автора; но, къ крайнему моему удивленію, его бредни повторены были по крайней мѣрѣ въ пяти, если не въ десяти, журналахъ, безъ всякихъ измѣненій и замѣчаній, и наконецъ точно въ томъ же видѣ внесены и въ новую книгу: Жизнь Императора Александра, — вышедшую немедленно послѣ Его смерти. Невольнымъ образомъ подумаешь, что на все Французское просвѣщеніе нашла густая Египетская тьма! —

Послѣ всего этаго должно ли удивляться, если какой нибудь Французскій журналъ или книга назоветъ какого нибудь нашего литературнаго Ерему Ѳомою, а Ѳому Еремою или и совсѣмъ ничѣмъ. Недавно наши патріотки княжны Р.... очень основательно доказывали одному здѣшнему профессору, что Русская поэзія въ комедіи и трагедіи уступаетъ Французской, въ апологѣ съ нею равняется, а въ лирикѣ превосходитъ ее. Но когда онѣ наименовали Державина и начали изображать его живыми красками, профессоръ вспыхнулъ и, потерявъ все приличіе, имѣлъ смѣлость сказать: „Прошу извинить меня, княжны; я худо вѣрю въ вашего Державина и увѣренъ, что въ исторіи вашей литературы не только нѣтъ и не бывало поэта съ такими достоинствами, но и съ этимъ именемъ.“ Княжны нашли нужнымъ предоставить рѣшеніе этаго вопроса третейскому суду, избравъ судьею меня; но я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ могъ только поколебать, а не уничтожить упорство профессора.

Къ счастію, вскорѣ послѣ этого спора случай доставилъ мнѣ орудіе противъ Француза собственное же Французское. Однажды, проходя подъ аркадою Палерояля, я увидѣлъ на одной колоннѣ огромную на красномъ листѣ афишку, печатанную литерами по крайней мѣрѣ въ вершокъ величиною. Это было объявленіе объ открытіи уроковъ языковъ Французскаго и Польскаго, космографіи и математики. Желающіе пользоваться сими уроками приглашались для полученія билетовъ къ г. Маріи Де ла Френе (Marie de la Fresnaye), въ Масонской улицѣ, въ № 17 гостинницы Мира. Нѣсколько ниже въ той же афишкѣ припечатано: „Тамъ же одинъ изъ профессоровъ по понедѣльникамъ и четвергамъ въ 6 часовъ вечера будетъ безъ всякой платы объяснять оды *Пиндара*, *Горація* и знаменитаго *Державина*. „Des lectures gratui„tes, soit d'une ode de Pindare, d'Horace ou du „fameux Derjavinn; le tout traduit librement en „vers Français dithyrambiques. *Ἥλιος πᾶσι λάμπει.*“ т. е. Солнце свѣтитъ для всѣхъ. Глаза мои разгорѣлись на этотъ красный листъ; я никогда во всю жизнь мою не присвоялъ себѣ

чужой собственности; даже и будучи въ школѣ, ничего не похищалъ у моихъ товарищей, ни чернилъ, ни пера, хотя самъ очень часто страдалъ отъ ихъ набѣговъ: но теперь, во чтобы ни стало, рѣшился завладѣть краснымъ листомъ, не только какъ орудіемъ для отмщенія профессору за оскорбленіе нашего національнаго самолюбія, но и какъ памятникомъ, присуждающимъ нашему барду право лирическаго тріумвирата на парнассѣ, на ряду съ двумя первыми лириками древности. Я выждалъ минуту, пока толпы проходящихъ перемежились, сорвалъ красный листъ и скрылся изъ Палерояля опрометью, безъ оглядки.

Въ послѣдствіи времени я нашелъ случай познакомиться съ этимъ безсребреннымъ профессоромъ Маріею Де ла Френе; это человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, страстный любитель древнихъ и новыхъ геніевъ поэзіи. Онъ издалъ на Французскомъ языкѣ переводъ одъ Пиндара и Горація и подражаніе одѣ *Богъ* Державина. Послѣдней онъ далъ форму драматическую, назвавъ ее *Oratorio Psalmique, ou Hymne à Dieu, imitée du grand*

Poëte Russe Derjavinn. Сочинитель имѣлъ фантазію представить въ своей ораторіи одно патріархальное семейство, воспѣвающее славу, могущество и благость Творца своего. Дѣйствующія ихъ лица: 1) le bisaïeul (прадѣдъ), 2) l'aieul (дѣдъ), 3) отецъ, 4) его супруга, 5) его сынъ, 6) юная дочь и 7) дѣвственница тешка. Конецъ гимна поется всѣмъ хоромъ.

Надобно признаться, что въ этой ораторіи нѣтъ и тѣни Державина, но Французскій поэтъ въ предисловіи къ ораторіи, не скрываетъ и самъ своего ничтожества предъ Русскимъ бардомъ. Въ немъ по крайней мѣрѣ похвально самоотверженіе его, и желаніе рѣдкое во Французѣ, заплатить должную дань удивленія великому генію, безъ отношеній къ его языку и націи.

ДІОРАМА.

Съ распространеніемъ въ новѣйшія времена круга свѣдѣній физическихъ и въ особенности оптики, перспективная живопись оказываетъ успѣхи исполинскіе, неимовѣрные. За важными открытіями слѣдуютъ другія важнѣйшія; отъ любопытства переходишь къ удивленію, отъ удивленія къ очарованію. Искусство раскрашивать, ставить и освѣщать театральныя декораціи и панораму, превратило точки и линіи въ пространство, перпендикулярную плоскость въ горизонтальную, полотно въ атмосферу, въ воду и въ землю съ распростирающимися по нимъ облаками, зданіями и растеніями. Оставалось дать этой мертвой природѣ движеніе и жизнь; перспектива и оптика

своими чарами и заклинаніями совершили и сіе послѣднее чудо.

Діорама помѣщается подлѣ Храмоваго бульвара въ каменномъ зданіи, имѣющемъ деревянный куполъ. Поднявшись по отлогой лѣстницѣ во второй этажъ, вы входите въ темный амфитеатръ, приближаетесь къ окну, открытому въ передней стѣнѣ, и не успѣли еще осмотрѣться, какъ уже перенесены какимъ то волшебнымъ духомъ подъ знойное небо Испаніи, сливающееся съ небомъ Африки. Этотъ искушающій духъ поставилъ васъ на одной изъ огромныхъ башенъ, оставшихся отъ Мавровъ, и раскрылъ передъ вами новую землю съ тысячами прелестей. Тамъ крѣпость Пунталесъ, Корпадура, островъ Леонъ, мысъ Трокадеро и Порто-Реаль; тамъ цѣпь горъ Сіерры де Ронда и холмы, усѣянные монастырями; на концѣ горизонта Кадиксъ, Гибралтаръ и флотъ Французскій; здѣсь гавань Сентъ-Марія, окруженная войсками и народомъ, собравшимися для встрѣчи короля. Онъ только что сошелъ съ корабля и держитъ за руку королеву; его привѣтствуютъ гер-

цогъ Ангулемскій и Французскіе генералы; духовенство, въ церковномъ облаченіи, преклонило передъ нимъ колѣна.

Между тѣмъ какъ зритель, развлекаемый тысячами предметовъ, приковалъ взоръ свой къ ихъ прелестямъ, онъ и не примѣтилъ, что густое облако, которымъ подернута была западная часть горизонта, уже повисла надъ гаванью. Заливъ моря началъ рябѣть отъ падающихъ капель дождя; вы слышите ихъ шорохъ; онъ постепенно усиливается, шумитъ и постепенно затихаетъ.

Солнце проглянуло снова; уже вы начинаете вдыхать въ себя растворенный прохладою воздухъ, какъ вдругъ раздается глухой подземный ударъ; башня и окрестности колеблются; прелестные виды убѣгаютъ; вы уноситесь со всѣмъ амфитеатромъ; спускается густой мракъ и передъ вами мелькаютъ одни только тѣни великихъ волшебниковъ искусства: Рафаеля, Тиціана, Рубенса, Рембрандта.

Черезъ минуту открывается ночная сцена въ Эдинбургѣ. Играющій вами волшебный духъ теперь поставилъ васъ въ замкѣ *Го-*

хирудсколѣ, посреди развалинъ монастыря, основаннаго въ 1128 году королемъ Давидомъ. Съ правой стороны видны остатки колоннъ Готической капплицы, въ которой долгое время хранились гробовые склепы королей Шотландскихъ и въ которой несчастная Марія Стуартъ два раза сочеталась бракомъ. На переднемъ планѣ, на одной, повидимому недавно сооруженной, гробницѣ теплится лампада; передъ гробницею стоитъ блѣдная прекрасная дѣвушка съ распущенными по плечамъ волосами, съ поникшею головою и съ сложенными на груди руками. Съ лѣвой стороны подлѣ стѣны примѣтны какіе-то бѣловатые призраки; ихъ нельзя различить во мракѣ. Небо покрыто тонкими облаками, но восточная часть его какъ бы освѣщена восходящею луною; и въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа луна начала подниматься надъ стѣною и слабыя лучи ея, скользя черезъ монастырскія ворота, освѣтили еще нѣсколько древнихъ гробницъ. Вокругъ васъ царствуетъ мертвая, ничѣмъ непрерываемая тишина; вдругъ раздается тихій голосъ флейты, столько же печальный

и меланхолическій, какъ ваша душа; голосъ приближается, играетъ за сценою, снова удаляется и умираетъ. Это, можетъ быть, запоздалый поселянинъ, повѣряющій ночи чувства своего сердца.

Вообще въ діорамѣ какъ неподвижные предметы, такъ и феномены природы представляются съ такою живостію, что производимый ими оптическій обманъ оспаетъся задачею для самихъ искусныхъ художниковъ. Г. Гро откровенно въ академіи признался, что онъ не понимаетъ и половины тайнъ, употребленныхъ въ этомъ изобрѣтеніи. Одинъ изъ зрителей, не хотя вѣрить, чтобы стоящая передъ гробницею дѣвушка была рисованная, а не живая, и желая открыть подлогъ и вывести всѣхъ изъ заблужденія, (разумѣется, это былъ Англичанинъ), бросилъ въ нее апельсинъ и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что и дѣвушка и монастырь съ гробницами и небо съ луною, — все вдругъ затряслося; однимъ словомъ: весь холстъ, на которомъ изображены были эти предметы и который ви-

сѣлъ отъ зрителей только на нѣсколько локтей.

Діорама изобрѣтена очень недавно художниками *Бутономъ* и *Пагерромъ* (Paguerre). Если-бы однимъ или двумя столѣтіями они жили раньше, то безъ сомнѣнія признаны были бы волшебниками и заплатили бы за то жизнію; нынѣ, благодареніе просвѣщенію, — вмѣстѣ съ данію удивленія, щедро платятъ имъ и денежную дань. Увѣряютъ, что видъ развалинъ Голирудскаго замка уже купленъ въ Англіи, и вѣроятно со всѣмъ секретомъ освѣщенія, за 60,000 франковъ.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.

Кто не зналъ въ Москвѣ Француза Л..., жившаго въ ней за нѣсколько лѣтъ передъ симъ? Когда онъ оставилъ Францію, какъ прибылъ въ Россію, кто и что́ онъ таковъ, объ этомъ ни кому не было извѣстно, да и распрашивать объ этомъ почитается у насъ неприличнымъ. Какъ для Француза, для него достаточно было одной ловкой манеры войти и поклониться, чтобы привлечь на себя вниманіе высшаго класса публики и пріобрѣсть себѣ право на занятіе должности наставника и гувернера въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ пансіоновъ.

Въ физіономіи, чувствахъ и словахъ Л. было множество противорѣчій и странностей. Онъ имѣлъ отъ роду около 30 лѣтъ,

но всегда выдавалъ себя за двадцатилѣтняго; онъ былъ веселаго нрава, но часто отъ веселости вдругъ переходилъ къ глубокой меланхоліи, среди которой нахмуренныя бѣлыя брови отѣнялись облакомъ какихъ-то воспоминаній, примѣтно превожившихъ его сердце. Въ припадкахъ этой меланхоліи иногда большіе глаза его выкатывались какъ бы до половины и лице подергивалось страшными судорогами.

Мнѣ случилось однажды слышать, что Л..., еще до прибытія въ Москву, занималъ мѣсто гувернера въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и что за безпокойный нравъ свой и за возмущеніе учениковъ противъ своего начальства, былъ удаленъ отъ должности, но что выжить его изъ казеннаго дома не иначе могли, какъ съ помощію полиціи, которая вынуждена была побросать его пожитки на улицу. Всѣ эти подробности я слышалъ отъ весьма достовѣрной особы, но я ихъ никому не сообщалъ, зная напередъ, что такого рода слухи были бы приняты за сплетни и приписаны неблагонамѣренности и даже необразованности

тѣхъ, которые ихъ разсѣваютъ. По крайней мѣрѣ такъ принимается у насъ усердіе всякаго папріота, желающаго предостеречь Русскихъ дѣтей отъ заразы какого нибудь пришельца и прошлеца.

Мусье Л.... пробылъ въ Москвѣ не болѣе двухъ лѣтъ и выбылъ совсѣмъ неожиданно, воспользовавшись случаемъ быть спутникомъ одной замужней Француженки мадамъ О...., отправлявшейся во Францію только на время и безъ мужа, для свиданія съ своими родственниками. Не нужно напоминать, какое искреннее сожалѣніе оставилъ онъ о себѣ между родителями, почитавшими потерю безцѣннаго наставника ничѣмъ невозвратимою.

По прибытіи моемъ въ Парижъ, нашъ Москвичъ А. А. І. увѣдомилъ меня, что мусье Л.... находится въ Парижѣ, но что онъ, при самомъ первомъ свиданіи съ нимъ, въ одномъ собраніи молодыхъ людей, отведя его въ сторону, съ безпокойствомъ просилъ не называть его прежнимъ именемъ Л...., а новымъ О..., т. е. именемъ той дамы, которую онъ сопровождалъ

изъ Москвы. Мы посмѣялись надъ этою его заботливостію и не думали ничему иному приписать ее, какъ одной только Французской вѣтрености, нашедшей новое имя болѣе благозвучнымъ, нежели прежнее.

Однажды, прогуливаясь по бульварамъ съ А. А., мы захотѣли видѣть кабинетъ восковыхъ фигуръ. Ораторъ кабинета прежде всего показалъ намъ конференцію Вѣнскаго конгресса, поражающую чрезвычайнымъ сходствомъ портретовъ и костюмовъ; потомъ объяснялъ значеніе другихъ группъ; потомъ, остановясь передъ грудною фигурою, держащею въ правой рукѣ отсѣченную и окровавленную руку, продолжалъ: „это „злодѣй Л...., который отрубилъ руку у „своей матери ...“ При этомъ имени, — оно было тоже самое, подъ которымъ извѣстенъ намъ былъ упомянутый гувернеръ, — и при разительномъ сходствѣ съ нимъ этой фигуры, — мы вздрогнули и по невольному движенію взглянули другъ на друга и схватились руками. Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; я уже не могъ слушать со вниманіемъ всѣхъ подробностей расказа и за-

помню только то, что мать, — добрая, но слабая женщина, пожертвовала послѣднимъ своимъ достояніемъ для воспитанія сына, надѣясь найти въ немъ опору и утѣшеніе своей старости, но что сынъ, войдя въ совершенный возрастъ, предался разврату и съ каждымъ днемъ дѣлалъ ей новыя и большія огорченія, и что однажды, когда онъ по обыкновенію своему возвратился домой слишкомъ поздно и въ пьяномъ видѣ и мать начала выговаривать ему и напоминать о своихъ пожертвованіяхъ, — онъ схватилъ топоръ и закричалъ въ изступленіи: „О! Я уже наскучилъ твоею моралью; „къ чорту же эта рука, которая на бѣду „меня поила, кормила и нянчила!“

Лучше избавить десять преступниковъ отъ заслуженнаго ими позора, нежели предать суду одну невинную жертву: я всегда благоговѣлъ передъ этимъ закономъ. Я готовъ утѣшать себя мыслію, что и тождество имени и сходство портрета изверга Л.... съ извѣстнымъ намъ лицемъ есть одна только игра случая; готовъ скорѣе предполагать, что первый могъ быть толь-

ко ближайшимъ родственникомъ и даже братомъ послѣдняго: но если это есть одно и тоже лице; если эти припадки ипохондріи и судорожныя движенія были отголоскомъ страшнаго внутренняго судіи — совѣсти; если онъ принялъ имя мужа или сына обольщенной имъ женщины для того, чтобы защитишься имъ отъ преслѣдованій закона; однимъ словомъ: если это чудовище, найдя случай избавиться отъ плахи, укрывалось въ Россіи подъ одеждою кротkаго пастыря агнцевъ, для того только, чтобы приготовить ихъ расхищеніе: то да будутъ мои подозрѣнія предостереженіемъ и спасительнымъ урокомъ всѣмъ легкомысленнымъ, предпочитающимъ свѣтскость и ловкость воспитателя его нравственности и вообще ставящимъ воспитаніе чужеземное и ломкое выше національнаго, основаннаго на вѣрѣ и благочестіи.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Школы сценическаго искусства: Нѣмецкая, Англійская и Французская. Тальма. Викторъ. Сравненіе Г-жи Дюшенуа съ Г-жею Жоржъ.

Никто изъ артистовъ нашего времени не пользуется такою общею, Европейскою извѣстностію, какъ Тальма, и, надобно признаться, никто столько не заслуживаетъ ее, какъ этотъ корифей Французской мельпомены. Чтобы видѣть въ полномъ свѣтѣ всѣ заслуги, оказанныя имъ искусству, надобно напередъ сообразить, въ какомъ состояніи онъ засталъ театръ вообще въ Европѣ,—что онъ заимствовалъ отъ методъ или школъ и чѣмъ обязанъ собственному своему генію.

Въ собственномъ смыслѣ, для сценическаго искусства, какъ и для всѣхъ другихъ, должна быть только одна школа, основанная на единствѣ изящества; но время, мѣсто и нравы народовъ, давая особенныя направленія вкусу, раздѣлили ее на разныя отрасли. Главнѣйшія изъ нихъ въ наше время суть *Нѣмецкая*, *Англійская* и *Французская*. Бросимъ взглядъ на каждую изъ нихъ порознь.

Нѣмецкая школа отличается преимущественно своими странностями. Нѣмцы глубокіе теоретики, мѣлкіе практики. На ученыхъ каѳедрахъ они проповѣдываютъ романтизмъ, а на дѣлѣ строго держатся предписаній покойнаго Аббата Батпё, требовавшаго, чтобы трагическіе актеры вмѣсто разговора пѣли, а ноги и руки ихъ танцовали. Пѣніе ихъ отличается рѣзкимъ крикомъ, всхлипываніями и монотоніею. Одна и таже пѣсня безпрерывно повторяется отъ начала до конца трагедіи. Не надобно смѣшивать неумѣстнаго крика съ высокимъ и громкимъ произношеніемъ. Послѣднее есть языкъ страстей, употребляемый всѣми знатнѣйшими артистами во время сильныхъ душевныхъ

волненій; а неумѣстный крикъ есть рѣзкая нота, невѣрно взятая; онъ тоже въ декламаціи, что въ оркестрѣ фальшивый тонъ трубы, покрывающей собою гармонію прочихъ инструментовъ. Между драматическими актерами Нѣмецкими мнѣ извѣстны только два исключенія изъ ихъ школы. Въ Вѣнѣ на Императорскомъ придворномъ театрѣ старикъ *Кохъ*, очаровывающій своею естественною рѣчью, и Берлинскаго королевскаго театра молодой артистъ *Крюгеръ*. Впрочемъ г. Крюгеръ не совсѣмъ чуждъ привычекъ своей школы; въ сильныхъ мѣстахъ голосъ его также впадаетъ въ пѣніе; поступь его проста, но онъ не любитъ стоять на мѣстѣ, какъ Тальма; и расхаживаясь по сценѣ, скрываетъ черты лица своего отъ публики; движенія рукъ у него очень выисканныя; пальцами играетъ какъ бы на фортепіанѣ. Я не говорю о прочихъ актерахъ и актрисахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, даже и на Петербургскомъ Нѣмецкомъ театрѣ, во все продолженіе драмы или трагедіи танцуютъ минуетъ, въ полномъ значеніи этого танца,

не перерывая его даже и въ самыхъ трогательныхъ сценахъ.

Англійская школа, принявшая въ основаніе выраженіе духовной природы, отличается преимущественно мимикою и естественною рѣчью. Естественная рѣчь появилась въ новѣйшія времена вмѣстѣ съ возобновленіемъ представленія Шекспировыхъ трагедій; но первая мысль ввести ее въ трагедію принадлежитъ Грекамъ. Аристотель приписываетъ введеніе самаго ямба въ трагедію единственно тому, что эта мѣра есть удобнѣйшая для разговора. Англійская школа обязана своею славою преимущественно геніямъ Гаррика и Кина. Сей послѣдній малаго роста, неуклюжій и неблагозрачный, игра его вообще неровна; но бываютъ минуты вдохновенія, когда онъ поражаетъ электричествомъ самыя каменныя сердца зрителей. Вдохновеніе есть главная стихія Англійской школы; искусственный восторгъ — школы Французской.

Прочія требованія первой ясно опредѣлены самимъ ея родоначальникомъ Шекспиромъ. Гамлетъ его (явленіе II, дѣйствіе III) да-

етъ актеру слѣдующее наставленіе: „Произноси стихи, какъ я тебѣ читалъ ихъ — легко и безъ напряженія; если же ты станешь возглашать подобно многимъ актерамъ нашимъ,—я столько же бы хотѣлъ ихъ слышать отъ городскаго крикуна. Не рѣжь руками такъ сильно воздуха; но соблюдай во всемъ приличіе, храни умѣренность; она придаетъ видъ кротости всякой страсти въ самомъ ея потокѣ, вихрѣ, такъ сказать, бурѣ.—О! Мнѣ обидно до крайности слышать, какъ иной рослый, въ парикъ наряженный невѣжа терзаетъ страсть на части, на куски и раздираетъ уши черни, способной упѣшаться только непонятнымъ кривляньемъ и крикомъ.“—„Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не преступать границъ естественной простоты: всякая чрезмѣрность не сообразна съ цѣлію представленія, которая первоначально, какъ и теперь, была и есть — представить зеркало природы.“ — „Картина непомѣрно рѣзкая или слишкомъ слабая можетъ понравиться невѣждамъ, но оскорбитъ вкусъ разсудительныхъ, изъ которыхъ

мнѣніе одного должно быть для васъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ.“

Французская школа, строго держащаяся начала подражанія, такъ называемой, пластической или внѣшней сторонѣ природы, ведетъ начало свое еще отъ Грековъ и Римлянъ. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ, какъ извѣстно, выбирали актеровъ высокорослыхъ и обували ихъ въ котурны, чтобы они казались гигантами. Вмѣсто разговора они пѣли и это пѣніе сопровождаемо было флейтою и тѣлодвиженіями особаго актера, составлявшими условный пантоминный языкъ. Все это на древнемъ театрѣ не нарушало вѣроятія, потому что дѣйствующія лица въ древнихъ трагедіяхъ были боги или баснословные герои, требовавшіе особаго образа выраженій, а равно и потому, что стихи у древнихъ не имѣли другаго назначенія, кромѣ пѣнія. Эта поющая декламація удержалась въ речитативахъ Италіянскихъ оперъ, заступившихъ мѣсто древнихъ зрѣлищъ, а потомъ перенесена была Французами и на ихъ театръ. Введеніе ея во Французскую

трагедію несправедливо приписывается Тальмѣ; извѣстно, что она употреблялась еще во времена Людовика XIV и что знаменитый Люлли многіе речитативы свои сочинялъ съ декламаціи Шанмелле. Что касается до Тальмы, онъ, воспользовавшись въ молодости, во время пребыванія своего въ Лондонѣ, наставленіями и примѣрами первыхъ Англійскихъ трагиковъ, почувствовалъ еще съ того времени несообразность пѣнія въ трагедіи; и если не могъ въ послѣдствіи совсѣмъ изгнать его съ Французской сцены, то по крайней мѣрѣ онъ успѣлъ опредѣлить мѣсто и тонъ сему напѣву, употребляя его преимущественно только въ тѣ минуты, когда душа настроена къ лирическимъ чувствамъ. Напр. въ трагедіи *Леонидѣ*, привѣтствуя отечество и скалы Термопильскія, голосъ его издавалъ, въ продолженіи четырехъ стиховъ, какъ бы одинъ и тотъ же тонъ, подобно низко натянутой и дрожащей струнѣ.

Тальма въ послѣднее время раскрылъ во всемъ блескѣ преимущества естественной игры и рѣчи или дикціи въ трагедіяхъ:

Силла, *La démence de Charles VI* и въ драмѣ Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*; но предразсудки публики, привыкшей къ уродливости своей школы, столь велики, что едва достаетъ всего могущества генія, чтобы ихъ разсѣять. Въ роли Силлы Тальма превосходенъ; но, мнѣ кажется, Французы терпятъ его потому только, что онъ представляетъ въ ней живаго Наполеона со всѣми его пріемами, движеніями, тономъ и взглядомъ.

Въ роли Карла VI, впавшаго въ помѣшательство ума во время несчастной войны съ Англіею, Тальма принимаетъ голосъ человѣка болѣзненнаго и убитаго горестію; притомъ является на сцену въ шлафоркѣ и обросшій бородою. Французы оскорбляются этимъ мнимымъ нарушеніемъ приличій трагической сцены; но когда король, въ припадкѣ умоизступленія, воображая себя окруженнымъ толпою народа, приступающею къ нему съ воплемъ, — останавливаетъ на семъ фантомѣ отуманенный взоръ и произноситъ слѣдующія слова: „За чѣмъ вы здѣсь? „Нѣтъ у меня хлѣба!“ Тогда Францу-

зы, принимая искусство за самую природу, плачутъ и забываютъ о своихъ притязаніяхъ. Въ драмѣ Коцебу, въ роли неизвѣстнаго, Тальма явился въ Нѣмецкомъ кафтанѣ и съ тростію; говорилъ почти во все продолженіе дѣйствія однимъ тономъ, низкимъ, отрывистымъ, мрачнымъ. Роль Эйлаліи играла мамзель Марсъ. Увлеченные новостію романтической піэсы, новымъ родомъ игры и самымъ положеніемъ артиста и артистки, въ первый разъ только явившихся въ этомъ родѣ драмы, Французы заливались слезами, такъ что въ послѣдней сценѣ послѣдняго дѣйствія игра на нѣсколько минутъ была прервана; — случай почти небывалый во время представленія Французскихъ трагедій. Но эта шутка не прошла даромъ мамзели Марсъ и Тальмѣ, особливо послѣднему. Не далѣе какъ на другой день утромъ, во всѣхъ газетахъ осыпали его ругательствами за то, что онъ дозволилъ себѣ упасть съ трона Кесарей въ Нѣмецкую грязь. При этомъ не забыли сдѣлать ему замѣчаніе и на счетъ неуваженія его къ публикѣ, когда онъ, въ минуту примиренія съ Эйлаліею, прижи-

мая къ груди трехлѣтнюю дочь свою, отъ неловкости обнажилъ ее нѣсколько неблагопристойно.

Въ разсужденіи пластики Тальмы, то есть положенія тѣла и движенія рукъ, у насъ господствуетъ ложное мнѣніе. Многіе воображаютъ его какою-то древнею статуею, убѣжавшею изъ Рима и безпрестанно принимающею всѣ граціозныя и величественныя положенія всѣхъ своихъ знакомокъ по Ватикану. Вѣроятно они составили подобное понятіе о Французскомъ трагикѣ, по извѣстной его заботливости о уборкѣ волосъ и драпировкѣ костюмовъ; такъ какъ въ роляхъ Греческихъ и Римскихъ онъ дѣйствительно бралъ самые вѣрные слѣпки съ древнихъ бюстовъ и статуй. Но если въ этомъ отношеніи онъ прихотливъ, какъ женщина; то во всемъ прочемъ, можно сказать рѣшительно, онъ не выказываетъ никакихъ притязаній. Тальма никогда не ходитъ мѣрными шагами; лѣвая рука его занята тогою; правою дѣлаетъ изрѣдка только полуоткрытыя движенія; короче сказать: этотъ царь театра знаетъ, что простота неразлучна

съ величіемъ и что трагедія имѣетъ свой характеръ и свои средства, отличныя отъ тѣхъ, кои употребляются въ балетѣ. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ самой блистательной его роли *Нерона;* не бывъ приготовленъ къ его важному, неподвижному спокойствію, нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшимъ подлѣ меня Французамъ съ вопросомъ: Тальма ли это? И не прежде въ этомъ увѣрился, какъ въ концѣ II дѣйствія, когда онъ, оставляя принцессу Юнію и произнося послѣдній стихъ: „Madame, en le voyant, songez que je vous vois," принялъ осанку, взглядъ и тонъ, въ которыхъ раскрылась вся душа тирана. Въ подобный обманъ вовлекаемы были имъ не одни иностранцы, въ первый разъ только его видѣвшіе; самъ Наполеонъ, соскучивъ мнимымъ бездѣйствіемъ и разсѣяннымъ видомъ его въ той же роли Нерона въ четвертомъ актѣ, въ продолженіи укоризнъ и выговора, обращенныхъ къ нему матерью Агриппиною, совѣтовалъ ему по крайней мѣрѣ перебирать руками тогу или рвать ее отъ нетерпѣнія; но Тальма не послушался своего повелителя, кото-

рый въ пантомимикѣ былъ только ученикомъ его. Въ вышепомянутой трагедіи *Леонидѣ*, созданной почти исключительно для пластики и составляющей настоящее торжество его, онъ также простъ до самой той сцены, гдѣ, опершись на жертвенникъ, погружается въ думы, и даже до той минуты, когда, тихо приподнявшись съ жертвенника, ловитъ устремленнымъ въ даль взоромъ высокую мысль: *умереть съ дружиною при Ѳермопилахъ*, и когда вдохновенное лице его покрывается какимъ-то небеснымъ, неизъяснимымъ сіяніемъ.

Таковъ Тальма! Что же дѣлаютъ его подражатели? Тоже, что школьники, выдергивающіе изъ разныхъ сочиненій цвѣты краснорѣчія и связывающіе ихъ въ одинъ пучекъ. Они выпверживаютъ разныя граціозныя и величественныя формы своего идеала во всѣхъ его роляхъ, нанизываютъ ихъ на себя въ каждой роли и гонялсь за блестками, впадаютъ въ стиль жеманный и напыщенный. Этотъ стиль отразился въ тѣлодвиженіяхъ народныхъ ораторовъ, на каѳедрахъ духовныхъ и ученыхъ и въ самой Па-

рижской академіи художествъ, которой Тальма, какъ я уже замѣтилъ выше, безъ всякаго умысла сдѣлалъ болѣе вреда, нежели Давидъ умышленно. Этотъ стиль перешелъ и къ намъ въ Россію, разумѣется черезъ десятыя руки, и нашелъ ревностныхъ своихъ послѣдователей въ Москвѣ и Петербургѣ.

Впрочемъ слабость и уродливость подражателей доказываютъ только могущество генія, ставшаго выше подражаній. Короче сказать: Тальма возвелъ трагедію классическую на такую степень высоты, на которой послѣ него, можетъ быть, уже никто не въ состояніи будетъ поддержать ее.

Я не нахожу нужнымъ исчислять здѣсь всѣхъ частныхъ отличій Тальмы: его важной Римской физіономіи, грозы нахмуренныхъ бровей, выразительности взгляда въ малѣйшихъ движеніяхъ, игры лица во всѣхъ оттѣнкахъ страстей и наконецъ его благороднаго и важнаго тона, возбуждающаго невольное къ нему уваженіе въ самихъ артистахъ, его окружающихъ. Все это въ немъ такъ совершенно, что дало поводъ къ молвѣ, будто бы самъ Наполеонъ бралъ у него

уроки для своей царственной роли. Наполеонъ дѣйствительно часто съ нимъ видался и даже сохранялъ къ нему дружбу; но эти дружественныя отношенія Императора къ артисту объясняются одною лишь признательностію перваго къ благородному безкорыстію послѣдняго; Тальма, бывши еще самъ не богатымъ, имѣлъ радушіе оказать Наполеону пособіе, когда онъ былъ еще въ чинѣ капитана, и, по прибытіи своемъ въ первый разъ въ Парижъ, находился въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ.

Послѣ Тальмы, изъ всѣхъ Французскихъ трагическихъ актеровъ, можно упомянуть только о Викторѣ. *Викторъ*, бывшій первымъ трагикомъ Одеона, нынѣ занимаетъ роли молодыхъ героевъ на первомъ театрѣ Французскомъ. Онъ самъ хорошій стихотворецъ и сталъ извѣстенъ одною, сочиненною имъ трагедіею. Соединеніе этихъ талантовъ и вмѣстѣ странная судьба его предубѣждаютъ зрителей заранѣе въ его пользу. Будучи сынъ богатыхъ родителей, онъ получилъ хорошее воспитаніе и назначаемъ былъ къ придичному роду службы. Но страсть къ

театру открылась въ немъ очень рано; и наконецъ до такой степени усилилась, что онъ, не смотря на угрозы отца, скрылся изъ его дома и посвятилъ себя совершенно театральному искусству. Отецъ съ своей стороны, не смотря на ходатайство друзей, не хотѣлъ простить ему этого поступка и оставался непреклоннымъ. Наконецъ молва о талантахъ молодаго актера убѣдила его идти въ театръ во время представленія трагедіи Гамлета. Въ ту самую минуту, когда Гамлетъ является передъ урною родителя, Викторъ, вообразивъ живо собственное положеніе, своимъ плачемъ исторгъ слезы у отца и своимъ изступленіемъ привелъ его въ ужасъ. Отецъ встаетъ изъ ложи, въ которой онъ скрывался, бѣжитъ за кулисы и, обнимая сына, говоритъ ему: „Оставайся на томъ поприщѣ, къ которому призвала тебя природа.“ Съ того времени Викторъ всегда играетъ Гамлета съ особеннымъ чувствомъ. Онъ высокаго роста; имѣетъ важную осанку; голова его Римская. Часто однимъ движеніемъ глазъ онъ выражаетъ многое; такъ въ Танкредѣ,

при имени Орбасана, очень естественъ переходъ его къ ярости, хотя онъ и не говоритъ ни слова. Въ роли Нерона (въ трагедіи Britannicus) онъ приближается къ Тальмѣ. Съ такою же притворною покорностію слушаетъ угрозы матери, — съ такимъ же злымъ вздохомъ начинаетъ открывать наперснику свое варварское сердце и почти такимъ же грознымъ тономъ говоритъ княжнѣ: „Иди, но знай, что Неронъ видитъ и слышитъ тебя вездѣ.“ Викторъ во многомъ подражаетъ Тальмѣ, — не исключая и всѣхъ недостатковъ его. Напр. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобно выражать жалобу, скорбь или нѣжныя чувства, онъ тянетъ всегда съ такимъ воркованіемъ или съ монотоніею, какой не чуждъ и его учитель.

О г-жѣ *Дюшенуа* я говорилъ уже довольно подробно, разбирая ея представленія на Женевскомъ театрѣ. Къ чести ея можно присовокупить, что Тальма никогда безъ нея не играетъ. Съ нею очень долго соперничествовала дѣвица Жоржъ, извѣстная своею величавою красотою и осанкою. Дебюты ихъ, продолжавшіеся около года, раздѣляли

публику на разныя партіи; но Дюшенуа, не смотря на невниманіе къ ней природы, отказавшей ей въ правильномъ очертаніи лица, наконецъ восторжествовала надъ всѣми и, такъ сказать, силою вырвала пальму первенства у своей опасной соперницы. Сравнивая ихъ обѣихъ, можно положить слѣдующее между ними различіе. Послѣ игры Жоржъ, нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ или картинъ остаются въ воображеніи, не достигая глубины души; послѣ игры Дюшенуа, ея голосъ вездѣ васъ преслѣдуетъ, и безъ умолку вамъ твердитъ: спрашись и ты подобной судьбы: „Homo sum, humani nihil a me alienum puto.“

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ.

Дѣвица Марсъ. Монрозъ.

На первомъ театрѣ Французскомъ даются представленія поперемѣнно, въ одинъ день трагическою труппою, въ другой комическою. Говоря о послѣдней, надобно начать и кончить почти исключительно одною дѣвицею *Марсъ*. Ее можно назвать представительницею и идеаломъ Французской комедіи. Вообразите женщину съ прекрасною таліею, съ пріятнымъ лицемъ, съ блестящими глазами, съ умною улыбкою, съ голосомъ сладкимъ, очаровательнымъ, съ рѣчію хорошаго, образованнаго тона, съ выраженіемъ всегда нѣжнымъ и вѣрнымъ, — такова Марсъ. Она играетъ придворныхъ и гражданокъ, стару-

шекъ и матерей, кокетокъ и скромницъ, всѣхъ съ равнымъ умомъ, приличіемъ и естественностію. Г-жа Марсъ удивительное существо; ей уже 45 лѣтъ, но она играетъ еще молодыхъ дѣвицъ, влюбленныхъ и даже невинныхъ, и притомъ съ прелестію, остроуміемъ и просподушіемъ, восхищающими зрителей до безумія. Объ ней-то можно сказать, что сама Талія улыбалась ей при рожденіи и сами граціи ее воспитывали и образовали.

Изъ комиковъ перваго театра Французскаго достоинъ вниманія, можетъ быть, только одинъ Монрозъ. Онъ очень естественно представляетъ слугъ. Быстрые глаза его, вздернутый къ верху носъ, черты лица и улыбка выражаютъ хитрость. Проворство въ движеніяхъ,—поступь то смѣлая, то робкая,—голосъ то тихій, то напыщенный,—все въ немъ забавно. Треугольная шляпа его съ короткими крыльями никогда не перемѣняется; но онъ даетъ ей всегда разныя положенія; то надвигаетъ ее напередъ, то на бокъ, смотря по удачамъ и неудачамъ, въ которыхъ онъ находится. За то, когда

Монрозъ является въ другихъ роляхъ, онъ уже выходитъ изъ предѣловъ естественности, и болѣе или менѣе, всегда выказываетъ тонъ и пріемы своего происхожденія, какъ мѣщанинъ во дворянствѣ.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

На *театрахъ бульварныхъ* царствуетъ *Потье*. Онъ не рѣдко переходитъ изъ одного въ другой, водя всегда за собою слѣпую фортуну съ рогомъ изобилія. Тамъ, гдѣ Потье, всегда набиты биткомъ и театръ и театральная касса. Кромѣ отличной игры своей, онъ имѣетъ еще даръ украшать свои роли острыми аллюзіями и импровизаціями. Опытъ

этого дара мнѣ случилось видѣть недавно въ одной сценѣ его съ двумя другими хорошими актерами: *Брюнеголи* и *Одье,* въ театрѣ des Variétés. Кто-то изъ нихъ сбился съ роли, а суффлёръ на ту пору потерялъ изъ виду то мѣсто, которое надобно было читать ему. Передъ такою нетерпѣливою публикою, какъ Парижская, положеніе артистовъ было очень непріятное; но Потье, не теряя присутствія духа, обращается къ Одье съ вопросомъ: „Чтожъ ты стоишь, какъ пень? Столбнякъ что ли на тебя нашелъ?“ Одье отвѣчалъ ему серьозно: „Я жду, что скажетъ мой сосѣдъ.“ Брюнетъ присовокупилъ: „Я люблю прежде думать, а потомъ говорить.“ Изъ этихъ споровъ и перекоровъ составилась цѣлая вставочная сцена, исполненная мыслей и остротъ. Потье, какъ умный фарсёръ, извѣстенъ всѣмъ любителямъ театра; но, можетъ быть, немногимъ извѣстенъ его драматическій талантъ, раскрытый имъ недавно въ піесѣ *le Chiffonier*. Онъ играетъ въ ней главное лице,—милліонщика, доведеннаго несчастіями до совершенной нищеты, снискивающаго себѣ насущный хлѣбъ самымъ

бѣднымъ промысломъ: собираніемъ ветошей на улицѣ, и, что всего горьше, принужденнаго скрывать свое имя отъ собственной дочери. Въ той сценѣ, гдѣ юная дочь его, воспитывающаяся у одной сострадательной женщины, поетъ ему свой любимый романсъ: Il n'ose pas embrasser sa fille, и гдѣ отецъ ея, чувствуя всю тягость своего положенія, старается казаться веселымъ и шутливымъ,—Потье своею двусмысленною игрою заставляетъ плакать всѣхъ зрителей.

Дѣвица *Фей*, извѣстная подъ именемъ *Маленькой Леонтины*, la Petite Leontine, сдѣлалась уже большою. Она перешла отъ дѣтскихъ ролей къ ролямъ взрослыхъ дѣвицъ; въ послѣднихъ она мила, но въ первыхъ была неподражаема. Я видѣлъ ее за два года передъ симъ; она играла дѣвочекъ и мальчиковъ, добрыхъ и избалованныхъ, послушныхъ и упрямыхъ, смирныхъ и шалуновъ, съ такою естественностію, которая открывала въ ней необыкновенный въ ея лѣта даръ наблюдательности.

Музыкальная Академія или Большая Опера всегда привлекаетъ къ себѣ толпы зрителей своими прекрасными балетами, великолѣпными декораціями, отлично устроеннымъ оркестромъ и легкостію своего зефира *Поля*, своей Флоры *Монтессю* и Венеры *Нобле*.

Комическая Опера держится нынѣ только однимъ новымъ произведеніемъ г. Боельдье, *Бѣлою дамою*, la Dame blanche.

Театръ Водевилей примѣтно пустѣетъ и упадаетъ. Не удивительно, что это уродливое произведеніе Мома могло держаться во Франціи, гдѣ нѣтъ народныхъ пѣсенъ и нѣтъ музыкальнаго слуха; но удивительно и непонятно, какимъ образомъ оно могло войти въ моду въ Россіи, гдѣ каждый ребенокъ имѣетъ врожденную склонность и къ мелодіи и къ гармоніи. Какъ согласить, чтобы молодые благовоспитанные юноши и дѣвицы, знающіе хорошо Италіанскую музыку, могли слушать равнодушно эти аріетки, наполненныя пошлыми остротами и составленныя на одну и туже погудку, повторяемую безъ складу и ладу?

О здѣшнемъ *Италіянскомъ театрѣ* нѣтъ нужды распространяться; довольно замѣтить, что онъ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ самаго *Россини* и что имѣлъ своими примадоннами знаменитую *Каталани*, мадамъ *Сесси* и нашу Русскую пѣвицу г-жу *Меньвиль Фодорѣ*. Нынѣ украшаетъ его собою г-жа *Паста*, отличная актриса и первая пѣвица въ Европѣ въ настоящее время. Недавно явилась на здѣшней сценѣ дѣвица *Зонтагъ*. Послѣ перваго дебюта ея въ *Цырюльникѣ Севильскомъ* журналы справедливо замѣтили сходство ея методы съ методою г-жи Фодоръ. Въ продолженіе втораго дебюта въ *la Donna del'lago* многіе начинали явно и въ слухъ возставать противъ нея; но г-жа Зонтагъ, которая, какъ примѣтно, сберегаетъ всегда свои силы къ концу, въ самой послѣдней аріи пріятными и быстрыми переливами своего голоса и нѣжностію выраженія пристыдила своихъ хулителей и восхитила всю публику; журналы, замѣчая это, не пропустили случая присовокупить нѣсколько привѣтствій и ея красотѣ. Послѣ третьяго дебюта, въ которомъ

*

она выполнила съ блескомъ одну изъ труднѣйшихъ музыкальныхъ ролей въ *Донъ Жуанѣ* Моцарта, были тысячи голосовъ за ея искусство и уже ни одного не слышно было противъ. Не извѣстно, останется ли на Италіанскомъ театрѣ г-жа Паста, послѣ условій, заключенныхъ дирекціею съ дѣвицею Зонтагъ; но то неоспоримо, что послѣдняя не можетъ вполнѣ замѣнить первой, которая только одна заслуживаетъ нынѣ титулъ царицы пѣнія. По крайней мѣрѣ между ними нѣтъ ничего общаго или не болѣе, какъ между родами искусства анакреонтическимъ и героическимъ. Зонтагъ имѣетъ голосъ высокій, пріятный и игривый, но еще не совсѣмъ твердый; при переходѣ отъ низкихъ тоновъ къ высокимъ есть у нея одинъ тонъ фальшивый; Паста обладаетъ голосомъ обширнымъ, сильнымъ и вѣрнымъ. Первая играетъ трудностями искусства; послѣдняя сама ихъ выдумываетъ, чтобы дерзновеннымъ ихъ преодолѣніемъ изумлять и поражать слушателей.

Первымъ пѣвцемъ почитается здѣсь Синьоръ *Рубини*, теноръ-сопрано пріятный

и нѣжный, но слабый въ сравненіи съ страстнымъ и пламеннымъ Давидомъ, котораго послѣднюю лебединую пѣснь я слышалъ за три года передъ симъ въ Вѣнѣ.

Изъ Француженокъ на Италіанскомъ театрѣ играетъ одна только дѣвица *Cinti*, которую мадамъ Каталани перекрестила въ *Чинти*, давая симъ знать, что подобный талантъ есть принадлежность Италіанки и одно только исключеніе или игра случая во Француженкѣ. Впрочемъ Cinti занимаетъ здѣсь однѣ второклассныя роли. Голосъ ея не обширный, но чистый, ясный и ровный.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Достопримѣчательныя Парижскія церкви: Notre Dame; Пантеонъ; Св. Сульпиція; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Лувскій; Палерояль. Частные домы и улицы. Бульвары; переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генриха IV и Людовика XIV; Вандомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ.

Между памятниками зодчества, по древности, первенство принадлежитъ *Собору Пресвятой Дѣвы* Notre-Dame. Утверждаютъ, что первое основаніе ему положено было на развалинахъ жертвенника, который посвященъ былъ Галлами Юпитеру, Вулкану, Кастору и Поллуксу. Въ 356 году сей храмъ распространенъ королемъ Хилдебертомъ, а по нынѣшнему плану выстроенъ въ XII столѣтіи. По сторонамъ фасада возвышаются

двѣ башни, а внутренность имѣетъ видъ Латинскаго креста съ 45 придѣлами. Своды храма, углообразные, поддерживаются 120 колоннами, которыхъ капители украшены листьями дубовыми, капустными и чертополоховыми. По стѣнамъ есть множество рѣзныхъ медальоновъ съ изображеніями добродѣтелей, пороковъ, зодіаковъ, городскихъ и сельскихъ работъ и даже нѣсколько лицъ изъ Римской миѳологіи. На южныхъ дверяхъ представленъ въ рельефѣ страшный судъ.

Базилика Святой Женевьевы, покровительницы Парижа, извѣстная подъ именемъ *Пантеона,* имѣетъ видъ Греческаго креста и состоитъ изъ трехъ главныхъ ярусовъ: фасада, колоннады и огромнаго сферическаго купола, висящаго надъ окнами и оканчивающагося фонаремъ. Внутренность ея украшена также колоннами, позолотою, барельефами и живописью на стѣнахъ, работы *Гро* и другихъ знаменѣйшихъ художниковъ. Подъ поломъ базилики находятся погреба съ смертными останками маршаловъ, кардиналовъ, министровъ и сенаторовъ; съ верхняго фонаря обширный и прекрасный видъ

Парижа и его окрестностей. Пантеонъ основанъ только въ прошедшемъ столѣтіи королемъ Людовикомъ XV, по плану архитектора Суффло.

Церковь Св. Сульпиція достопримѣчательна по своему великолѣпному фасаду орденовъ Дорическаго и Іоническаго, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ. По сторонамъ фасада стоятъ двѣ высокія башни съ телеграфами; одинъ изъ нихъ направленъ къ Страсбургу, другой къ Ишаліи.

Къ изящнѣйшимъ и первоклаcнымъ произведеніямъ архитектуры Французской принадлежитъ также *Домъ инвалидовъ*, основанный Людовикомъ XIV и распространенный Наполеономъ. Два этажа главнаго входа украшены колоннами ордена Дорическаго и Коринѳскаго, съ фронтономъ; третій этажъ состоитъ изъ круглой колоннады Коринѳской, четвертый изъ оконъ меньшаго размѣра. Надъ окнами крутой и легкій куполъ, весь вызолоченный; на немъ фонарь, оканчивающійся шпицемъ и крестомъ. Отъ основанія до креста считается 300 футовъ вышины. Внутри зданія, подъ куполомъ нахо-

дится шесть придѣловъ и гробницы двухъ знатнѣйшихъ Французскихъ генераловъ, Тюреня и Вобана. Лицевая сторона дома, обращенная къ Сенѣ, простирается на 102 туаза. Всѣхъ инвалидовъ помѣщается въ немъ до 7,000; для облегченія ихъ недуговъ и услажденія воспоминаній есть галлерея военныхъ картинъ, собраніе плановъ въ рельефахъ всѣхъ Французскихъ крѣпостей и библіотека, состоящая изъ 20,000 томовъ.

Между дворцами достойны примѣчанія *Тюльерійскій* и *Луврскій*. Первый, построенный въ XVI столѣтіи Катериною Медичисъ, носитъ на себѣ печать зодчества феодальныхъ временъ; онъ представляетъ странную смѣсь вкуса Греческаго съ Готическимъ. Надъ парадными входомъ возвышается сферическій куполъ съ развѣвающимся на немъ королевскимъ флагомъ, а по концамъ главнаго корпуса, вмѣсто башенъ, поднимаются приспройки въ родѣ нашихъ старинныхъ теремовъ съ крутыми крышами. Прямо противъ подъѣзда съ лицевой стороны, стоятъ тріумфальныя карусельныя ворота, сооруженные въ 1806 году въ честь большой

арміи. Они построены по образцу арки Септимія Севера, съ тремя аркадами. На этихъ воротахъ стояли, во время Наполеона, извѣстные Коринѳскіе кони, украшающіе нынѣ фасадъ соборной церкви Св. Марка въ Венеціи. По другую сторону дворца находится Тюльерійскій садъ, состоящій изъ цѣлой рощи, пересѣкаемой тремя аллеями и изъ нѣсколькихъ бассейновъ, украшенныхъ статуями. За садомъ лежитъ осмигранная площадь Людовика XV; на этой-то площади 30 Мая въ 1770 году празднованъ былъ бракъ Людовика XVI, бывшаго въ то время еще дофиномъ; 21 Генваря въ 1793 году онъ принялъ здѣсь мученическую смерть; въ 1814 году память его почтена была здѣсь торжественнымъ молебствіемъ союзныхъ Государей, и наконецъ здѣсь же въ нынѣшнемъ году происходилъ описанный мною выше обрядъ сопричисленія его къ лику святыхъ. За площадью простираются *Поля Елисейскія;* главная ихъ аллея, находящаяся на одной линіи съ главной Тюльерійской, оканчивается торжественною *Аркою Звѣзды,* начатою въ 1806 году и еще недостроенною.

Луврскій Дворецъ отдѣляется отъ Тюльерійскаго Каруселью площадью и нѣсколькими десятками домовъ ветхихъ, грязныхъ и загроможденныхъ безъ всякаго плана. Дворецъ сей начатъ еще въ 1528 году Франциcкомъ I, на мѣстѣ прежде бывшаго здѣсь Готическаго. Въ построеніи его участвовали многіе знаменѣйшіе архитекторы, Французскіе и Италіянскіе; но сочиненіе главнаго плана его принадлежитъ Пьеру Лескоту, а рисунокъ колоннады или перистиля врачу Перольту (Perrault), никогда не бывшему архитекторомъ. Этотъ перистиль почитается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній новой архитектуры. Весь фасадъ дворца, простирающійся на 80 саженъ ($87\frac{1}{2}$ туазовъ) длины и имѣющій 17 саженъ высоты, состоитъ изъ двухъ перистилей и трехъ аван-коровъ (avant-corps). Каждый изъ перистилей обнесенъ 12 колоннами Коринѳскаго ордена, разставленными попарно въ промежуткахъ оконъ и каждый изъ аванкоровъ украшенъ 8-ю колоннами, а средній сверхъ того и фронтономъ. Самою высочайшею точкою фронтона есть бюстъ Людо-

вика XIV; Минерва ставитъ его на подножіе, а Муза исторіи пишетъ внизу слѣдующія слова: *Ludovico Magno.* Весь дворецъ составляетъ правильный, огромный квадратъ, котораго всѣ стороны, какъ наружныя, такъ и обращенныя на дворъ, также украшены колоннами и фронтонами. Дворецъ этотъ со времени Людовика XV совсѣмъ былъ заброшенъ и только при Наполеонѣ снова обратили на него вниманіе. Издержки, исчисляемыя на построеніе его, неимовѣрны; только въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ до 1813 года употреблено на него болѣе 22,000,000 франковъ; а всего на окончательную отдѣлку предполагалось до 50,000,000.

Дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Палерояля*, по наружности своей болѣе похожъ на частный домъ, нежели на дворецъ. Онъ и дѣйствительно сначала принадлежалъ кардиналу Ришелье; но кардиналъ духовнымъ своимъ завѣщаніемъ отказалъ его королю, а король отдалъ во владѣніе герцогскаго Орлеанскаго дома. Во время революціи Палерояль обращенъ былъ въ ресторацiи и нѣсколько времени носилъ названіе *Дворца*

равенства, Palais-egalité, которое самъ покойный герцогъ Орлеанскій далъ ему, изъ лепки и потворства Парижской черни. Фасадомъ своимъ онъ выходитъ на улицу Сентъ-Оноре, а заднею стороною обращенъ къ Палероялькому саду, отдѣляясь впрочемъ отъ него нѣсколькими рядами крытыхъ деревянныхъ лавокъ и прилавковъ, гдѣ помѣщаются и сапожники и портные и модистки и книжный магазинъ извѣстнаго книгопродавца Лавока.

Бывшій въ 1798 году пожаръ истребилъ и таинственныя, изъ древесныхъ вѣтвей составленныя гроты, стоившія кардиналу Ришелье до 300,000 франковъ, и циркъ или подземельный театръ съ окружавшими его 30 лавками. Нынѣ отъ всего прежняго сада осталось только три аллеи съ изсохшими деревьями, изрѣдка разбросанными и не дающими никакой тѣни, Но все это замѣнено постройкою вокругъ сада трехъ огромныхъ корпусовъ въ четыре этажа. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются кофейные домы, модные магазины и лавки съ галантерейными вещами и со всѣми предметами роскоши. Подлѣ

нихъ подъ арками со всѣхъ трехъ сторонъ тянутся галлереи, служащія мѣстомъ гульбища для любопытныхъ и для искателей приключеній. Бель-этажъ занятъ ресторацiями, игорными домами и квартирами содержателей магазиновъ, въ верхнихъ этажахъ живетъ всякое отребіе женскаго пола. Между прочимъ достойны здѣсь примѣчанія кофейный домъ *Мира*, de la Paix, и кофейный или питейный домъ *Слѣпыхъ*, des Aveugles. Въ первомъ есть театръ, въ которомъ каждый вечеръ даются представленія безденежно. Его ложи и партеръ загромождены скамейками и столами; на столахъ разставлены вино, кофей, бавaруазъ, мороженое и фрукты; пестрыя группы посѣтителей и посѣтительницъ пресыщаютъ въ одно время всѣ чувства. Въ кофейномъ домѣ Слѣпыхъ, въ продолженіе вечера, безпрестанно играетъ оркестръ, составленный изъ слѣпыхъ мущинъ и женщинъ. Они помѣщаются въ подвалѣ, но игру ихъ отчасти можно слышать сквозь рѣшетчатое отверстіе, выходящее въ галлерею. Сказываютъ, что съ этимъ подваломъ имѣютъ сообщеніе какіе-

то подземельные коридоры съ гротами, исключительно посвященными оргіямъ. Такимъ образомъ гнѣвъ небесный, истребившій огнемъ одни вертепы разврата, попускаетъ существованіе другихъ, приготовляя въ нихъ, можетъ быть, новое наказаніе народу за замышляемое имъ вновь отступничество отъ вѣры, отъ благочинія и отъ всѣхъ связей гражданскихъ.

Убѣгая отъ сего острова Цирцей, превращающихъ людей въ звѣрей, обратимся вновь къ памятникамъ искусства и остановимъ взоръ нашъ на *домѣ Академіи Наукъ*; сихъ благодѣтельницъ человѣчества, услаждающихъ насъ дома и въ странствованіи, питающихъ нашу юность и обѣщающихъ намъ отрадную старость. Домъ сей состоитъ изъ храма съ великолѣпнымъ предсѣніемъ и куполомъ и изъ прилегающихъ къ нему зданій, пріятно рисующихся въ воздухѣ своими восходящими и нисходящими линіями. Остановимъ взоръ нашъ на теремахъ *Дворца Люксембургскаго* или на Готической башнѣ *Ратуши* или на легкой, воздушной колоннадѣ вновь сооружаемой *Биржи*. Вотъ

зданіе, дѣлающее честь и архитектору Бронніарду (Brongniard) и вкусу настоящаго времени. Оно состоитъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ верхній назначается для коммерческаго Трибунала, а нижній для собранія негоціантовъ; въ длину имѣетъ 250, въ ширину 130 футовъ; вокругъ со всѣхъ сторонъ украшено 66 колоннами Коринѳскаго ордена. Между колоннами и стѣнами, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ, идутъ кругомъ широкія галлереи. Биржа построена на вновь расчищенной площади противъ театра Комической Оперы. Впечатлѣніе, производимое ею на зрѣніе, ново и пріятно; это воздушный, сквозной павильонъ, въ которомъ нѣтъ почти совсѣмъ стѣнъ, а есть только колонны и между ними огромныя двери и окна.

Частные домы въ Парижѣ имѣютъ самую невыгодную наружность; обыкновенно закоптѣлые и высоты неровной, — большею частію отъ 5 до 9 и даже 10 этажей; иногда длинные, иногда только въ 4 или 3 окна. Дворы обыкновенно малые, квадратные, похожіе болѣе на колодцы, наполненные

спертымъ, зараженнымъ отъ неподвижности, воздухомъ. Улицы во всѣхъ старыхъ частяхъ города такъ узки, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ возможности разъѣхаться двумъ каретамъ, а иногда и одна длинная извощичья телѣга при поворотѣ загораживаетъ вдругъ нѣсколько улицъ. Эта тѣснота и постоянная тѣнь, бросаемая домами, изъ которыхъ многіе никогда не освѣщаются солнцемъ, даетъ нѣкоторымъ улицамъ видъ каналовъ или трубъ, строимыхъ для провода грязной воды и всякой нечистоты.

Вырываясь изъ этихъ частей города на *булевары*, выходишь въ другую атмосферу и дышешь болѣе чистымъ воздухомъ. *Булевары* опоясываютъ городъ со стороны Сѣверной и Южной; первые простираются на 2,490 туазовъ или 2184 саженъ, послѣдніе на 3,680 туазовъ или 3348 саженъ. Они имѣютъ по сторонамъ аллеи, изъ нѣсколькихъ рядовъ деревьевъ. На сѣверныхъ булеварахъ, подлѣ аллей тянутся ряды домовъ съ лавками, магазинами и великолѣпными кофейнями. Магазины, съ стекляными дверьми, наполнены модными издѣліями, бронзами, мебелью, фар-

форомъ, эстампами и всѣми предметами роскоши, какіе только промышленость и изобрѣтательность человѣческая могли выдумать. Здѣсь же находятся и театры, извѣстные подъ именемъ булеварныхъ. Въ аллеяхъ разбросаны прилавочки съ мѣлочными товарами, показываются разныя диковинки шарлатанами и раздаются звуки разныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Это разноцвѣтная, разногласная и никогда непрерывающаяся ярмонка.

Мысль замѣнить далекіе обходы по кривымъ и нечистымъ улицамъ устройствомъ переходовъ (passages) есть самая счастливая. Переходы не что иное, какъ обширные коридоры, крытые стеклами и вымощенные плитнякомъ, между двумя рядами магазиновъ, убранныхъ со всею роскошью вкуса. Одни изъ нихъ состоятъ изъ прямыхъ линій, какъ переходы *Панорамы, Монтескьё* и *Фейдо*; другіе изъ прямыхъ и поперечныхъ, образующихъ видъ шахмата, какъ переходъ *Большой Оперы*. Вновь отстроенный переходъ *Вивіенскій* имѣетъ крутой поворотъ подъ прямымъ угломъ, въ родѣ тріугольника безъ основы;

и по срединѣ двѣ арки съ зеркальнымъ простѣнкомъ. Днемъ они освѣщаются сверху сквозь стеклянную крышу, вечеромъ горящими въ магазинахъ газами. Вечеръ какъ въ Палероялѣ, такъ и въ переходахъ продолжается отъ сумерокъ до 11 часовъ ночи, и во все это время движутся безпрерывно впередъ и взадъ группы мущинъ и дамъ, рисуясь въ разставленныхъ по сторонамъ зеркалахъ.

Вмѣсто истребленнаго пожаромъ на булеварѣ *Базара,* недавно выстроенъ новый въ улицѣ Сенпъ-Оноре. Это есть огромное зданіе въ родѣ манежа, состоящее изъ двухъ отдѣленій, сообщающихся между собою двумя арками. Одно изъ нихъ имѣетъ крышу обыкновенную, другое стеклянную. Въ каждомъ изъ отдѣленій находится по нѣсколько рядовъ лавокъ и прилавочекъ, съ разнородными, но большею частію мѣлочными товарами. Базаръ вечеромъ освѣщается газомъ, но посѣтителей и покупателей бываетъ въ немъ очень мало, вѣроятно по невыгодному его положенію, удаленному отъ булеваровъ. Продавцы жалуются, что многіе изъ нихъ

не могутъ выручить даже той суммы, которая употреблена ими на наемъ лавокъ и на закупку товаровъ.

Изъ публичныхъ памятниковъ я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ: о конныхъ статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и о Вандомской колоннѣ.

На западной оконечности острова, образуемаго рукавами Сены и сообщающагося съ берегами ея посредствомъ Новаго моста (Pont-Neuf), до революціи стояло конное изваяніе Генриха IV. При началѣ волненій, народъ заставлялъ всѣхъ проѣзжающихъ выходить изъ экипажей и покланяться образу короля, хотѣвшаго устроить благосостояніе своихъ подданныхъ до того, чтобы каждый изъ нихъ могъ ѣсть курицу въ супѣ (la poule au pot); но въ продолженіе мятежей тотъ же народъ разрушилъ и ликъ обожаемаго имъ государя. По возвращеніи Людовика XVIII на престолъ, онъ отдалъ повелѣніе о возстановленіи всѣхъ памятниковъ на прежнихъ ихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе этого повелѣнія и добровольныхъ пожертвованій, вылита изъ бронзы литейщи-

комъ *Лемотомб,* по модели *Роньера* (Rognier), и поставлена въ 1817 году на означенномъ мѣстѣ статуя добраго короля Генриха. Въ двухъ барельефахъ, украшающихъ пьедесталъ, изображены двѣ примѣчательнѣйшія эпохи изъ его жизни: вшествіе его въ Парижъ и дозволеніе провозить въ него съѣстные припасы въ то время, когда онъ еще былъ въ осадѣ.

Конь Генриха IV представленъ въ покойномъ движеніи, а конь Людовика XIV на дыбахъ и въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда сей государь, держа въ правой рукѣ свой маршальскій жезлъ, отдаетъ какое-то важное приказаніе. Эта послѣдняя статуя вылита также изъ бронзы, по модели *Бозіо,* и поставлена на площади Побѣдъ (Place des Victoires) въ 1822 году. Людовикъ одѣтъ въ Римскую тогу, а голова его покрыта огромнымъ парикомъ XVII столѣтія. Привычка Французовъ къ парикамъ, вышедшимъ изъ моды только со времени революціи, столько еще сильна, что они нимало не подозрѣваютъ несообразности ихъ съ Римскимъ одѣяніемъ. Знатоки особенно удивляются въ

этомъ памятникѣ красотѣ формъ коня, соразмѣрности всѣхъ частей его и гармонической совокупности всего цѣлаго. Вся эта масса бронзы держится на двухъ заднихъ ногахъ и на хвостѣ коня. Художникъ имѣлъ здѣсь въ виду монументъ Петра I, но все это усиліе есть только слабое подражаніе неподражаемому творенію Фальконета.

Вандомская колонна, получившая свое имя отъ площади, на которой она воздвигнута, безспорно должна занимать первое мѣсто между памятниками Парижа. Подобно колоннѣ Антониновой, она вся обита барельефами, вылитыми изъ пушекъ, взятыхъ у Австрійцевъ въ продолженіе кампаніи 1805 года. Всѣхъ барельефовъ, на которыхъ изображены дѣйствія этой войны, числомъ 276, и всѣ они сплочены и расположены винтообразно, восходя съ низу въ верхъ. Колонна оканчивается галлереею и куполомъ, на которомъ развѣвается бѣлый флагъ. Въ галлерею есть входъ по внутренней лѣстницѣ. Подножіе колонны есть квадратное, и на каждой сторонѣ его представлены также въ барельефахъ трофеи или разнаго рода

вооруженія. Вокругъ колонны надъ подножіемъ виситъ огромный бронзовый вѣнокъ, поддерживаемый на всѣхъ четырехъ углахъ одноглавыми орлами. Въ сооруженіи этой колонны участвовали архитекторы Леперъ и Гондуень, скульпторъ Деноиъ, рисовщикъ Бержеретъ, литейный мастеръ Делонуа и рѣзчикъ Реймондъ. Она имѣетъ, вмѣстѣ съ подножіемъ, 155 футовъ высоты и 22 фута въ поперешникѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ развѣвается нынѣ флагъ, прежде стояла статуя Наполеонова; въ 1814 году Французы изъявляли свое желаніе замѣнить ее изваяніемъ Императора Александра, но Императоръ на это не согласился. Не знаешь, чему болѣе удивляться въ этомъ великомъ Государѣ: необыкновенной ли умѣренности Его, какъ побѣдителя, или необыкновенной прозорливости, какъ политика, столь хорошо знавшаго характеръ Французскаго народа. Подобную умѣренность показалъ Александръ при другихъ предложеніяхъ. Французы просили у него дозволенія назвать его именемъ одну изъ лучшихъ улицъ Парижа, идущую отъ Вандамской площади на булевары; но

Императоръ отвѣчалъ имъ: „Пусть она называется улицею Мира Rue de la Paix,“ и это имя остается при ней доселѣ. Они просили также дозволенія разрушить Аустерлицкій мостъ, построенный Наполеономъ въ память побѣды, одержанной имъ при Аустерлицѣ надъ войсками Австрійскими и Русскими; но побѣдитель Франціи отвѣчалъ: „Лучше напишите на этомъ мосту, что въ 1814 году Императоръ Александръ прошелъ по немъ съ своими войсками;“ и этотъ высокій отвѣтъ исторія напишетъ на своихъ скрижаляхъ золотыми буквами.

Въ память пребыванія Императора Александра въ Парижѣ выбита здѣсь медаль. На лицевой ея сторонѣ изображенъ Государь въ лавровомъ вѣнкѣ; на задней сторонѣ, подъ сѣнію лавроваго дерева крылатый геній (побѣда или слава), сидя на камнѣ, пишетъ грифелемъ на доскѣ слѣдующія слова: „Séjour d'Alexandre à Paris“ (пребываніе Александра въ Парижѣ).

Достойно замѣчанія, что нынѣшній король иначе не выѣзжаетъ изъ дворца, какъ

въ сопровожденіи цѣлаго эскадрона; между тѣмъ какъ Императоръ Александръ въ продолженіе своего пребыванія въ этомъ городѣ, для него чуждомъ и за нѣсколько недѣль или дней бывшемъ ему враждебнымъ, являлся всегда безъ тѣлохранителей и безъ свиты, сопровождаемый одними восклицаніями народа, съ нетерпѣніемъ желавшаго насладиться его рѣчами и даже однимъ лицезрѣніемъ? Какой рѣдкій даръ привлекать къ себѣ сердца и однимъ взглядомъ обезоруживать самихъ враговъ своихъ!—

ВЫПИСКА изъ ДНЕВНИКА въ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о смерти Императора Александра. Жестокіе морозы въ Парижѣ. Карнавалъ. Духъ настоящаго суда производства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гулянье въ Лоншанѣ. Испытаніе въ институтѣ глухонѣмыхъ. Картинная галлерея въ пользу Грековъ. Балетъ: Вулкановы сѣти. Романсы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.

ДЕКАБРЬ, 1825 года.

Первое извѣстіе о кончинѣ Императора Александра получено было здѣсь изъ Берлина, въ двѣнадцатый день послѣ Его смерти,—наканунѣ воскресенья, въ которое приготовлялся по какому-то случаю при дворѣ балъ. Немедленно разосланы были повѣстки

объ отмѣнѣ его, и всѣ тѣ особы, которыя имѣютъ пріѣздъ ко двору, — въ день праздника, вмѣсто бальнаго платья, одѣлись въ трауръ.

Мы Русскіе узнали эту новость только въ воскресенье, во время обѣдни, въ Русской церкви,—и поражены были, какъ бы ударомъ грома. Миръ и тишина, водворенные Александромъ въ Европѣ, — могущество, до котораго онъ довелъ Россію, и наконецъ слава, какою благословилъ Его Небесный Промыслъ и какою никто изъ смертныхъ никогда не вѣнчался, — все это уже давно заставило насъ забыть, что онъ долженъ умереть, какъ и всякой человѣкъ; и вся эта надежда, эта вѣра наша вдругъ рушилась и разсыпалась, какъ пріятный, быспролетный сонъ.

Послѣ обѣдни я зашелъ въ одну изъ библіотекъ новостей; Парижане, пропивъ обыкновенія своего, не сидѣли и не читали, а спояли группами посреди залы, — пасмурные, задумчивые; только изрѣдка слышно было имя Александра.

Прежде всего попалась мнѣ одна изъ краснорѣчивѣйшихъ статей, написанная Шатобріаномъ и уже отпечатанная не помню въ какой газетѣ. Лишь только я началъ читать ее, слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Одинъ изъ Французовъ, проходя мимо меня и замѣтивъ, что я закрываюсь, спросилъ тихо: „Вы вѣрно Русскіе?“ Вы угадали, отвѣчалъ я отрывисто. „Плачьте, продолжалъ онъ; вы имѣете причину плакать, не скрывайся; мы искренне раздѣляемъ вашу горесть.“ Я поблагодарилъ добраго Француза, и не желая обратить на себя вниманіе прочихъ, немедленно оставилъ библіотеку.

По полученіи оффиціальнаго извѣстія посольствомъ нашимъ о кончинѣ Императора, намъ разосланы были тотчасъ повѣстки о имѣющей быть паннихидѣ. Въ назначенный часъ церковь наполнилась какъ Русскими, такъ и Французами. Она вся обита была чернымъ сукномъ и освѣщена тусклымъ сіяніемъ свѣчъ. Печальный обрядъ начался Литургіею. Тихое служеніе священника, унылый напѣвъ пѣвчихъ и гармоническій, превосходно выполненный шремя голосами, кон-

церпъ изъ извѣстнаго стиха Давидова: „Господи! скажи кончину мою и число дней моихъ,“ — все это волновало душу и раздирало сердце. Но когда началось пѣніе самой паннихиды и раздались возгласы о успокоеніи души Того, Кому въ молитвахъ своихъ мы привыкли доселѣ испрашивать благоденствіенное житіе и здравіе; тогда настала общій плачъ, превратившійся наконецъ въ рыданія. Всѣ плакали, — мы о своемъ отцѣ, Французы объ одномъ изъ великодушнѣйшихъ своихъ побѣдителей и благодѣтелей.

Смерть великаго Государя заставила умолкнуть самую зависть и соединила передъ Его гробомъ всѣ партіи; всѣ, — не исключая и либераловъ, какъ бы опомнившись, отдали ему въ журналахъ послѣдній долгъ справедливости, раскаянія, признательности и благословеній.

Споръ, возникшій между двумя порфирородными Братьями, не о томъ, кто имѣетъ болѣе права на вѣнецъ Имперіи, вмѣщающій въ себѣ полсвѣта, а о томъ, кто имѣетъ болѣе права быть подданнымъ, — споръ небывалый и безпримѣрный въ лѣтопи-

сяхъ исторіи, — изумилъ Парижъ и всю Францію.

Извѣстія, получаемыя изъ Германіи и сообщаемыя въ журналахъ, наконецъ успокоили насъ совершенно и удостовѣрили, что Небесный Промыслъ, изливающій на новаго своего Помазанника дары мудрости, правосудія и мужества, скрываетъ въ этихъ дарахъ залогъ благоденствія, могущества и славы Россіи.

ЯНВАРЬ, 1826 года.

Въ первыхъ числахъ Января н. с. выпалъ здѣсь снѣгъ; въ слѣдъ за тѣмъ, въ теченіи двухъ недѣль, морозы постоянно продолжались отъ 12 до 15 градусовъ. Домы не снабжены ни печами, ни двойными стеклами; камины ни сколько не нагрѣваютъ

комнатъ. Ночью, въ постели, надобно было одѣваться по крайней мѣрѣ двумя толстыми шерстяными одѣялами и закрывать ими всю голову. Къ утру, на верхнемъ одѣялѣ, отъ дыханія образовался всякой разъ ледъ.

Въ окрестностяхъ Парижа, на дорогахъ, находили замерзшія тѣла пѣшеходцевъ. Въ этой гибели виноватъ не столько морозъ, какъ сами жители, не принимающіе противъ него никакихъ предосторожностей. Они во все продолженіе осени и зимы, остаются большею частію въ однихъ сертукахъ или куртkахъ, т. е. въ томъ же платьѣ, которое носятъ весною и лѣтомъ. Это едвали въ состояніи перенести и мы Русскіе, рожденные на снѣгахъ и укрѣпленные вьюгами,—и въ особенности мы, мирные граждане Россіи. И послѣ этого Французы все еще продолжаютъ упорствовать въ мнѣніи, будто бы ихъ большая армія истреблена одними нашими морозами!

ФЕВРАЛЬ.

7, 8 и 9 числа н. с. былъ *карнавалъ*. Онъ начался процессіею мясниковъ, провождавшихъ по улицѣ Сенпъ Оноре большаго бѣлаго вола, распещреннаго разноцвѣтными лентами. Дойдя до Тюльерійскаго дворца и получивъ отъ короля даръ, они отправились обратно съ тѣмъ же воломъ въ свои бойни. Въ продолженіе всѣхъ трехъ дней, съ 1 часа по полудни до самой ночи, всѣ булевары и прилегающія къ нимъ улицы наполнены были народомъ и экипажами. Кареты внутри и снаружи набиты были маскированными, которые кривлялись, говорили рѣчи, пѣли, ревѣли, блеяли, мяукали.

МАРТЪ.

I-го числа издатель коммерческой газеты за смѣлыя выраженія противъ палаты депутатовъ былъ приговоренъ просидѣть въ тюрьмѣ одинъ мѣсяцъ и заплатить штрафу 100 франковъ. Достоинъ примѣчанія духъ настоящаго судопроизводства во Франціи: смѣлыя выраженія, сказанныя противъ палаты депутатовъ, почитаются преступленіемъ; а тѣже самыя выраженія, сказанныя противъ палаты перовъ и противъ короля, не вмѣняются даже и въ проступокъ; за нихъ не штрафуютъ, не судятъ и къ суду не зовутъ.

9-го мы были въ *Версали*, отстоящей отъ Парижа на 20 верстъ. Въ залахъ дворца и въ церкви есть прекрасныя картины Павла Веронеза и фрески Лебрюна и Лемуаня; въ оперной залѣ, нѣкогда шумной и великолѣпной, нынѣ совершенное запустѣніе. Въ боль-

шомъ Тріанонѣ показывается собраніе антиковъ и постель знаменитой Ментенонъ. Въ маломъ Тріанонѣ аллеи и группы сада, прудъ, храмъ Венеры и деревенскіе домики представляютъ прекрасную картину. Въ паркѣ дворцовомъ, котораго устройство принадлежитъ знаменитому Ленотру, фонтаны съ группами Аполлона и Нептуна великолѣпны. Въ оранжереѣ есть множество столѣтнихъ деревьевъ всѣхъ частей свѣта и между прочимъ четырехъ-сотъ-лѣтнее померанцовое дерево, извѣстное подъ именемъ *великаго Бурбона* (le grand Bourbon). Въ 1550 году, когда оно перешло въ королевскую оранжерею изъ одной частной описанной въ казну, ему было уже болѣе 100 лѣтъ; со всѣмъ тѣмъ оно еще во всей своей красѣ и силѣ.

16-го мы ѣздили осматривать *Севрскую фабрику,* въ сопровожденіи г. Одуэна, профессора минералогіи въ королевскомъ ботаническомъ саду. Начиная отъ фарфоровой земли, онъ показывалъ и объяснялъ намъ всѣ процессы фабрики: фарфоровую муку, способъ ея заквашиванія, работу на станкахъ,

обжиганіе, составленіе красокъ и производство живописи. Въ магазинѣ есть одна ваза въ 27,000 франковъ; другая, на которой изображенъ Гомеръ у горшечника, въ 25,000; — третья круглая съ аллегорическими изображеніями органовъ чувствъ въ 20,000.

22, 23 и 24 числа было гулянье въ поляхъ Елисейскихъ и въ Лоншанѣ. Стеченіе народа большое и три ряда экипажей. Средній рядъ исключительно назначенъ для посланниковъ, для придворныхъ и для почетнаго Французскаго дворянства, такъ какъ, за сорокъ лѣтъ передъ симъ размежеваны были наши большія дороги. У насъ это размежеваніе не имѣло успѣха; наши дворяне вскорѣ принуждены были смѣшаться съ просполюдинами, оставивъ свою полосу, поросшую подорожникомъ, на приволье прогоняемымъ по дорогамъ гуртамъ; въ Парижѣ напротивъ годъ отъ году средняя линія гулянья становится полнѣе, потому что число дворянъ умножается безпрестанно какъ возвращеніемъ во Францію эмигрантовъ, такъ и новыми производствами. Эмигрантамъ, въ вознагражденіе претерпѣнныхъ

ими во время революціи потерь, ассигнованы опъ казны огромныя суммы, и сверхъ того, для большаго облегченія ихъ, удвоены и даже утроены штаты по всей арміи; такъ что, при нынѣшнемъ составѣ войска, каждое штабъ и оберъ-офицерское мѣсто занимается тремя офицерами, т. е. однимъ налицо и двумя заштатными, большею частію безъ всякихъ заслугъ и способностей, но съ полными окладами. Не нужно поясняпь, какія чувства возбуждаютъ въ народѣ всѣ эти нововведенія (не исключая и геральдическаго этикета на гуляньяхъ), — столь мало согласныя съ духомъ конституціонной хартіи.

Зо-го были мы на испытаніи учениковъ института глухо-нѣмыхъ. Этотъ институтъ, основанный аббатомъ Де л'Эпе и распространенный достойнымъ его преемникомъ аббатомъ Сикаромъ, нынѣ находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Метода ученія глухо-нѣмыхъ, будучи согласована съ главными началами психологіи, основана вся на постепенномъ и систематическомъ развитіи ихъ способностей. Обыкновенно пока-

зываютъ имъ сперва вещи, потомъ ихъ качества, употребляя и для выраженія ихъ сперва естественные знаки, потомъ условные. Разговариваютъ съ глухо-нѣмыми посредствомъ движенія губъ, рукъ и лица. Каждой буквѣ соотвѣтствуетъ особое образованіе пальцевъ; и эти образованія или фигуры рисуются такъ быстро, что безъ привычки никакой глазъ не успѣваетъ за ними слѣдовать. Глухо-нѣмыхъ учатъ читать, писать, ариѳметикѣ, закону Божію, географіи, исторіи, основаніямъ геометріи и даже метафизикѣ. По окончаніи каждаго мѣсяца дѣлается имъ публичное испытаніе, на которомъ всѣ вопросы, предлагаемые имъ какъ отъ наставника, такъ и отъ посѣтителей, разрѣшаются почти всегда самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Что здѣсь нѣтъ никакого подлога, мы удостовѣрились вполнѣ отвѣтами ихъ на собственные наши вопросы, предложенные нами на письмѣ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ заключалъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: „Какое чувство должно преимущественно одушевлять глухо-нѣмыхъ воспитанниковъ.“ По прочтеніи этихъ строкъ

вопрошаемый глухонѣмой, повидимому, сначала очень затруднился. На лицѣ и въ глазахъ его видны были все усиліе и работа ума. Потомъ вдругъ лице его прояснилось; онъ схватилъ мѣлъ и началъ писать на доскѣ: „C'est celui de la reconnaissance aux grands „hommes qui sont parvenus à nous rendre à la „societé et à nous donner une majestueuse idée „de l'Être Supreme etc..." „Чувство признательности къ тѣмъ великимъ людямъ, которые своими усиліями возвратили насъ обществу и дали намъ величественное понятіе о Существѣ Высочайшемъ и пр...." Признаюсь, читая этотъ умилительный отвѣтъ, вылившійся прямо изъ чистаго и невиннаго сердца, я не могъ удержаться отъ слезъ; тоже самое дѣйствіе онъ произвелъ почти и на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ сего испытанія мы осматривали токарныя и разныя механическія издѣлія глухонѣмыхъ: ибо, по уставу института, каждый глухонѣмый обязанъ еще учиться токарному искусству и какому нибудь ремеслу, по собственному его выбору, для обезпеченія будущаго своего состоянія.

МАЙ.

Въ пользу Грековъ открыта особая картинная галлерея, состоящая большею частію изъ новыхъ произведеній Французской школы. Въ ней между прочимъ выставлена новая картина Давидова, представляющая трехъ Грацій; Граціи вѣроятно писаны съ натуры Голландокъ, но съ натуры грубой и тяжелой.

Въ *Панорамѣ* нынѣ показывается прекрасный видъ Ріо-Джанейро; въ *Косморамѣ* виды Ѳермопилъ, Аѳона, Аѳинъ и Миссолунги; въ *Діорамѣ* окрестности Парижа и развалины или внутренность монастыря Сенп-Вадриля; оба сіи вида, изъ которыхъ послѣдній оживленъ движеніемъ листьевъ на деревьяхъ и порывами вѣтра, суть произведенія художника Бутона. Для риѳмы кстати упомянуть здѣсь и о *Жеорамѣ* или Георамѣ. Это въ большомъ размѣрѣ ландкарты, обращенныя

лицемъ къ центру земному, занимаемому обыкновенно зрителемъ.

Новый балетъ *Вулкановы* сѣти начинается рожденіемъ Венеры. Въ ту минуту, какъ она является изъ морской пѣны, приходитъ въ движеніе цѣлая вселенная. Боги Олимпа, земли, океана и даже тартара, всѣ спѣшатъ видѣть небывалое въ мірѣ чудо: богиню красоты. Эта минута торжественна; дѣйствіе машинъ столь многосложно, и вмѣстѣ столь быстро, чисто и исправно, что глаза разбѣгаются невольно, съ верху въ низъ, съ низу то въ одну, то въ другую сторону. Главная декорація этой сцены или мѣсто дѣйствія списано съ Женевскаго озера и его окрестностей; художникъ отчасти правъ, потому что видъ сего озера такъ прекрасенъ и величественъ, что едвали можно замѣнить его какимъ либо фантастическимъ. Вулкановы кузнецы, Олимпъ съ богами и сонъ также превосходно представлены. Дѣвица Нобле играетъ Венеру, Монтессю Флору, Жюлія Терпсихору, танцовщикъ Поль Зефира. Декораціи этого балета стоили 180,000 франковъ; но онѣ скоро окупятся;

охотниковъ видѣть выходящую изъ пѣны Венеру такъ много, что, несмотря на безпрерывныя представленія, недостаетъ билетовъ.

ІЮНЬ.

Теперь (лѣтомъ) всѣ гуляютъ въ Ботаническомъ саду, въ Тиволи, въ предмѣстіяхъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Болонскомъ лѣсу и другихъ окрестностяхъ. Все имѣетъ свою прелесть на своемъ только мѣстѣ и въ свое время; лѣтомъ я люблю лучше проводить вечера въ поляхъ Елисейскихъ, нежели въ театрахъ, и слушать лучше романсы Французскіе, нежели серенады бродящихъ пѣвцевъ и пѣвицъ Заальпійскихъ. Эти серенады увлекаютъ подъ роскошное небо Италіи; а я хочу остаться здѣсь, подъ густыми вѣтьвями каштановыхъ деревьевъ, чтобы видѣть передъ собою природу дѣй-

ствительную: Парижанъ и Парижанокъ, купцовъ, чиновниковъ, воиновъ и эту руину Наполеоновой гвардіи,—высокаго, смуглаго и усатаго ветерана. Вотъ онъ открываетъ свои сѣдины, кладетъ фуражку къ ногамъ и густымъ дрожащимъ басомъ начинаетъ пѣть о своихъ походахъ, о битвахъ, о ранахъ и судьбѣ, его постигнувшей; побѣда его оставила; отечество его опровергло; любовь и дружба ему измѣнили; онъ остался безъ крова, безъ пріюта. Таково содержаніе романсовъ одного стараго гренадера, собирающаго вокругъ себя толпы въ поляхъ Елисейскихъ. Не мое дѣло судить, хорошо или худо дѣлаетъ правительство Французское, оставляя безъ призрѣнія всѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ Наполеоновыхъ армій, ветерановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они, по преданности своей къ Наполеону и его фамиліи, не могутъ быть вѣрными королю ни въ какой службѣ: но съ другой стороны нельзя не предвидѣть, что рано или поздно жалобныя ихъ пѣсни найдутъ отголосокъ во многихъ сердцахъ.

ЛОНДОНЪ, 1826 *года Іюля*...

Англійскій таможенный уставъ. Устройство дилижансовъ и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныя начала въ государственномъ управленіи. Монополія помѣщиковъ. Тщеславіе и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чудаками. Направленіе просвѣщенія въ Англіи. Успѣхи въ механическихъ художествахъ. Моды Англійскихъ дамъ, дѣвицъ и мущинъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.

Утомленный и почти измученный впечатлѣніями предметовъ хорошихъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ, пріятныхъ и безобразныхъ, — всего того, что можетъ служить свѣтомъ для ума, образцемъ для вкуса и предостереженіемъ или урокомъ для жизни, — наконецъ я оставилъ Парижъ 2 Іюля, въ особенно веселомъ расположеніи духа. Общество наше въ дилижансѣ примѣтно ладило; и, можетъ быть, именно отъ того, что оно составлено было изъ стихій, отдѣльно одна другой противоборствующихъ. Изъ легкаго,

какъ воздухъ, Француза, изъ холоднаго, какъ вода, Англичанина, изъ тяжелаго сына земли—Нѣмца и изъ пламеннаго, какъ огонь, Русскаго. Мы всѣ отправлялись въ Лондонъ, исключая Нѣмца. „Я не люблю моря“, сказалъ послѣдній, разставаясь съ нами въ Булони; Англичанинъ, перекрестивъ его, прочиталъ протяжно: „Земля еси и въ землю пойдеши.“

Въ *Кале*, до котораго отъ Парижа считается 260 верстъ и 32 почты, мы пріѣхали 3 числа въ 6 часовъ вечера. На другой день, въ 8 часовъ утра, мы отправились на пароходѣ и черезъ $2\frac{1}{2}$ часа были уже въ *Дуврѣ*. Здѣсь съ самаго начала дали мнѣ почувствовать, что я нахожусь въ такой странѣ, гдѣ право ѣсть, пить, читать и даже дышать цѣнится вѣсомъ золота. Лишь только я успѣлъ расплатиться въ гостинницѣ и готовился сѣсть въ дилижансъ, мнѣ подали изъ таможни записку, которою требовалось съ меня около 20 шиллинговъ за право ввоза книгъ, бывшихъ въ моемъ чемоданѣ. Я не имѣлъ нужды въ этихъ книгахъ и предлагалъ оставить ихъ въ таможнѣ до моего

возвращенія изъ Лондона, но мнѣ отвѣчали, что означенная сумма уже внесена въ приходную таможенную книгу. Существуетъ ли въ Англіи законъ навязывать путешественникамъ подобныя права противъ ихъ воли, или штрафовать ихъ за незнаніе Англійскихъ законовъ, не предваряя о ихъ существованіи, — разбирать было поздно; дилижансъ уже стоялъ на дорогѣ.

Отъ Дувра до Лондона считается станцій 10, Англійскихъ миль 71, что́ равняется $106\frac{1}{2}$ нашимъ верстамъ. На счетъ устройства дилижансовъ нельзя не отдать справедливости Англичанамъ: карета покойная и легкая; лошади статныя; сбруя красивая; ѣзда скорая; на перемѣну лошадей употребляется не болѣе двухъ или пяти минутъ. Дорога, не булыжникомъ покрытая и укатываемая экипажами, какъ во Франціи и Германіи, а уже укатанная и гладкая, какъ токъ, идетъ по возвышенностямъ и равнинамъ, по полямъ, отлично воздѣланнымъ, — мимо фермъ, украшенныхъ садами,—черезъ города Кентербури, Рочестеръ и наконецъ по берегу Темзы, одушевленной движеніемъ кораблей, бѣгу-

щихъ въ верхъ и въ низъ на распущенныхъ парусахъ, подъ разноцвѣтными флагами.

Мы пріѣхали въ Лондонъ 5 числа въ 6 часовъ утра, когда правый берегъ Темзы, низкій и ровный еще покрытъ былъ туманами, а весь лѣвый, уже облитый лучами восходящаго солнца, представлялъ пеструю, сплошную и безконечную полосу зданій, простирающуюся отъ запада къ востоку и восходящую отъ рѣки къ сѣверу. Надъ этимъ амфитеатромъ господствуютъ великолѣпный соборъ Святаго Павла, монументъ, крѣпость и около 50 храмовъ съ шпицами, похожими на стрѣлы, устремленныя къ небу.

Устроивъ мою квартиру во Французской гостинницѣ Жонне (de Jaunnay) на Лейчестерской площади (Leicester-square), прежде всего я хотѣлъ ознакомиться съ наружностію Британской столицы и ея жителей. Этотъ бѣглый взглядъ на города въ сущности своей есть только первый актъ полнаго зрѣлища; но, подобно многимъ путешественникамъ, не имѣя средствъ и времени слѣдовать за полнымъ ходомъ драмы, я довольствуюсь однимъ ея началомъ; полагая, что

на театрѣ политическомъ, какъ и во всѣхъ художественныхъ, можно по первымъ сценамъ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе объ общихъ чертахъ главныхъ актеровъ.

Лондонъ можно раздѣлить на пять главныхъ частей, отличающихся между собою наружностію, составомъ и назначеніемъ. Первою изъ нихъ назовемъ самую верхнюю по теченію рѣки, — *Вестминстерскую*. Она состоитъ изъ старыхъ излучистыхъ улицъ, окруженныхъ обширными пустырями, и заключаетъ въ себѣ обѣ камеры парламента, большую часть присутственныхъ мѣстъ и контору для иностранцевъ Alien-office. Вторая, простирающаяся отъ Вестминстерской на сѣверъ и отъ всѣхъ прочихъ на западъ, извѣстна подъ именемъ *Западной* West end. Въ ней находится Сентъ-Джемскій и другіе дворцы, домы посланниковъ, лордовъ и богатыхъ негоціантовъ, театры и модные магазины. Она окружена парками и имѣетъ много площадей съ садами (Squares); расположеніе улицъ довольно правильное. *Улица Регентова* съ превосходною мостовою и широ-

кими тротуарами есть одна изъ первыхъ въ Лондонѣ; а полукруглый поворотъ ея или такъ называемый Quadrant, состоящій изъ 140 огромныхъ литыхъ колоннъ, составляетъ единственную въ своемъ родѣ колоннаду во всей Европѣ. Третья часть города, извѣстная собственно подъ именемъ *City* или городища, простирается отъ Вестминстерской, внизъ по теченію Темзы, до башни или древней Лондонской крѣпости Tower of London. Эту часть можно назвать мѣстомъ складки всѣхъ предметовъ внутренней и внѣшней торговли. Промышленость и дѣятельность купечества кипятъ въ ней съ утра до вечера. Въ знаменитой ея биржѣ, можно сказать, продаются съ молотка всѣ близкія и отдаленныя части свѣта, неисключая и Англіи. Вблизи биржи находятся Англійскій банкъ, всѣ частные банки и магазины. Главнѣйшія улицы Strand, Fleet и другія, проходящія мимо великолѣпнѣйшаго храма Св. Павла, составляютъ непрерывную цѣпь блестящихъ и роскошныхъ лавокъ, на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Четвертая и, по теченію Темзы, самая низкая

часть города вся покрыта лѣсомъ кораблей. Она заключаетъ въ себѣ, на пространствѣ четырехъ миль длины, пристань Лондонскую, бассейны или доки (docks) Вест-Индскій, Лондонскій и Остъ-Индскій, въ которыхъ корабли безпрерывно выгружаются, починиваются и снова нагружаются. Пятая часть *Southwark* и весь южный берегъ Темзы загромождены фабриками желѣзо-плавильными, стеклянными, мыловарными, красильными, шляпными и т. п. Улицы ея грязны; воздухъ зараженъ смрадомъ. Надъ домами носятся вѣчныя облака дыма. Противуположная сей послѣдней, вновь спроющаяся на сѣверъ, есть самая красивая и самая здоровая часть города. Она вся состоитъ изъ квадратовъ, образующихъ родъ шахмата и пересѣкается двумя улицами, идущими во всю длину ея отъ запада къ востоку *Паддингтономъ* и *Оксфортскою*, соединяющеюся съ *Гольборномъ*. Регентовъ циркъ и паркъ вдаются въ нее заливомъ со стороны сѣвера; на приличныхъ разстояніяхъ устроены квадратныя и круглыя скверы или площади съ садами. Сады обыкновенно обнесены же-

лѣзною вызолоченною рѣшеткою и украшены внутри или памятниками или просто статуями. Улицы всѣ правильныя, широкія, съ кирпичными тротуарами; домы выстроены изъ кирпича и некрашеные; кирпичный цвѣтъ съ клѣтчатыми фигурами даетъ имъ видъ Готическій.

Самая большая длина Лондона отъ запада къ востоку простирается на $7\frac{1}{2}$ миль, ширина отъ сѣвера къ югу на 5 миль; въ окружности имѣетъ онъ около 30 миль; а въ площади до 18 квадратныхъ миль, включая въ этотъ счетъ и русло Темзы, занимающей 7 миль въ длину и около $\frac{1}{4}$ мили въ ширину.

По исчисленію г. Лейга (Leigh), автора книги Nouveau tableau de Londres, Лондонъ содержитъ нынѣ 70 скверъ, 8,000 улицъ и переулковъ, 160,000 домовъ, 1,100,000 жителей и около 200,000 гостей иногородныхъ и иностранцевъ (*).

Изъ всѣхъ этихъ цифръ видно, что своимъ пространствомъ Лондонъ не уступаетъ

(*) По вѣдомостямъ 1851 года Лондонъ имѣетъ 174,000 домовъ и 1,474,000 жителей.

даже Москвѣ, — по народонаселенію, превышаетъ болѣе, нежели прежнею, Парижъ,—по движенію торговли, можно назвать его всемірнымъ базаромъ,—гаванью Европы, имѣющею прямыя сношенія со всѣми частями свѣта.

Въ мірѣ политическомъ, какъ и въ нравственномъ, есть два начала: доброе и злое. Въ первомъ скрывается источникъ благоденствія, во второмъ источникъ злополучія народовъ. Первое состоитъ въ строгой, безкорыстной подчиненности; второе въ безусловномъ, мнимомъ равенствѣ или братствѣ. Тамъ, гдѣ есть подчиненность, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безпрерывное звено порядка гражданскаго и личной безопасности или свободы; подчиненный въ одно и тоже время покорствуетъ высшимъ, закономъ поставленнымъ, властямъ и самъ властвуетъ по закону надъ низшими; онъ всегда подъ эгидою однихъ и служитъ щитомъ для другихъ. Тамъ, гдѣ ищутъ мнимаго равенства или братства, недоросли братья, не имѣющіе надъ собою никакой опеки, не имѣютъ и никакого ручательства ни въ своей

собственности, ни въ своей жизни. Они безпрестанно мѣряются между собою силами и никто изъ нихъ не знаетъ, что́ сулитъ имъ завтрешній день: мнимое господство или неволю, цѣпи и эшафотъ.

Англичане держатся обоихъ началъ: безусловная подчиненность на флотѣ дала имъ первенство надъ всѣми народами на моряхъ; равенство правъ произвело въ Англіи вѣчную борьбу между классомъ рабочимъ и хозяевами, между производителями и потребителями.

Преобладаніе силы порождаетъ насиліе. Въ Азіи малое число деспотовъ, недовольствуясь лишеніемъ личныхъ правъ большаго числа ихъ рабовъ, отнимаетъ у нихъ плоть, кровь и кость отъ костей, — ихъ женъ, невѣстъ и дочерей; отъ того на одной сторонѣ гаремы и многоженство, на другой жизнь анахоретская, скитальническая. Въ Англіи нѣсколько тысячъ владѣльцевъ размежевали между собою всѣ земли и урочища, и нѣсколько сотенъ капиталистовъ завладѣли всѣми грудами сокровищъ, оставивъ всѣхъ прочихъ безъ домовъ, безъ недви-

жимой собственности и даже безъ средствъ существованія. Страсть, прихоти и нужда произвели въ Англичанахъ общую, неутомимую жажду къ золоту, замѣнившую у нихъ всѣ благородные порывы чести и доблестей гражданскихъ; золото сдѣлалось для всѣхъ первою потребностію жизни, первымъ шиѳломъ общества, первымъ идоломъ ихъ вѣрованія; всѣ поклонились золотому тельцу.

Изобиліе Англійскихъ богачей почти всегда сопровождается ихъ тщеславіемъ или скупостію. Тщеславіе есть слабость лордовъ, владѣльцевъ помѣстій; они щедрыми руками сыплютъ золото, столь легко добываемое ими отъ отдаваемыхъ въ наемъ полей и угодій. Скупость есть недугъ капиталистовъ, пріобрѣтающихъ сокровища трудами рукъ своихъ или неусыпною работою ума своего. Можетъ быть, ни у одного образованнаго народа нельзя найти такихъ образцевъ скупости, какіе встрѣчаются въ Англіи. Здѣсь не рѣдки случаи, что богачи миліонщики играютъ роль нищихъ во всю жизнь свою, истощая себя голодомъ и холодомъ, единственно для того,

чтобы не имѣть несчастія видѣть початыми свои полные сундуки или чтобы этою ролью отвести отъ себя зоркіе глаза мошенниковъ и воровъ.

Нигдѣ нѣтъ такого множества чудаковъ какъ между Англичанами; но нельзя не примѣтить, что большая часть ихъ странностей происходитъ не столько отъ ихъ флегматическаго сложенія, сколько отъ мѣлочнаго желанія обращать на себя вниманіе другихъ. Когда мнѣ случалось встрѣчать,—а встрѣчи эти не рѣдки на твердой землѣ, и особливо въ Швейцаріи и Италіи,—двухъ идущихъ рядомъ джентлеменовъ, одного въ длинномъ фракѣ съ коротkимъ лифомъ, въ шахматныхъ шароварахъ, и въ низенькой дѣтской шляпкѣ, — другаго въ нарядѣ жокея, въ сапогахъ съ отворотами и въ шляпѣ длинополой, имѣющей по крайней мѣрѣ около аршина въ поперешникѣ; мнѣ всегда приходило на память изрѣченіе Греческаго философа: „Сквозь эти лохмотья ваши я вижу ваше тщеславіе.“

Ходъ просвѣщенія въ Англіи соразмѣряется съ господствующею страстію Англичанъ

къ пріобрѣтеніямъ. У нихъ науки не цѣль духовная, а только средства жизни матеріальной; и отъ того ихъ умственныя способности не достигли ни въ чемъ такого развитія, какъ въ химіи, математикѣ и механикѣ. Химія открыла имъ способы составлять самыя прочныя краски для ихъ издѣлій, замѣнять горючія вещества газами, превращать неблагородные металлы въ благородные. Математика пріучила ихъ умъ къ смѣтливости, гибкости и дальновидности, столь необходимымъ въ коммерческихъ оборотахъ; механика открыла имъ тайну замѣнять тысячи рукъ и часовъ одною машиною и нѣсколькими минутами. Въ механическихъ художествахъ ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ соперничать съ Англичанами. Самыя твердыя вещества таютъ на ихъ машинахъ, какъ воскъ; самыя грубыя становятся нѣжными; наши пенька и ленъ превращаются въ тончайшія полотна и батисты, вешоши въ воздушную бумагу, пепелъ и песокъ въ хрустальное стекло, стекло въ пеньку и ленъ. Я имѣю мотокъ этого льна, похожаго на паутину и блестящаго,

сдѣланнаго при мнѣ въ мастерской г. Фанна (въ Регентовой улицѣ). Самые простые снаряды, — мѣхъ и труба или насосъ, направляютъ огонь почника на стекло, растапливаютъ его въ нѣсколько минутъ и даютъ формы нѣжнѣйшихъ птицъ и растѣній, со всѣми отливами цвѣтовъ, жилокъ и плевъ.

Во Франціи и Россіи самымъ ремесламъ стараются дать назначеніе изящно-художественное, напр. Гобеленевымъ тканямъ: въ Англіи напротивъ изыскиваютъ способы производить живопись и рисованіе посредствомъ машинъ; въ Лондонѣ есть автоматъ-художникъ, весьма вѣрно снимающій абрисы со всякаго лица.

Нигдѣ съ такимъ искусствомъ не поддѣлываютъ зубовъ, глазъ и другихъ потерянныхъ частей тѣла, какъ въ Англіи. Извѣстенъ анекдотъ, какъ одинъ путешественникъ, возвращавшійся изъ Лондона, остановясь въ гостинницѣ и ложась въ постель, приказалъ служителю гостинницы отвинтить ему сперва ногу, потомъ руку и наконецъ, замѣтивъ испугъ служителя и желая надъ нимъ еще болѣе позабавиться,

сказалъ: „Ну! теперь отвинти мнѣ голову;“ и простодушный слуга, принимая его за дьявола и ограждая себя крестомъ, ни живъ ни мертвъ отъ него скрылся.

Англичанки, какъ и всѣ женщины въ Европѣ,—ревностныя жрицы моды; но въ ихъ нарядахъ примѣтно болѣе прихотей, нежели вкуса. Было время, — и оно еще у всѣхъ въ памяти, — когда знатныя дамы въ Англіи носили платье газовое, все прозрачное и сквозное; нынѣ, какъ бы послѣ общей повальной простуды, онѣ всѣ закутались по самую шею въ непроницаемыя, ситцевыя или шелковыя ткани. Прибавьте къ этому длинные ихъ лифы, уродливыя на грудяхъ нашивки, узенькія шляпки съ опущенными по бокамъ полями и въ заключеніе всего этаго мѣдныя и высокія вершка въ два подножки, которыя въ сухую погоду онѣ носятъ въ рукахъ, а въ сырую подвязываютъ къ башмакамъ: вотъ обыкновенный костюмъ Лондонскихъ дамъ средняго класса, а отчасти и высшаго.

Дѣвицъ здѣсь держатъ по крайней мѣрѣ до 16 года въ бѣлыхъ фартукахъ, какіе употребляются у насъ въ пансіонахъ; а съ это-

го времени ихъ одежда почти ни чѣмъ не-отличается отъ одежды замужнихъ, не исключая и нашивныхъ на грудяхъ сосковъ, столь рѣзко противурѣчущихъ цѣломудрію, скромности и приличіямъ ихъ возраста. Одна только уборка волосъ ихъ проста и прелестна; они обыкновенно завиваются въ локоны, разсыпающіеся вокругъ алебастровой шеи.

Въ мужескомъ полѣ надобно отдѣлять негоціянтовъ отъ джентлеменовъ; первые малымъ чѣмъ разнятся отъ прочихъ Европейцевъ, послѣдніе всегда имѣютъ на себѣ или въ себѣ что нибудь особое; ихъ легко можно распознать по огромнымъ въ четверть аршина вышины галстукамъ, по длиннымъ лифамъ кафтановъ, — по выгнутымъ фертикомъ рукамъ, забитымъ въ карманы или, какъ говорятъ у насъ, въ зимнія кварширы,—и особенно по разсѣянной ихъ физіономіи и вѣчно открытому рту.

Хороши или худы костюмы Англичанъ и и Англичанокъ, но они принадлежатъ ихъ народу, согласованы съ ихъ климатомъ и обычаями или по крайней мѣрѣ производятся ихъ изобрѣтательностію. Эта черта не

есть одно слѣдствіе безвкусія, какъ у насъ обыкновенно думаютъ; но, можетъ быть, и плодъ благородной гордости и неуклончиваго характера.

Опрятность Англичанъ, доходящая до щегольства и даже до тщеславія, въ Лондонѣ бросается въ глаза на каждомъ шагу. Она видна въ ихъ платьѣ, въ столѣ, въ убранствѣ домовъ и даже въ содержаніи улицъ. Рубашки и столовое бѣлье перемѣняется ежедневно; комнаты убираются каждое утро; внутри покоевъ и на лѣстницахъ разосланы богатые ковры; двери на улицу изъ дубоваго или краснаго дерева съ мѣдными или бронзовыми ручками; передъ дверьми тротуары въ сырую погоду усыпаны пескомъ; улицы въ жаркіе дни поливаются безпрерывно. Достойно замѣчанія, что въ Лондонѣ, гдѣ считается 174,000 домовъ, во всѣ домы посредствомъ подземныхъ каналовъ проведена вода изъ Темзы и изъ каналовъ и въ каждомъ домѣ, какъ въ кухняхъ, строющихся обыкновенно въ подвалахъ, такъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно, есть краны, дающіе чистую воду.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

Соборъ Св. Павла. Концерты въ соборѣ. Вестминстерское аббатство. Плата въ церквахъ за мѣста. Крѣпость Тауэръ; кровавая башня; Jewel office. Доки для кораблей. Колонна въ память пожара 1666 года: памятники Ватерлоской побѣды. Воксалъ. Военные госпитали въ Гринвичѣ и Чельсѣ.

Здѣшній *Соборъ Св. Павла,* по красотѣ Греческаго стиля, почитается первымъ храмомъ послѣ Римской церкви Св. Петра. Онъ построенъ въ началѣ прошедшаго столѣтія архитекторомъ Христофоромъ Реномъ на мѣстѣ прежняго Готическаго, разрушеннаго пожаромъ въ 1666 году, и простирается въ длину на 500 футовъ, въ ширину на 285, въ вышину на 340. Съ 1790 года внутренность храма украшена многими

памятниками, сооруженными въ честь знаменитыхъ мужей. Примѣчательнѣйшій изъ памятниковъ принадлежитъ адмиралу *Нельсону*. Онъ представленъ въ Турецкой шубѣ, опирающимся на якорь. Съ одной стороны Англія показываетъ его двумъ молодымъ морякамъ; съ другой стоитъ Англійскій левъ; на подножіи начертаны слѣдующіе три слова: *Копенгагенъ, Нилъ, Трафальгаръ*. Во время богослуженія, которое отправляется здѣсь въ 9 часовъ утра и въ 3 часа по полудни, хоры пѣвчихъ привлекаютъ своими концертами множество народа. Въ Маѣ мѣсяцѣ, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, дается въ соборѣ большой концертъ, въ которомъ участвуютъ лучшіе артисты духовные и свѣтскіе, и между прочимъ хоры Вестминстерскаго аббатства и придворные. Сверхъ сего въ Іюнѣ, отъ 6 до 8 тысячъ дѣтей изъ приходскихъ училищъ даютъ вокальный концертъ, въ пользу бѣдныхъ.

Полагаютъ, что древняя церковь Св. Павла и церковь Св. Петра, нынѣ извѣстная подъ именемъ Вестминстерскаго аббатства, были первыя изъ Христіанскихъ хра-

мовъ, воздвигнутыхъ въ Британіи во время владычества Римскаго. Догадка сія подтверждается открытою, при рытіи фундамента нынѣшняго Павловскаго Собора, древнею ризницею или дарохранительницею *Presbyterium*, образующею полукруглое зданіе.

Вестминстерское аббатство многократно строилось, разрушалось и возобновлялось. Нынѣшнею пышностію Готическихъ своихъ украшеній оно обязано зодчему Рену. Это узорчатый каменный шатеръ, прицѣпленный къ двумъ башнямъ и поддерживаемый внутри 48 колоннами изъ сѣраго мрамора и прекраснымъ портикомъ, который Англичане называютъ Соломоновыми вратами. Аббатство имѣетъ много придѣловъ; изъ нихъ примѣчательнѣйшій есть *Генриха VII*. Каменный потолокъ его обремененъ различными изображеніями, стѣны украшены тонкою деревянною рѣзьбою, полъ вымощенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ. Въ этомъ придѣлѣ, назначенномъ исключительно для погребенія королевскихъ фамилій, находятся гробницы Генриха VII, королевы Елисаветы,

Эдуарда V, брата его Ричарда и Маргариты Дюгласъ.

Одинъ изъ придѣловъ посвященъ преимущественно поэтамъ *The Poets' corner*. Между памятниками его занимаетъ первое мѣсто *гробница Шекспирова* съ его изображеніемъ, держащимъ въ рукѣ свитокъ собственныхъ его стиховъ; на подножіи представлены главныя лица его трагедій: Генрихъ V, Ричардъ III и королева Елисавета.

Въ зданіяхъ, принадлежащихъ аббатству, примѣчательна комната, называемая Іерусалимскою *Jerusalem chamber*, въ которой скончался Генрихъ VII. Ему предсказано было, что онъ умретъ въ Іерусалимѣ.

Всѣхъ церквей и каплицъ въ Лондонѣ: Англійскихъ болѣе 100, квакерскихъ 6, около 200 диссидентскихъ и 5 синагогъ.

О Лондонѣ тоже можно сказать, что говорили о древнемъ Римѣ: omnia venalia!.. (все продажно). Мѣста въ церквахъ нанимаются въ годъ и по третямъ, также какъ и въ театрахъ; просто за входъ въ Вестминстерское аббатство платится одинъ шиллингъ и пять пенсовъ; а за входъ въ со-

боръ Св. Павла, въ его библіотеку, въ верхнюю галлерею и колокольню, — всего около 4 шиллинговъ, т. е. около пяти рублей.

Лондонская крѣпость *Тауэръ (Tower of London)* стоитъ на сѣверномъ берегу Темзы, въ самой нижней части города. По тремъ золотымъ медалямъ и другимъ антикамъ, открытымъ при рытіи ея фундамента, нѣкоторые изъ антикваріевъ заключаютъ, что здѣсь была прежде крѣпость Римская. Нынѣшнія стѣны уставлены пушками и обведены рвомъ, но, по вычисленіямъ инженеровъ, онѣ могутъ держаться противъ канонады непріятельской не болѣе четверти часа. Тауэръ имѣетъ тройные ворота; они отворяются и затворяются ежедневно съ большею церемоніею, для которой содержится нарочно довольно значительный штатъ.

Одна изъ здѣшнихъ башенъ называется кровавою the Bloody Tower; полагаютъ, что въ ней умерщвлены малолѣтный Эдуардъ V и братъ его Ричардъ, по повелѣнію дяди и опекуна ихъ герцога Глочестерскаго, завладѣвшаго послѣ ихъ смерти престоломъ.

Jewel office есть небольшая темная комната, въ которой хранится королевская утварь; какъ-то короны, державы, скипетры и пр. Она освѣщается только небольшею люстрою, производящею игру въ алмазахъ и другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ. За входъ въ нее платится около 5 шиллинговъ.

Нѣсколько ниже крѣпости находятся бассейны или доки (docks): *Вестъ-Индскій* для 500 кораблей, *Лондонскій* для 500 и *Остъ-Индскій*, исключительно для судовъ, прибывающихъ изъ Восточной Индіи (*). Товары обыкновенно выгружаются посредствомъ желѣзныхъ блоковъ и переносятся въ близъ лежащіе магазины. Лѣсъ корабельныхъ мачтъ, движеніе машинъ, шумъ и гамъ работниковъ свидѣтельствуютъ о необычайной торговой дѣятельности.

Нѣсколько выше крѣпости, прошивъ Лондонскаго моста, господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ Дорическая колонна *(the Monument)*, сооруженная по проэкту Христофора Рена въ воспоминаніе о пожарѣ, истребившемъ Лондонъ въ 1666 году. Колонна эта почитается высочайшею въ цѣломъ мірѣ;

(*) Въ 1829 году открыты еще Екатерининскіе доки.

потому что она поднимается на 202 фута высоты, между тѣмъ какъ Антонинова въ Римѣ имѣетъ только $172\frac{1}{2}$, а Вандомская въ Парижѣ не болѣе 140 футовъ.

Всѣхъ мостовъ на Темзѣ семь; самый красивый изъ нихъ есть недавно построенный *Ватерлоскій*. Въ память Ватерлоской побѣды сооружена еще въ Регентовой улицѣ церковь Св. Филиппа, съ очень хорошимъ портикомъ, — и воздвигнута въ Гидъ-паркѣ колоссальная бронзовая статуя Геркулеса, посвященная Лондонскими дамами герцогу Веллингтону и его храбрымъ сподвижникамъ. Она имѣетъ 18, а съ пьедесталомъ 36 футовъ высоты и вылита изъ пушекъ, взятыхъ у Французовъ въ сраженіяхъ при Саламанкѣ, Виттаріи, Тулузѣ и Ватерлоо.

Въ *Британскомъ музеѣ* достопримѣчательно собраніе окаменѣлостей и Египетскихъ древностей. Здѣсь же находится Индѣйскій идолъ *Гуламъ*, позолоченный, съ остроконечною шапкою, съ поджатыми ногами.

British Institution и Національная галлерея заключаютъ въ себѣ множество картинъ Италіянской и Голландской школы и весьма

малое число Англійскихъ. Въ одной частной галлереѣ показывается Наполеоновъ портретъ во весь ростъ, въ порфирѣ. Онъ подаренъ былъ Наполеономъ графу Сегюру, а симъ послѣднимъ проданъ въ Англію.

19 Іюля въ день коронаціи Георгія IV былъ праздникъ въ *Воксалѣ*. Посреди сада возвышался храмъ съ открытымъ портикомъ, въ которомъ помѣщался оркестръ. Колонны и другія принадлежности храма унизаны были разноцвѣтными огнями. Надъ куполомъ его находилась корона, — подражаніе той, которая хранится въ Тауэрѣ. Боковыя аллеи сада превращены были въ галлереи съ огненными сводами, коронами, гербами и знаменами. Въ залѣ Воксала даны концертъ и небольшой балетъ, заключенные пѣснію: „Боже, храни Короля.“

Въ *Гринвичѣ* госпиталь матросовъ помѣщается въ великолѣпномъ дворцѣ. Англійскій король Вильгельмъ III спросилъ Петра Великаго, что болѣе понравилось ему въ Англіи. „То, отвѣчалъ Петръ, что дворецъ вашего величества походитъ на госпиталь, а госпиталь на дворецъ.“ Точно тоже можно ска-

*

зать и нынѣ о госпитали Гринвической, въ сравненіи ея съ дворцами Сентъ-Джемскимъ и прочими. Съ террасы, вдоль Темзы, видно множество кораблей и открывается почти весь Лондонъ съ прелестными его окрестностями. Архитектура церкви превосходна. Въ такъ называемой расписной залѣ примѣчательны модель Римскаго корабля, изображеніе Африки со львомъ и статуи адмирала Гове и вице-адмирала Нельсона. Подлѣ самаго города устроенъ обширный паркъ съ обсерваторіею, черезъ которую Англичане проводятъ первый меридіанъ.

Въ *Чельсѣ* есть другой военный госпиталь, In subsidium et levamen emeritorum, senio belloque fractorum (*), какъ сказано въ надписи на фронтонѣ. Устройство больницъ, опрятность въ комнатахъ, порядокъ въ столовыхъ, дисциплина, благочиніе и управленіе въ обѣихъ сихъ госпиталяхъ могутъ служить образцами для всѣхъ подобныхъ заведеній.

(*) Для пристанища и призрѣнія заслуженныхъ воиновъ, удрученныхъ лѣтами и изнуренныхъ войною.

ВЫПИСКА изъ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

Англійскіе Цыгане. Брюссель. Ахенъ; дворецъ Карла Великаго; соборная Министерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кельнъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распятіе Апостола Петра, картина Рубенсова. Взглядъ на Рейнъ. Коблецъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люценское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1813 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1813 года.

Изъ Лондона я выѣхалъ въ дилижансѣ 23 Іюля въ $10\frac{1}{2}$ часовъ утра, а въ Дувръ прибылъ въ $7\frac{3}{4}$ по полудни.

Подлѣ *Рочестера* мы встрѣтили Цыганскій таборъ. Здѣшніе *Цыгане,* также какъ и Русскіе, промышляютъ пляскою, музыкою и ворожбою; бродятъ съ одного мѣста на

другое и живутъ подъ открытымъ небомъ, укрываясь отъ непогоды въ длинныхъ досчатыхъ кибиткахъ или фурахъ, похожихъ на маленькіе домики. Читать и писать они не умѣютъ и говорятъ языкомъ отличнымъ отъ Англійскаго. Полагаютъ, что первое Цыганское семейство прибыло въ Англію изъ Египта.

24 числа въ $12\frac{1}{2}$ часовъ по полудни пароходъ вышелъ въ проливъ Pas de Calais; вѣтеръ постепенно усиливался и качалъ насъ, какъ въ колыбели; волны прыгали черезъ палубу. Въ пристань Кале мы вошли въ 5 часовъ.

Маршрутъ 25 и 26 числа во Франціи и Бельгіи: *Гравелинъ*, *Дюнкирхенъ*, *Фурнъ*, *Остенде*, *Брюгге*, *Гентъ* и *Алостъ*.

27 и 28 пробылъ я въ *Брюсселѣ*. Лучшія зданія здѣсь соборъ, дворецъ, ратуша и театръ. Въ соборѣ есть очень хорошія Гобеленевы картины и рѣзная каѳедра, поддерживаемая Смертію и Архистратигомъ, поражающимъ діавола. Королевская фамилія живетъ въ здѣшнемъ дворцѣ только шесть мѣсяцевъ осеннихъ и зимнихъ, а прочіе шесть прово-

дитъ въ Гагѣ. Противъ дворца въ паркѣ примѣчательна статуя Маріи Магдалины, лежащей на скалѣ и читающей книгу. Въ музеѣ есть хорошая картинная галлерея и минералогическій кабинетъ. Послѣдній недавно обогащенъ превосходнымъ собраніемъ Русскихъ минераловъ, подаренныхъ городу Ея Императорскимъ Высочествомъ, Наслѣдною Принцессою Анною Павловною. Готическое зданіе ратуши отличается высокимъ шпицемъ, составленнымъ изъ башенокъ. Противъ ратуши на той же площади стоитъ старый королевскій домъ съ надписью: A peste, fame belloque libera nos, Maria pacis. Hic votum pacis publicae Elisabet consecravit, т. е. Отъ мора, глада и войны свободи насъ, подательница мира Марія. Сіе зданіе сооружено Елисаветою по обѣту о общественномъ мирѣ.“ На часахъ написано: Patriae sit aurea quaevis, т. е. да будетъ каждый часъ для отечества золотымъ.“ Первый здѣшній кофейный домъ *Mille colonnes*, обыкновенный пріютъ политическихъ выходцевъ изъ Франціи и другихъ странъ, имѣетъ отличное устройство и украшенія.

29 выѣхавъ изъ Брисселя въ 4 часа утра, мы прибыли въ *Ахенъ* (Aix la chapelle) въ $8\frac{1}{2}$ часовъ по полудни.

30 *числа*. Дворецъ, въ которомъ родился Карлъ Великій, обращенъ съ давнихъ временъ въ ратушу. Онъ построенъ былъ на мѣстѣ древней Римской крѣпости, отъ которой еще доселѣ уцѣлѣла одна башня. Въ одной изъ залъ ратуши, бывшей прежде тронною, хранятся портреты всѣхъ посланниковъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ 1748 года.

Соборная церковь, называемая *Минстерскою* (die Münster), первоначально построена еще Карломъ Великимъ и освящена въ 804 году Папою Львомъ III. По словамъ одной современной лѣтописи, при обрядѣ освященія предназначалось быть 365 архіепископамъ и епископамъ; но когда къ полному числу недоставало двухъ, то на ихъ мѣстахъ явились два епископа Тонгрскіе, съ давняго времени умершіе и погребенные въ Маастрихтѣ, которые и оставались, при совершеніи церемоніала, до самаго его окончанія.

Посреди церкви находится гробница Карла Великаго съ надписью: Carolo Magno. Надъ гробницею виситъ огромное паникадило, имѣющее видъ короны изъ серебра и позолоченной мѣди; оно принесено въ даръ Фридрихомъ Великимъ и вмѣщаетъ въ себѣ до 48 свѣчь.

Въ Минстерской церкви хранятся символы Германской имперіи: Евангеліе, мечь Карла Великаго, часть земли, орошенной кровію Великомученика Стефана, нѣсколько другихъ принадлежностей и каменный тронъ, на которомъ садились императоры во время ихъ вѣнчанія.

Здѣсь находятся также части разныхъ мощей и другія рѣдкости, какъ то: черепъ и часть руки Карла Великаго; охотничій его рогъ изъ слоновой кости, обложенной золотомъ, съ надписью много разъ повторенною: Mein! ein! Золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, съ частію животворящаго креста; поясъ Спасителя и вервіе, которымъ онъ привязанъ былъ къ столбу, поясъ Пресвятой Богородицы; часть Ааронової вѣтьви; крупицы манны, посланной

Израильтянамъ въ пустыни и сукно, на которомъ отсѣчена глава Іоанна Крестителя. Всѣ эти святыни хранятся въ роскошно украшенномъ ковчегѣ и показываются народу только черезъ семь лѣтъ. Сія выставка, продолжающаяся 15 дней, въ средніе вѣки привлекала безчисленныя толпы богомольцевъ изъ всей Католической Европы. По свидѣтельству современной лѣтописи, въ 1492 году исчислено было ихъ въ одинъ только день 142,000 и, по окончаніи церемоніи, вынуто было изъ кружекъ въ тотъ день 80,000 золотыхъ флориновъ.

Горячихъ *минеральныхъ источниковъ* въ Ахенѣ шесть; три въ верхней части города и три въ нижней. Одинъ изъ нихъ, выпекающій изъ скалы, внутри такъ называемой Императорской бани, превосходитъ прочіе какъ степенью жара, такъ и количествомъ сѣры.

За городомъ въ предмѣстіи Буршейдѣ (Porcetum, Borcette) есть нѣсколько другихъ источниковъ, которые заключаютъ въ себѣ большое количество углекислаго газа и совсѣмъ не имѣютъ сѣры.

Ахенъ со временъ Карла Великаго былъ вторымъ городомъ Нѣмецкой имперіи: Sedes regni trans Alpes, caput omnium provinciarum et civitatum Galliae. Въ немъ вѣнчались на царство императоры домовъ Саксонскаго, Франконскаго, Швабскаго, Габсбургскаго и Люксембургскаго; но съ 1614 года, когда Спинола изгналъ изъ него всѣ богатыя семейства протестантскія, онъ примѣтно началъ клониться къ паденію, которое вскорѣ довершено было внутренними безпокойствами, — слѣдствіемъ худаго управленія. Нынѣ считается въ немъ менѣе 30,000 жителей, между тѣмъ какъ въ 1367, было 19,826 гражданъ способныхъ къ вооруженію, сверхъ молодыхъ людей неженатыхъ.

Въ политическомъ мірѣ Ахенъ знаменитъ двумя мирными трактатами, заключенными 2 Мая 1668 года между Франціею и Испаніею и 18 Октября 1748 года между Франціею, Англіею и Нидерландами. Здѣсь же въ 1818 году былъ конгрессъ.

31 выѣхавъ изъ Ахена въ 7 часовъ утра, мы прибыли въ *Кёльнъ* въ 3 часа по полудни. На мѣстѣ этого города прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь, обращенный Убі-

ями въ городъ (oppidum Ubiorum) и распространенный при Императорѣ Клавдіѣ военнымъ поселеніемъ, которому онъ далъ прозваніе во имя своей супруги Агриппины, родившейся здѣсь во время похода отца ея Германика. На однихъ воротахъ, оставшихся отъ Римлянъ, видна доселѣ слѣдующая надпись: C. C. A. A. т. е. Colonia. Claudia. Agrippina. Augusta.

Въ средніе вѣки Кёльнъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ городовъ Ганзейскаго союза и могъ выставить до 50,000 ратниковъ. Въ то время находилось въ немъ 69 монастырей, 19 приходскихъ церквей и 49 каплицъ. Причиною упадка его силы и торговли были изувѣрство и необдуманныя распоряженія мѣстныхъ властей. Ими въ 1423 году, въ день Св. Варѳоломея, изгнаны изъ города всѣ Евреи и вскорѣ послѣ того, по случаю безпокойствъ между ткачами, сожжено 1700 станковъ; въ 1618 году изгнано еще до 1400 протестантскихъ семействъ; съ ними удалились изъ города прежняя обширная его промышленость и дѣятельность. Вандалы Французской революціи нанесли Кёльну по-

слѣдній ударъ; ограбивъ сокровища и памятники художествъ, они уничтожили и здѣшній университетъ, противоборствовавшій распространенію ихъ вольнодумства. Въ послѣдствіи, при Французскомъ правительствѣ, многіе монастыри и церкви были совсѣмъ разрушены, а другіе обращены въ магазины и фабрики.

Нынѣ въ Кёльнѣ всѣхъ домовъ считается 7400, всего народонаселенія Католическаго 58,000, но Лютеранъ не болѣе 600, Реформатовъ 700 и Евреевъ 200; шелковыхъ фабрикъ 16, а суконныхъ, составлявшихъ нѣкогда главную отрасль Кельнской промышлености, только 3. Число фабрикъ, на которыхъ выдѣлывается *О де Колонь*, значительно умножается; нынѣ считается ихъ 15, которыя выручаютъ ежегодно болѣе 500 тысячъ франковъ.

Примѣчательнѣйшее зданіе въ Кёльнѣ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ древняго Нѣмецкаго зодчества, есть здѣшній *Соборъ*. Своды его поддерживаются четырьмя рядами столбовъ и каждый рядъ заключаетъ ихъ въ себѣ по 25.

Сверхъ того семь колоннъ въ главномъ олтарѣ, прообразующія, какъ видно изъ надписи, семь столповъ, на которыхъ Премудрость создала себѣ домъ. Спѣны хора украшены великолѣпными шкаными картинами, работанными по рисункамъ Рубенса. По сторонамъ столбовъ уцѣлѣли 12 изваяній Апостоловъ, относимыя также къ числу изящныхъ памятниковъ древней Нѣмецкой скульптуры.

Въ одномъ изъ придѣловъ, за главнымъ олтаремъ, хранятся кости *трехъ Волхвовъ*, приходившихъ на поклоненіе Спасителю въ Виѳлеемѣ. Они были присланы въ даръ Кёльнскому Архіепископу Рейнгольду Фридерикомъ I (изъ дому Гогенштауфенскаго), по взятіи имъ и разрушеніи Милана. Гробница, въ которой они лежали, украшена была драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и 226 камеями Греческими и Римскими. Надпись, означавшая имена Волхвовъ: *Каспара, Мельхіора* и *Валтазара,* состояла изъ рубиновъ; золотыя вѣнцы на трехъ головахъ, каждый вѣсомъ въ 6 ливровъ, также осыпаны были алмазами и рубинами. Всѣ сіи сокровища со многи-

ми другими погибли во время нашествія Французовъ въ 1794 году. Золотые вѣнцы нынѣ замѣнены простымъ вызолоченнымъ металломъ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса, *Распятіе Апостола Петра*, находится въ церкви его имени. Правая рука Апостола уже пригвождена, лѣвую держитъ палачъ; ноги съ нижнею частію креста подняты въ верхъ; правая пригвождена, лѣвую двое держатъ, третій прибиваетъ; глаза обращены черезъ голову; уста полуотверсты; выраженіе лица разительное, страшное. Однимъ словомъ: въ художественномъ отношеніи эта картина есть совершенство, но въ эстетическомъ въ ней не соблюдено ни благородства, ни истины. Цѣль художника безъ сомнѣнія была удивить зрителей преодолѣніемъ трудностей, и онъ подвергся непростительной ошибкѣ, избравъ для удовлетворенія своему тщеславію одно изъ священнѣйшихъ лицъ нашей религіи и обезобразивъ его фантастическимъ положеніемъ. Самое выраженіе боли страдальца противорѣчитъ характеру Ученика Христова, про-

повѣдывавшаго терпѣніе и твердость духа въ страданіяхъ.

1 Августа, н. с. Путешествіе по Рейну требуетъ живописной кисти и поэзіи. Природа поставила здѣсь одну изъ галлерей своихъ прекрасныхъ ландшафтовъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся горные хребты, опоясанные лѣсами. Каждая группа горъ увѣнчана полуразвалившимися стѣнами и башнями древнихъ замковъ. О каждомъ замкѣ сохраняется въ народѣ сказка, перемѣшанная съ былью и небылицами, въ которой играютъ роль феи, гномы, драконы и другія страшилища, — порожденія Нѣмецкой фантазіи.

Въ *Кобленцѣ* и *Майнцѣ* мы останавливались на самое короткое время. Въ первомъ, основанномъ еще Римлянами, къ старой крѣпости пристроены три новые бастіона: *Императора Александра, Короля Французскаго* и *Лорда Веллингтона;* въ послѣднемъ прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь и потомъ построена Друзомъ Германикомъ крѣпость, названная *Magontiacum*. Въ 70 году отъ Рождества Христова поселился въ ней

22-й легіонъ, участвовавшій при завоеваніи и разрушеніи Іерусалима. Съ нимъ прибылъ сюда епископъ Кресценгій, почитаемый первымъ проповѣдникомъ и распространителемъ Христіанской вѣры на берегахъ Рейна.

Въ *Майнцѣ*, въ XIII столѣтіи положено было первое основаніе могущественному и знаменитому союзу, извѣстному подъ именемъ *Ганзы*. Первоначальною его цѣлію было охраненіе торговли по Рейну отъ набѣговъ и грабежей разбойниковъ. Въ этомъ союзѣ, заключенномъ въ 1355 году, приняли участіе болѣе ста городовъ со многими князьями, графами и другими владѣльцами. Соединенными ихъ силами разрушены главные притоны разбойниковъ, эти неприступные висящіе на скалахъ замки, которые воображеніе просвѣщенныхъ населило разными страшилищами и отъ которыхъ нынѣ остались однѣ развалины, одно простое украшеніе Рейнскихъ ландшафтовъ. Первая мысль къ составленію Ганзейскаго союза, въ которомъ столь значительно участвовалъ и нашъ Новгородъ, была подана простымъ гражданиномъ, *Арнольдомъ Вальподеномъ*.

Майнцъ въ XII столѣтіи былъ также главнымъ мѣстопребываніемъ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Minnesänger. Въ XV столѣтіи прославили его изобрѣтатели и усовершенствователи книгопечатанія *Гуттенберѣ, Фаустъ* и *Шефферъ,* Изъ первыхъ опытовъ изобрѣтеннаго ими искусства сохранились въ здѣшней публичной библіотекѣ псалтирь 1459 года, библія 1462, католиконъ (Le Catholicon) 1460 и множество другихъ книгъ тогоже времени.

2—7 Августа. Въ *Франкфуртѣ* прежде всего бросается въ глаза образъ построенія деревянныхъ старинныхъ домовъ. Обыкновенно второй этажъ выдается надъ первымъ, а третій надъ вторымъ въ родѣ балконовъ; самыя стѣны каждаго этажа, по мѣрѣ ихъ возвышенія, расширяются и образуютъ пирамиду, обращенную въ верхъ дномъ или верхомъ въ низъ.

Соборъ здѣшній, въ которомъ избирались императоры Римскіе, принадлежитъ къ памятникамъ древней Нѣмецкой архитектуры. На стѣнахъ разставлены ихъ гербы, покрытые шлемами. Въ *Рёмерѣ* или ратушѣ по-

называется зала, въ которой они короновались. Потолокъ ея низкій, досчатый со сводомъ; передняя стѣна, обращенная къ рынку, косая; такъ что правый уголъ ея выдается далѣе, нежели лѣвый. Около 40 Императорскихъ портретовъ служатъ единственнымъ украшеніемъ этой тронной.

Въ *музеумѣ* есть копіи Рафаелевыхъ ложей и довольно богатое собраніе картинъ старой Нѣмецкой школы. Въ произведеніяхъ послѣдней еще видна печать католицизма; напр. Господь Саваоѳъ представляется въ папской тіарѣ, Іосифъ Аримаѳей въ капуцинскомъ капишонѣ и т. п.

Публичныхъ монументовъ здѣсь нѣтъ, кромѣ воздвигнутаго королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II въ память Гессенцевъ, падшихъ здѣсь на приступѣ въ 1792 году. Этотъ памятникъ состоитъ изъ дикой скалы, на которой лежатъ шлемъ, голова овна и кожа Немейскаго льва, осѣненные щитомъ.

Франкфуртъ былъ обнесенъ старыми стѣнами; Наполеонъ приказалъ ихъ срыть и намѣсто ихъ развести сады съ рощицами,

цвѣтниками и фонтанами. Этотъ родъ садоводства, распространенный Наполеономъ во многихъ Нѣмецкихъ городахъ, доставилъ имъ, кромѣ пріятныхъ гульбищъ, здоровую аттмосферу.

Въ Франкфуртѣ есть еще для гулянья очень красивый островокъ съ садомъ на Майнѣ; а по вечерамъ, раза два въ недѣлю, отворяется *воксалъ*, который находится внутри самаго города. Ворота и большая зала, галлерея и бесѣдки,—все бываетъ унизано плошками и фонарями. Въ углубленіи сада устроена искусственная скала съ водопадомъ и фонтаномъ; надъ скалою горитъ звѣзда. Павильонъ, въ которомъ играютъ музыканты, также украшается разноцвѣтными огнями.

Прочіе вечера очень пріятно можно проводить въ *касино*, гдѣ есть залы для чтенія журналовъ, игорныя и биліардная. Чтобы имѣть свободный входъ въ касино, надобно имѣть рекомендацію одного изъ членовъ. Я былъ представленъ сюда *банкиромъ Гонтаромъ*, простымъ, кроткимъ, добрымъ и самымъ услужливымъ изъ всѣхъ банкировъ,

съ которыми мнѣ случалось имѣть сношенія во время путешествія.

Оставляя Франкфуртъ, я вмѣняю себѣ въ удовольствіе сказать нѣсколько словъ и о здѣшней гостинницѣ *Бѣлаго Лебедя*, zum Weissen Schwanen. Это Аммоновъ (а для гастроновъ мамоновъ) храмъ среди Нѣмецкихъ песчаныхъ степей. По опрятности комнатъ, по расторопности прислуги, по отличному устройству стола и по дешевизнѣ, она можетъ соперничествовать не только съ лучшими Лондонскими и Парижскими, но даже и съ Швейцарскими гостинницами.

Дорога изъ Франкфурта въ Лейпцигъ идетъ чрезъ Ганау, Фульду, Готу, Эрфуртъ и, минуя Веймаръ, чрезъ Наумбургъ и Люценъ. Между Гельнгаузеномъ и Ганау въ 1813 году князь Вреде съ честію выдержалъ нападеніе Наполеоново. Въ *Фульдѣ* примѣчательна церковь Св. Михаила, построенная,— какъ увѣряютъ, — по образцу Іерусалимской. Замокъ *Вартбургъ*, убѣжище Люшера и темница Іонсона, начальника одной изъ масон-

скихъ ложъ Нѣмецкихъ, въ 1817 году 18 Октября былъ мѣстомъ собранія Нѣмецкихъ студентовъ. Онъ стоитъ при Эйзенахѣ на горѣ и окруженъ лѣсомъ. Въ *Наумбургѣ* 28 Іюля бываетъ ежегодно процессія въ память дѣтей, выпросившихъ пощаду городу у Гуситовъ; Коцебу написалъ на этотъ случай трогательную драму. Поле *Люценское,* ровное и только изрѣдка осѣненное деревьями, прославлено двумя генеральными сраженіями, данными здѣсь въ 1632 и въ 1813 году.

Извѣстно, что Густавъ Адольфъ Великій лишился здѣсь жизни. На томъ мѣстѣ, гдѣ было найдено его тѣло, покрытое семью ранами, поставленъ небольшой монументъ. Въ память сраженія 1813 года, называемаго иначе битвою при Гросъ-Гершенѣ, неподалеку отъ этой деревни воздвигнутъ Королемъ Прусскимъ прекрасный желѣзный обелискъ, увѣнчанный знаменіемъ вѣры, крестомъ.

Наполеонъ, какъ извѣстно, себѣ присвоилъ побѣду подъ Люценомъ. Онъ основался на томъ, что союзники отступили отъ Люцена за Эльбу. Французскіе писатели, а

съ ними и нѣкоторые другіе иностранные, повторивъ въ своихъ сочиненіяхъ содержаніе бюллетеней Наполеоновыхъ, не приняли труда изслѣдовать, когда произведено союзниками отступленіе, по какимъ расчетамъ и для какихъ видовъ. Притворство, хвастовство и явная ложь Французскихъ вѣстовщиковъ не стоятъ и опроверженія; довольно замѣтить, что Французы подъ Люценомъ не выиграли ни шагу земли и ни одного орудія, а союзники отняли у нихъ пять пушекъ, завладѣли важною по своему положенію деревнею *Большимъ Гершеномъ* и провели ночь гораздо впереди тѣхъ мѣстъ, откуда они выступили по утру.

Одно изъ самыхъ важныхъ покушеній Наполеона было разорвать и разсѣять наше лѣвое крыло; но и это покушеніе остановлено и уничтожено личными распоряженіями Государя Императора. Его Величество, какъ только замѣтилъ движеніе непріятельскаго корпуса, тотчасъ приказалъ поставить противъ него 40 пушечную батарею и самъ наблюдалъ за дѣйствіемъ этихъ орудій, стоя

подъ градомъ пуль, до тѣхъ поръ, пока непріятель принужденъ былъ отступить.

При столь очевидныхъ преимуществахъ союзниковъ, намъ остается только жалѣть, что планъ битвы, начертанный графомъ Витгенштейномъ, предводительствовавшимъ въ этомъ сраженіи союзными войсками, не во всѣхъ частяхъ былъ выполненъ надлежащимъ образомъ. Главное упущеніе произошло отъ самаго маловажнаго и почти ничтожнаго обстоятельства. Одинъ изъ чиновниковъ главной квартиры Блюхера, ночью наканунѣ сраженія, получивши пакетъ съ распоряженіями главнокомандующаго, въ просонкахъ не читавши бумаги, положилъ ее подъ подушку; а когда проснулся и сталъ читать, то, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что эта бумага заключала диспозицію сраженія и что часъ, назначенный къ выступленію Прусскаго корпуса, давно уже прошелъ. Между тѣмъ Государь Императоръ и Король Прусскій, ночевавъ въ Борнѣ, прибыли часу въ четвертомъ утра въ Пегау и не найдя еще Прусаковъ, принуждены были очень долго ихъ дожидаться; такъ что ар-

мія выстроилась къ нападенію не въ шестомъ часу, какъ слѣдовало по диспозиціи, а уже въ одиннадцатомъ. Обвиняютъ также генерала Винценгероде въ томъ, что онъ не надлежащимъ образомъ употребилъ конницу, раздробивъ ее безъ всякой нужды на части.

Въ планѣ графа Витгенштейна между прочимъ было предположено возобновить сраженіе на другой день; и онъ въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по окончаніи битвы 20 числа, еще не оставляя поля, занялся распоряженіями къ новому нападенію: но когда потребовалъ, чтобы орудія, бывшія въ дѣйствіи, пополнены были артиллерійскими снарядами изъ парка главной арміи; то генералъ, начальствовавшій артиллеріею, отвѣчалъ, что паркъ далеко отсталъ!... (*) Это непредвидѣнное обстоятельство, бывшее единственною причиною отступленія союзниковъ за Эльбу, очень огорчило не только главнокомандующаго, но и самаго

(*) Свѣдѣнія сіи заимствованы изъ *Записокъ о походѣ* 1813 *года*, Генералъ-Маіора М. Данилевскаго.

Императора; тѣмъ болѣе, что преимущества, пріобрѣтенныя союзниками въ сраженіи 20 числа, ручались и за будущіе ихъ успѣхи. Притомъ же Французскія войска уже всѣ введены были въ дѣйствіе; всѣ болѣе или менѣе были разстроены и, какъ въ послѣдствіи открылось, ночью отступили на значительное разстояніе; между тѣмъ какъ союзники, которые провели ночь на полѣ сраженія, имѣли еще свѣжій корпусъ графа Милорадовича. Мы уже не говоримъ о восторгѣ, какимъ одушевлены были въ то время войска союзныя: о довѣренности Русскихъ къ своему полководцу, уже много разъ увѣнчанному лаврами, — и о соревнованіи Прусаковъ, горѣвшихъ желаніемъ искупить цѣною своей жизни честь и свободу своего отечества.

9—10 числа, н. с. Въ *Лейпцигѣ* есть старинная крѣпость *Pleissenburg*, построенная по образцу прежней Миланской; на одной изъ башенъ ея помѣщается обсерваторія. Здѣшній университетъ основанъ еще въ 1409 году, по случаю переселенія сюда многихъ студентовъ изъ Праги. Церковь его, называемая

Paulinum, извѣстна тѣмъ, что въ ней Лютеръ проповѣдывалъ свое ученіе. Изъ прочихъ церквей примѣчательна Св. Николая, украшенная внутри хорошею колоннадою и картинами отличнаго художника *Эзера* (Oeser).

Въ Лейпцигѣ ежегодно бываютъ три ярмонки: въ новый годъ, въ Пасху и въ день Св. Михаила. Иностранныхъ купцевъ, пріѣзжающихъ на ярмонки, — какъ видно изъ особаго изданнаго здѣсь адресъ-календаря,—считается около 1100; въ томъ числѣ однихъ книгопродавцевъ отъ 260 до 290. Съ нѣкотораго времени открыта здѣсь подлѣ университета биржа, исключительно для книжной торговли.

Дорогія издѣлія и всѣ предметы роскоши, въ продолженіе ярмонокъ, помѣщаются преимущественно въ домѣ и на дворѣ *Ауербаха*. Дворъ сей, названный такъ по имени своего зодчаго, врача Ауербахскаго, бываетъ въ то время обыкновеннымъ мѣстомъ собранія высшаго общества.

Память *Геллерта* почтена здѣсь тремя монументами: въ саду университетскомъ,

въ церкви Св. Іоанна и на общемъ кладбищѣ. Сверхъ сего воздвигнутъ емуже и *Сульцеру* памятникъ въ саду Рейха, работы Эзера.

Разныхъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, библіотекъ, ботаническихъ садовъ и кабинетовъ натуральной исторіи, рѣдкостей и художествъ здѣсь столько, сколько достаточно было бы и для обширной столицы.

Для гулянья есть здѣсь бульвары, сады съ рестораціями (садъ *Рейхеля* съ банями). огороды *Кампе* и книгопродавца *Реймера* съ кухнею и очень красивая роща *Розенталь*.

Вотъ и славное поле трехдневной битвы 4, 6 и 7 Октября 1813 года. Въ этой битвѣ званіе главнокомандующаго союзныхъ войскъ носилъ Австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ: но всѣ важнѣйшія распоряженія происходили непосредственно отъ Императора Александра.

Армія непріятельская расположена была около Лейпцига полукружіемъ, по сторонамъ дороги, ведущей въ Дрезденъ; войска союзныя, стоя противъ непріятелей, образовали дру-

гое обширнѣйшее полукружіе. Императоръ Александръ въ первый день сраженія, т. е. 4 числа, находился близъ Госсы, а Наполеонъ у Мейсдорфа; только трехверстное пространство раздѣляло двухъ соперниковъ, пришедшихъ на этихъ равнинахъ рѣшить судьбу царствъ и народовъ.

Русскіе первые начали сраженіе нападеніемъ на Вахау въ 10 часу утра. До полудня обѣ стороны на всѣхъ линіяхъ сражались съ равнымъ упорствомъ, безъ примѣтныхъ преимуществъ; но въ 1 часу сосредоточенные Наполеономъ пѣхотные корпуса маршала Виктора и генерала Лористона, конница подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата и двѣ дивизіи гвардіи съ 150 орудіями высыпали изъ Вахау и, прорвавъ корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго, быстро неслись къ Госсѣ, гдѣ находился Государь. Казалось, Наполеонъ уже держалъ въ своихъ рукахъ побѣду; онъ послалъ въ Лейпцигъ извѣстить о ней короля Саксонскаго и приказалъ звонить въ колокола во всѣхъ церквахъ города.

Государь уже стоялъ подъ непріятельскими выстрѣлами; ядра падали вокругъ его. Князь Шварценбергъ и прочіе генералы упрашивали Его Величество удалиться; но Императоръ въ эти рѣшительныя минуты, сохраняя все свойственное Ему величіе духа и хладнокровіе, — не оставляя мѣста, даетъ слѣдующія приказанія: 1) выдвинуть тяжелую конницу къ разобщенному центру; 2) ротъ артиллеріи подвинуться впередъ и 3) двинуть резервную артиллерію, бывшую подъ командою генерала Сухозанета.

Черезъ двѣ минуты 112 Русскихъ орудій уже стояли въ строю противъ 150 Французскихъ. Двѣ грозныя тучи уперлись одна въ другую; небо дымилось отъ ихъ облаковъ; земля колебалась отъ ихъ молній и грома. Черезъ полтора часа этой ужасной канонады Русскія орудія взяли перевѣсъ; Французскія отступили. Роковой часъ Наполеона пробилъ—и звонъ колоколовъ, возвѣщавшій о его минутномъ торжествѣ въ Лейпцигѣ, превратился въ погребальный.

5-го числа въ продолженіе всего дня былъ проливной дождь. Войска какъ союзныя,

такъ и Французскія стояли подъ ружьемъ, почти безъ всякаго дѣйствія; но съ наступленіемъ ночи послѣднія отступили къ Лейпцигу. 6-го числа новая битва загорѣлась съ ранняго утра. Императоръ Александръ, подвигаясь съ войсками постепенно впередъ, остановился наконецъ на томъ возвышенномъ мѣстѣ у Мейсдорфа, на которомъ пробылъ въ первый день сраженія Наполеонъ. Нѣмцы назвали эту высоту холмомъ монарховъ *Monarchenhügel*.

Лейпцигъ взятъ 7 числа Русскими, съ которыми находился въ то время одинъ только корпусъ Бюлова. Потери, претерпѣнныя Французами въ три дни этой битвы, почти неимовѣрны. Изъ 170,000, бывшихъ на полѣ сраженія, переведено за рѣку Салу только 90,000. Убито 1 маршалъ, 4 генерала, 20,000 нижнихъ чиновъ; ранено два маршала и множество генераловъ, офицеровъ и рядовыхъ. Въ плѣнъ взяты король Саксонскій, два корпусные начальника (*Ренье* и *Лористонъ*), 20 дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ и около 40,000 нижнихъ чиновъ, полагая въ томъ числѣ и 20,000 раненыхъ, находившихся

въ Лейпцигѣ. Со стороны союзниковъ убито и ранено 21 генералъ, 1800 офицеровъ и 45 т. нижнихъ чиновъ; въ томъ числѣ 300 Шведовъ, 8,000 Австрійцевъ, 15,000 Прусаковъ и 22 000 Русскихъ!.. (*) Эти цифры могутъ служить лучшимъ отвѣтомъ на всѣ хвастливыя рѣчи нашихъ сосѣдей Нѣмцевъ, приписывающихъ все себѣ и отнимающихъ все у Русскихъ въ великомъ подвигѣ возстановленія царствъ и народовъ Европы. Добрые Нѣмцы, лежавшіе ницъ передъ Наполеономъ и поднятые на ноги Русскими, не шутя готовы увѣрять всѣхъ и каждаго, что они сами встали, а что̀ всего забавнѣе, будто бы и сама Россія одному только ихъ возстанію обязана своимъ спасеніемъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Отъ чего происходитъ такое непомѣрное хвастовство?—Отъ того, что всякой долгъ тяжелъ, а долгъ признательности есть самый тяжелый, который можетъ быть выполненъ только людьми съ великою душою.

(*) Подробности этой знаменитой битвы, названной Нѣмцами битвою народовъ, *Völkerschlacht*, превосходно изложены въ *Запискахъ о походѣ* 1813 *года*, Генералъ-Маіора М. Даниловскаго.

ДРЕЗДЕНЪ, $\frac{31\text{ Іюля.}}{12\text{ Августа.}}$

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерея.

Съ Мейссенской дороги Дрезденъ показывается во всемъ своемъ блескѣ. Рѣка Эльба съ бѣгущими судами, длинный мостъ съ арками, Католическая церковь, дворцовая башня, садъ и терраса Брюлева, церкви Пресвятой Богородицы и Св. Креста—все это представляетъ картину самую прелестную.

Внутренность города довольно соотвѣтствуетъ пышной его наружности. Улицы широки, чисты и вымощены тротуарами; домы очень опрятны, выстроены въ линію,

съ пятью или шестью этажами, и выкрашены сѣрою, желтою и зеленою краскою. Посреди города, который почти весь на лѣвомъ берегу Эльбы, есть очень хорошая площадь, называемая новою, и другая площадь Вицилліева, загроможденная рынками.

На новой площади стоитъ *церковь Пресвятой Богородицы* съ колоннами и башенками; внутренность ея круглая съ двумя рядами ложъ; олтарь, представляющій моленіе Іисуса, есть твореніе скульптора Фейга.

Придворная церковь Св. Софіи есть памятникъ древности; она ничего не заключаетъ въ себѣ достопримѣчательнаго, кромѣ портретовъ Лютеранскихъ проповѣдниковъ, которые выставлены по всѣмъ сторонамъ вмѣсто иконъ. Какое смѣшеніе предразсудковъ! Лютеране почитаютъ за грѣхъ украсить храмъ изображеніями Апостоловъ и мучениковъ, утвердившихъ вѣру, изображеніями Богородицы и страстей Христовыхъ; и между тѣмъ выставляютъ портреты такихъ людей, которые прославились не столько строгостію жизни и святостію, сколько краснорѣчіемъ или Богословскими прѣніями

противъ Католиковъ. Кромѣ сихъ двухъ протестантскихъ церквей есть еще двѣ: *Св. Креста* съ высокою башнею и *Св. Анны;* но самая великолѣпная церковь въ Дрезденѣ есть *Католическая*. Снаружи она украшена колоннами и множествомъ статуй, изваянныхъ изъ фарфора; внутри, кромѣ многихъ фресковъ, достойны примѣчанія запрестольная картина Менгсова, представляющая Вознесеніе Господне, и огромный органъ, устроенный Зильберманомъ. Къ этому присоединяются два оркестра инструментальной и голосовой музыки. Въ праздники и въ дни воскресные присутствуетъ здѣсь вся королевская фамилія. Извѣстно, что Саксонцы почти всѣ исповѣдуютъ вѣру протестантскую, а король и дворъ католическую.

Въ Дрезденѣ столько собрано рѣдкостей, сколько едва ли разсыпано въ цѣлой Германіи. Я начну краткій мой отчетъ объ нихъ съ *Палаты королевскихъ сокровищъ*. Первая зала заключаетъ статуи и группы, сдѣланныя изъ бронзы въ маломъ видѣ; во второй разставлены статуи и группы костяныя, изваянныя Дрезденскими художниками. Въ третьей

выкованные изъ серебра и золота вазы, стаканы, ложки и блюда; въ четвертой и пятой множество издѣлій изъ минераловъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Между прочимъ достопримѣчательны разные портреты мозаическіе, и одинъ превосходный *портретъ Петра Великаго,* писанный на эмали. Шестая зала наполнена королевскими утварями, и можно сказать, единственными по великолѣпію и пышности. Короны, скипетры, мечи и трости не осыпаны, но обременены драгоцѣнными камнями. Цѣлые кресты, звѣзды и эполеты бриліантовые, сафирные, рубиновые; алмазъ желтый и алмазъ зеленый, можетъ быть, единственные въ своемъ родѣ. Великій Моголъ на тронѣ подъ балдахиномъ; процессія Индѣйцевъ, которые идутъ въ шатеръ, несутъ сокровища и падаютъ ницъ на ступени лѣстницы, — все это превосходно. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны залы, вездѣ видятъ драгоцѣнности и наконецъ ощущаютъ утомленіе отъ перелива воды и разноцвѣтныхъ огней, играющихъ въ камняхъ. Директоръ, который показывалъ намъ эти сокро-

вища, постепенно приходилъ въ восторгъ; въ тонѣ его примѣтно было тщеславіе; и, кажется, всякой разъ онъ хотѣлъ намъ сказать: Кто счастливѣе моего короля въ цѣломъ мірѣ?... Въ самомъ дѣлѣ это сокровища Моголовы или Крезовы; но, къ несчастію, и участь новаго Креза нѣсколько была похожа на участь древняго. Извѣстна исторія Фридриха Августа, взятаго въ плѣнъ союзными войсками во время Лейпцигскаго сраженія.

Палата Японская заключаетъ сокровища другаго рода. Въ десяти залахъ разставлены антики Египетскіе, Греческіе и Римскіе. Между ними досгойны примѣчанія нѣсколько бюстовъ съ мраморными головами и съ алебастровыми цвѣтными тогами; два аплена и двѣ Венеры, вырытые въ Геркуланѣ. Аплеты, такъ какъ и два борца изъ невольниковъ, предсгавлены въ одинакомъ положеніи и вѣроятно имѣли одно назначеніе; т. е. они стояли или въ какомъ нибудь амфитеатрѣ или стерегли входъ чертоговъ какого нибудь вельможи.

Палата Японская получила названіе свое отъ весьма рѣдкаго собранія фарфоровъ, вывезенныхъ Голландцами изъ Японіи для Августа II, курфирста Саксонскаго и короля Польскаго. Здѣсь есть множество большихъ вазъ, похожихъ формою на Этрусскія; статуи, группы, птицы и четвероногія. Одна зала наполнена также фарфорами *Китайскими*; какъ то вазами, тарелками, чайными чашками и блюдцами, которыя вѣроятно служили сперва моделью Саксонской фабрикѣ, а потомъ распространились и въ другихъ частяхъ Европы. Есть чайники, обвитые розовыми или другими цвѣтами, очень искусно сдѣланными изъ фарфора; есть также чайники въ видѣ птицъ и другихъ животныхъ. Многіе украшены позолотою и тонкими узорами; краска какъ на Японскихъ, такъ и на Китайскихъ фарфорахъ, по большой части синяя; фигуры человѣческія на первыхъ представлены лучше, нежели на послѣднихъ; ландшафты довольно хороши на обоихъ. Такъ работали Японцы и Китайцы за сто лѣтъ передъ симъ; но такъ точно они работаютъ и теперь. Живопись и

ваяніе ихъ остановились на одной степени, и, кажется, долго еще останутся недвижимыми. Китайцы и Японцы суть Египтяне нашего времени; можетъ быть, когда нибудь и они примутъ Европейскій вкусъ въ свои произведенія и будутъ его уродовать своею фантазіею.

Дрезденскіе фарфоры, расположенные по времени, показываютъ быстрый ходъ въ усовершенствованіи формъ и ваянія; со всѣмъ тѣмъ еще примѣтенъ большой промежутокъ между ними и Севрскими фарфорами, и особливо въ отношеніи живописи. Въ числѣ послѣднихъ достопримѣчательны здѣсь три большія вазы, изъ которыхъ одна представляетъ въ золотомъ барельефѣ торжество Александра Македонскаго, другая Наполеона подлѣ раненаго солдата послѣ Ваграмской битвы, третья встрѣчу Наполеона съ раненымъ Австрійскимъ или Русскимъ воиномъ, передъ которымъ онъ снялъ шляпу и сказалъ: „Honneur au courage malheureux!“ (Почтеніе злополучной доблести).

Въ числѣ рѣдкостей показываютъ въ Японской палатѣ ковры Японцевъ, сдѣлан-

ные изъ яркихъ разноцвѣтныхъ перьевъ, и ковры тканые въ Голландіи по рисункамъ Рафаелевымъ. Сіи послѣдніе представляютъ предметы изъ исторіи Новаго Завѣта. Оригиналы ихъ находятся въ Англіи.

Здѣшняя *Картинная галлерея* открывается ежедневно для публики въ девять часовъ и запирается въ двѣнадцать. Мущины и женщины — артисты въ это время громоздятся на подмостки, малюютъ изящныя произведенія великихъ художниковъ и выводятъ изъ терпѣнія посѣтителей, заслоняя имъ свѣтъ и линію зрѣнія. Въ числѣ 1300 картинъ, которыя разставлены въ сей галлереѣ, находится собраніе ста самыхъ лучшихъ произведеній Италіянской школы, купленныхъ у Моденскаго Герцога. Почетное мѣсто въ этомъ собраніи принадлежитъ *Ночи Корреджіевой*. Младенецъ Іисусъ божественнымъ свѣтомъ озаряетъ лице держащей его Св. Дѣвы, двухъ пастуховъ, женщину и группу Ангеловъ, остановившихся съ изумленіемъ вокругъ капителей колоннъ. Съ перваго раза я не могъ понять сего ве-

ликаго твореніл; улыбка пастуховъ и женщины показалась мнѣ нѣсколько грубою. Но эта улыбка есть выраженіе простосердечнаго (naif) удивленія.

Амуръ Менгсовъ есть твореніе самой Граціи. Въ лѣвой рукѣ держитъ онъ оселокъ; правою пробуетъ выточенную стрѣлу, прислонивъ остріе къ мышцѣ: въ глазахъ, поднятыхъ въ верхъ, видны какое-то болѣзненное чувство, томность и сладострастіе.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА (*).

Въ продолженіе недѣли, я приходилъ смотрѣть на нее каждое утро и каждый разъ усердно молился, чтобы Господь Богъ послалъ мнѣ твердую вѣру и младенческое сердце, способное принять благодать видѣнія.

И молитва недостойнаго услышана... Шаперъ небесный расторгся; таинственный,

(*) Въ одно изъ моихъ посѣщеній Дрезденской галлереи, я съ полчаса смотрѣлъ на голову младенца—Спасителя; и вдругъ мнѣ живо представилось, что одинъ изъ его локоновъ поднялся какъ бы отъ дуновенія вѣтра и опять опустился. Я объяснялъ это явленіе или обольщеніемъ взора, ослабѣвшаго отъ излишняго напряженія, или дѣйствіемъ свѣта, измѣнившагося, можетъ быть, отъ легкаго облака; со всѣмъ тѣмъ, какъ явленіе въ первый разъ мною испытанное, оно произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ вижу эту одушевленную Божественную голову.

невечерній свѣтъ разлился до предѣловъ земли. Идущая по высотамъ, Божія Матерь спокойно и непримѣтно приближается; на рукахъ Ея сѣдитъ, съ величіемъ Вседержителя, предвѣчный Младенецъ; за нею изъ глубокой синевы неба слѣдуютъ легіоны Серафимовъ: впереди, срѣтаютъ Ее колѣнопреклоненный Св. Сикстъ и Великая Мученица Варвара.—Быстрый, молніеносный взоръ Бога — Младенца проникъ въ мою внутреннюю и обнялъ всѣ мои помыслы. Я содрогся и съ признаніемъ своего ничтожества палъ передъ нимъ. Побѣдиши, внегда судити ти!..

Пресвятая Дѣва! Будь Ты моимъ заступленіемъ.—Нужно ли Ему мое славословіе? Исполни меня такими же свѣтлыми мыслями, какія возноситъ къ тебѣ сей задумчивый младенецъ—Ангелъ.—Нужна ли молитва моя? Дай мнѣ источникъ такихъ же жаркихъ слезъ, какія проливаетъ сей святой Старецъ. Созижди во мнѣ сердце чистое, чтобы Твой Всемогущій Сынъ не отринулъ меня отъ лица Своего въ страшный день судный.

Но шаперъ горній закрылся. Я стою опять на землѣ, съ однимъ воспоминаніемъ объ очаровательномъ раѣ небесномъ. Передо мною остался одинъ изъ Ангеловъ, съ устремленнымъ на меня испытующимъ взоромъ; имя ему *Рафаилъ*. Онъ какъ бы говоритъ мнѣ:„ Иди съ миромъ; ты видѣлъ тайну недоступную бреннымъ очамъ, но открытую на одно мгновеніе душѣ твоей, для того, чтобы она на землѣ знала о небѣ.“

БАСТАЙ $\frac{7}{19}$ *Августа.*

Въ деревнѣ Лаумѣ я взялъ съ собою проводника, а наемную коляску отпустилъ прямо въ *Бастай*. По каменной лѣстницѣ, изсѣченной въ скалѣ, мы спустились въ оврагъ, называемый Walter-grund. Высокіе утесы поднялись надъ нами съ обѣихъ сторонъ, какъ два ряда каменныхъ домовъ. Одни изъ нихъ голые и дикіе, другіе покрыты деревьями; одни стоятъ въ отвѣсной линіи, другіе повисли надъ водомоиною, которая во время полой воды и сильныхъ дождей, не омываетъ, но роетъ ихъ подошву. Съ самаго начала привлекла мое вниманіе одна надпись, изображенная на срединѣ высокой скалы чоткими буквами: Auerswald und Scherwig 1811 31 mai. Ауэрсвальдъ былъ форстмей-

стеръ; хотѣлъ оставить потомству свое имя и во многихъ мѣстахъ писалъ его, спускаясь по канатамъ въ самыя бездны. Такъ сильно тщеславіе человѣческое!

Нѣсколько далѣе изображенъ на камнѣ черный крестъ и имя несчастнаго Каспера Циглера, который въ 1806 году 16 Декабря упалъ здѣсь съ вершины скалы и разшибся. Ряды утесовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходятся такъ близко, что боками своими почти касаются одни другихъ. Въ одномъ изъ такихъ ущелій увязъ огромный камень, сорвавшійся съ вершины, и образовалъ такъ называемыя ворота долины Вальтеровой (Thoor in Walter-grund). За воротами слѣдуетъ каменный домъ (Stein-haus), котораго вершина очень походитъ на крышу дома. Большая часть утесовъ имѣютъ свои особенныя имена, которыя они получаютъ или отъ сходства съ извѣстными предметами или отъ затѣйливаго воображенія здѣшнихъ старожиловъ. Самый достопримѣчательный утесъ въ этой долинѣ—*Чертова кухня*. Надобно согнуться дугою, чтобъ пролезть въ нее сквозь узкое окно; но внутри она

имѣетъ видъ полукружія, открытаго съ верху и съ боку.

Съ *долиною Вальтеровою* соединяется другая долина или другой оврагъ, называемый Schorn-grund, которые оба вмѣстѣ образуютъ третій оврагъ Otto walter-grund. Мы поворотили влѣво, т. е. въ Schorn-grund. Вода оставила здѣсь страшные слѣды своего свирѣпства; многіе изъ утесовъ упали; многіе пробиты, просверлены. Одна изъ горъ раздѣлилась на пять частей по числу слоевъ, изъ которыхъ она составлена, и которые получили видъ пяти обелисковъ. Здѣсь находится другой черный крестъ, начертанный на скалѣ и имя Августа Геблера, упавшаго здѣсь въ 1692 году 25 Генваря.

Вышедши изъ оврага, мы встрѣтили тѣнистую рощицу и поляну, засѣянную пшеницей. Подлѣ дороги стоитъ каменный столъ съ скамейками, на которомъ часто обѣдалъ, какъ говорятъ, Августъ II. Черезъ нѣсколько минутъ показался *Бастай*.

Собственно этимъ именемъ называется утесъ, отдѣлившійся на нѣсколько футовъ отъ горы и повисшій двумя или тремя са-

женями на воздухѣ. Вершина его обнесена желѣзными перилами и вымощена плитами, которые закрываютъ и самую разсѣлину. Съ этого каменнаго балкона, устроеннаго природою, представляется видъ обширный, великолѣпный, разнообразный. Голова кружится и теряется въ круженіи, когда смотришь на пропасть, разверзающуюся подъ ногами на тысячу футовъ. При самой подошвѣ горы течетъ рѣка Эльба, покрытая лодками и стругами. Встрѣчая со стороны Бастая безпрерывно ряды утесовъ, она безпрестанно уклоняется влѣво; и образуетъ дугу или полукружіе. За Эльбою простирается лугъ съ холмиками, рощами и деревнями. Вдали видны горы и скалы, составляющія *Саксонскую Швейцарію.*

Во всей этой картинѣ ничего нѣтъ общаго съ видами Альпійскими; она имѣетъ нѣчто свое, особенное, какъ бы сотворенная художникомъ другой школы. Наиболѣе замѣчательно образованіе многихъ горъ, разсѣлинныхъ на пространствѣ долинъ. Здѣсь не видно ни цѣпей, ни хребтовъ. Каждая гора поднимается отдѣльно въ видѣ кургана и

каждая увѣнчана скалами, какъ бы зубчатою короною. Прежде всего останавливается взоръ на *Кенигштейнѣ*, занимающемъ правую сторону на первомъ планѣ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: изъ горы, покрытой зеленью и поднимающейся въ видѣ кургана или пирамиды; изъ скалъ, параллельно стоящихъ на вершинѣ горы, и изъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами и башнями, висящими на скалахъ. Такимъ образомъ Кенигштейнъ (т. е. Королевскій камень) имѣетъ сходство съ королевскою короною, съ папскою тіарою или съ вѣнцемъ Цибеллы. Крѣпость эта почитается неприступною; потому что утесы, на которыхъ она построена, возвышаются надъ поверхностію Эльбы на 950 оновъ или на 1187 аршинъ. Достоинъ примѣчанія въ ней колодезь, имѣющій 586 оновъ глубины и наполненный всегда водою чистою, свѣтлою и здоровою. Непріятелю нѣтъ никакихъ средствъ ни перерыть, ни завалить его; отъ того что никакое ядро не въ состояніи достигнуть до этой чрезвычайной высоты.

По лѣвую сторону отъ Кенигштейна стоитъ *Лилiенштейнъ*. Эта гора совершенно

похожа на первую и какъ бы нарочно поставлена для симметріи съ нею. Между ними видна третья, называемая *Фалкенштейнъ*. Она стоитъ на второмъ планѣ и также увѣнчана скалами. Нѣсколько далѣе тянутся цѣпи большаго и малаго Вертемберга, снѣговыхъ (Шнейбергъ) и другихъ горъ Саксонской Швейцаріи.

Подлѣ самаго Бастая, по лѣвую отъ него сторону, есть огромный и какъ бы бездонный оврагъ, окруженный утесами дикаго цвѣта. Почти всѣ они имѣютъ видъ домовъ или башенъ, простирающихся въ глубину на тысячу футовъ. Камни, изъ которыхъ они построены, по большой части квадратные; а фасадъ и бока параллельные, и какъ бы съ намѣреніемъ обсѣченные по отвѣсу руками художниковъ. Такого роду формы легко могли служить первоначальнымъ образцемъ зодчества, если оно когда либо подражало природѣ.

Одинъ изъ этихъ утесовъ выдается въ самый оврагъ; каменныя ступени, изсѣченныя по бокамъ его, ведутъ на самую крышу

или вершину. Я стоялъ одинъ посреди этихъ ужасныхъ зданій; глубокая тишина царствовала вокругъ меня; чувство благоговѣнія наполняло постепенно мою душу. Не помню, о чемъ я думалъ въ эти минуты и о комъ вопрошалъ эти скалы; но гармоническая музыка, раздавшаяся на высотѣ Бастая, вывела меня изъ задумчивости. Мнѣ казалось, что это былъ хоръ Ангеловъ Гайденовыхъ, пѣвшихъ въ умиленіи: „Хвалите его горы и холмы! Te saxa loquuntur!“

ДРЕЗДЕНЪ, $\frac{8}{20}$ *Августа.*

Брюлевъ бельведеръ или терраса. Мѣдная Голгоѳа на мосту. Памятникъ генералу Моро.

Дрезденъ обязанъ многими своими украшеніями князю Н. Г. Репнину, который послѣ войны 1813 года оставался здѣсь въ званіи военнаго губернатора Саксоніи. Бельведеръ Брюля, лежащій на лѣвомъ берегу Эльбы, получилъ съ того времени совсѣмъ новый видъ. Каменная огромная лѣстница, состоящая изъ сорока широкихъ ступеней, ведетъ въ бульваръ, осѣненный липами, пересѣкаемый дорожками и раздѣленный нѣсколькими уступами. Подъ тѣнью деревьевъ, составляющихъ ротонду бельведера и передъ

кофейнымъ домомъ разставлены столы и стулья для гуляющихъ, которые приходятъ сюда передъ захожденіемъ солнца попопляшь въ чашахъ дневныя заботы или наслаждаться зрѣлищемъ великолѣпнѣйшихъ картинъ вечера. Отсюда видны часть Католической церкви,—длинный мостъ, лежащій на 10 аркахъ,—нѣсколько узорчатыхъ садовъ, — зеленые холмы,—разрисованные огнями небеса и опускающееся со всею пышностію своею за высокіе тополи, вечернее солнце.

Надъ двумя главными арками моста, которые взорваны были Французами во время отступленія и вскорѣ послѣ того возобновлены, по повелѣнію Императора Александра, сооруженъ очень хорошій памятникъ. Онъ состоитъ изъ мѣднаго утеса или Голгоѳы, на которой лежитъ золотой шаръ и водруженъ крестъ съ распятіемъ Спасителя. Изъ надписи его, начертанной золотыми буквами, вы узнаѣте здѣсь слѣды народа, все разрушающаго и пареніе Ангела благости, возобновляющаго все разрушенное:

„Galli dejecerunt mart. XXVII. MDCCCXIII;
„Alexander I restituit die natali XXIV decem.
MDCCCXIII.“

Галлы разрушили Марта 27, 1813;
Александръ I возстановилъ, въ день своего рожденія, 24 Декабря 1813.

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города, на возвышенномъ мѣстѣ, стоитъ жертвенникъ или надгробный камень, осѣненный тремя липами. На немъ лежитъ мечь, обвитый лавромъ и накрытый мѣднымъ шлемомъ. На камнѣ начертана слѣдующая надпись: „Моро палъ здѣсь подлѣ Александра 27 Августа 1813 года; Moreau der held fiel hier an der seite Alexanders den XXVII August. MDCCCXIII. Какія воспоминанія!..

Съ этаго мѣста видно все поле, на которомъ происходило сраженіе, и весь городъ со всѣми его окрестностями. Моро былъ пораженъ ядромъ подлѣ Австрійской батареи, въ самое то время, когда упрашивалъ

Императора Александра удалиться отъ этого опаснаго мѣста. Ядро оторвало правую ногу Моро, пролетѣло сквозь лошадь, вырвало лѣвую икру и повредило колѣно. Едва онъ опомнился, произнесъ слѣдующія слова: „Я погибаю; но какъ пріятно умирать „за правое дѣло и въ глазахъ столь Велика„го Монарха!“

Проводникъ мой указалъ мнѣ лугъ, на которомъ были устроены Французскія батареи. Онъ упитанъ кровію неустрашимыхъ; на ихъ могилахъ волнуется жатва и земледѣлецъ проводитъ плугъ свой въ миръ.

БЕРЛИНЪ, 1826 *года, Августа....*

Части города. Разряды жителей. Королевскій замокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичные памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергѣ. Рыбачій праздникъ въ Стралау.

Прямая и кратчайшая дорога изъ Дрездена въ Берлинъ идетъ черезъ города и станціи: *Гроссенгайнъ*, *Эльстервердъ* (гдѣ Прусская таможня), *Добрилугъ*, *Соннепвальдъ*, *Лукау*, *Гольсенъ*, *Баруть* и *Миттенвальдъ*. Только на двухъ или на трехъ станціяхъ есть шоссе; на всѣхъ прочихъ глубокіе пески, кочки,

лѣсъ, пни, колоды и даже цѣлое большое озеро, черезъ которое надобно переправляться въ бродъ. Въ дорогѣ мы пробыли ровно 33 часа, хотя всего считается въ ней только 23 мили.

Берлинъ расположенъ по берегамъ рѣки Спре, раздѣляющейся здѣсь на нѣсколько рукавовъ и каналовъ. Онъ обведенъ стѣною и имѣетъ въ окружности неболѣе 14 верстъ; но внутри заключаетъ пять особыхъ городовъ или частей, называемыхъ городами, какъ то: I, собственно *Берлинъ*, II, *Кёльнъ*, старый и новый, *III, Фридрихъ-Вердеръ, IV Нейштадтъ* (Dorothéestadt) и *V*, *Фридрихштадтъ*. Къ первому, отдѣляющемуся отъ прочихъ рѣкою, прилегаютъ три предмѣстія: Королевское, Спандауское и Стралавское; ко второму одно, называемое городкомъ Луизы Louisenstadt. Всѣ сіи части, по полицейскому управленію, раздѣляются на 24 округа, заключающіе въ себѣ 153 улицы, 91 переулокъ, 22 площади и рынка, 34 моста, 27 церквей и болѣе 7000 домовъ.

Жителей въ Берлинѣ безъ гарнизона въ 1810 году считалось 155,070, а въ 1821 году

178,800 (*). Они дѣлятся на пять классовъ: I) всѣ лица, пользующіяся высшими правами и состоящія въ вѣдѣніи Верхней юстицъ-палаты; II) граждане Нѣмецкаго происхожденія, занимающіеся торговлею и ремеслами и подчиненные градскому Королевскому суду; III) колонія Французская; IV) колонія Богемская; и V) Евреи, которымъ дано право покупать землю, строить домы и заводить фабрики. Ими населено здѣсь нѣсколько улицъ.

Огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее зданіе въ Кёльнѣ, на самомъ берегу рѣки, есть *Королевскій замокъ*, построенный по проекту знаменитаго художника Шлюпера. Онъ имѣетъ въ длину 61 сажень и 3 фута, въ ширину 39 саженъ и 3 фута и въ вышину 14 саж. и 3 фута. Съ одной стороны его находится родъ рынка и гостинаго двора, съ другой парадная площадь или королевскій садъ (der Lustgarten) съ каштановыми и тополевыми аллеями.

(*) По вѣдомостямъ 1852 года въ Берлинѣ считалось уже 230,000 жителей.

Отъ этой площади черезъ новый городъ или Нейштадтъ, до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ простирается извѣстная Липовая улица: *Unter den Linden*, осѣненная шестью рядами высокихъ и густыхъ липъ, съ двумя по сторонамъ мосповыми для ѣзды въ экипажахъ. Улица эта украшена многими хорошими зданіями; примѣчательнѣйшія изъ нихъ при самомъ входѣ въ нее съ правой стороны: арсеналъ, университетъ и академія наукъ и художествъ; съ лѣвой: Королевскій дворецъ, опера и библіотека съ надписью на фронтонѣ: Nutrimentum spiritus (пища духовная).

Бранденбургскія ворота, ведущія въ паркъ, построены г. Лангансомъ въ 1790 году, по образцу Аѳинскаго Пропилея. Они состоятъ изъ 12 большихъ и 18 малыхъ колоннъ, съ пятью отверстіями. На воротахъ представлена Слава въ торжественной колесницѣ, везомой четырьмя конями; она похищена была Наполеономъ въ 1806 году и, по завоеваніи союзными войсками Парижа, въ 1816 возвращена на прежнее свое мѣсто.

Конная колоссальная *статуя* великаго *курфирста Фридриха*, вылитая въ 1703 году и стоящая на Большомъ мосту, соединяющемъ Берлинъ съ Кёльномъ, почитается однимъ изъ изящнѣйшихъ произведеній Шлюшера и ваятельнаго искусства. На *Вильгельмовой площади* также поставлено пять мраморныхъ изваяній пяти генераловъ семилѣтней войны: *Шверина, Сейдлица, Кейта, Винтерфельда* и *Циттена*, работы художника *Шадова*. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ новое произведеніе Рауха, бронзовая статуя генерала *Блюхера*, поставленная только въ прошедшемъ мѣсяцѣ Іюнѣ, въ Липовой улицѣ, подлѣ Королевскаго дворца. Герой, представленный въ гусарскомъ костюмѣ, вынимаетъ изъ ноженъ мечь за свободу отечества и лице его дышетъ благороднымъ негодованіемъ.

Въ Королевскомъ предмѣстіи есть еще площадь и улица, украшенныя безсмертнымъ именемъ Императора Александра. Удивительны судьбы этого Государя! Подобно исполину — солнцу, — прошекши путь отъ востока до запада, онъ собралъ

искреннія благословенія и союзниковъ и непріятелей.

Берлинъ представляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ картинъ благоустройства гражданскаго. Здѣсь никогда не видно шумныхъ и буйныхъ скопищъ черни, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и, что́ всего примѣчательнѣе, почти совсѣмъ не слышно о бродяжествѣ, воровствѣ и другихъ порокахъ и преступленіяхъ, раждаемыхъ нищетою и праздностію.

Для призрѣнія нищихъ приняты здѣсь правительствомъ всѣ возможныя мѣры: есть особый домъ для инвалидовъ и очень много странноприимныхъ домовъ, госпиталей и богадѣленъ для сиріотъ, вдовыхъ женщинъ и сиротъ. Одно огромное зданіе, подлѣ Силезскихъ воротъ, исключительно назначено для помѣщенія 280 бѣдныхъ семействъ, съ платою отъ нихъ за наемъ помѣщенія отъ 4 до 8 шалеровъ въ годъ. Сверхъ того нѣсколько тысячъ бѣдныхъ во всякое время снабжаются безденежно изъ казеннаго дровянаго магазина дровами и шурфомъ.

Между благотворительными заведеніями замѣчательны въ Берлинѣ *страховыя вдовы*

кассы: одна общая для женщинъ всѣхъ сословій, другая исключительно для офицерскихъ женъ. Какъ тѣ, такъ и другія пользуются пансіонами послѣ смерти своихъ мужей, по мѣрѣ денежныхъ вкладовъ, дѣлаемыхъ послѣдними при жизни. Въ пользу *пасторскихъ и учительскихъ вдовъ*, открыты почти при всѣхъ церквахъ частныя страховыя общества и кассы. Каждый членъ этихъ обществъ вноситъ единовременно или платитъ ежегодно опредѣленную сумму. Многія изъ вдовъ помѣщаются въ нарочно устроенныхъ для нихъ домахъ, и не только сами обезпечены содержаніемъ, но и дѣтямъ ихъ выдаются денежныя пособія, — мальчикамъ при вступленіи ихъ въ университетъ, а дѣвицамъ при выходѣ ихъ въ замужство. Наконецъ есть особыя кассы для содержанія бѣдныхъ пасторовъ и учителей и даже для содержанія кандидатовъ духовнаго званія, до вступленія ихъ въ должность.

Сверхъ сего есть еще *14 благотворительныхъ обществъ Еврейскихъ;* изъ нихъ одно надѣляетъ бѣдныхъ дѣвицъ приданымъ, дру-

гое выдаетъ ежемѣсячно бѣднымъ студентамъ опредѣленные пансіоны. Два общества приняли на себя обязанность дѣлать пособія бѣднымъ, безъ различія ихъ религій, не исключая и Евреевъ, оставившихъ Іудейскую вѣру;—рѣдкій примѣръ вѣротерпимости!

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ въ Берлинѣ состояніе просвѣщенія. Предметъ сей столь обширенъ, что подробное раскрытіе его никакъ не могло бы вмѣститься въ тѣсныя рамки дневныхъ памятныхъ записокъ; и потому я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ на одни первостепенныя *ученыя сословія* и *ученыя заведенія*.

Берлинская *Академія наукъ* и *словесности*, основанная въ 1700 году знаменитымъ *Лейбницемъ* и прославленная въ послѣдствіи *Эйлеромъ*, дѣлится нынѣ на четыре класса: *Физическій*, *Математическій*, *Философіи умозрительной и Филологіи и Исторіи*. Члены избираются большинствомъ голосовъ и утверждаются Королемъ. Они пользуются правомъ давать публичныя лекціи въ университетѣ и, при изданіи ученыхъ сочиненій, освобождаются отъ цензуры. Обыкновенныя ихъ

собранія бываютъ по четвергамъ въ 4 часа, а публичныя три раза въ годъ: 1) 24 Января, въ день рожденія Фридриха II; 2) въ день рожденія нынѣ царствующаго Короля и 3) 3 Іюля, въ день рожденія барона Лейбница, перваго президента Академіи.

Кромѣ Академіи наукъ, въ Берлинѣ есть и *Академія художествъ*, помѣщенная вмѣстѣ съ нею въ одномъ зданіи. Въ послѣдней, сверхъ практическихъ уроковъ ваянія, архитектуры, гравированія и живописи, преподаются теорія искусствъ, археологія, искусство сочинять и группировать фигуры, рисованіе съ натуры, анатомическое и черченіе картъ. Выставка художественныхъ произведеній обыкновенно бываетъ черезъ два года и продолжается 4 и 5 недѣль.

Есть еще особая *Академія архитектуры*, въ которой между прочимъ учатся построенію экономическихъ зданій, шоссе, мостовъ, зданій въ водѣ и нивелированію.

Берлинскій *Университетъ* есть младшій почти изъ всѣхъ существующихъ въ Германіи; но онъ уже пріобрѣлъ первенство передъ многими изъ нихъ, по богатству учеб-

ныхъ пособій, по обширности преподаваемыхъ въ немъ наукъ и вообще по устройству управленія. Профессоры и студенты его дѣлятся на четыре факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій. Послѣдній есть самый обширнѣйшій, заключая въ себѣ чистую и прикладную математику, естественную исторію, филологію, статистику и исторію политическую.

Всѣхъ профессоровъ или каѳедръ, еще при самомъ открытіи университета въ 1812 году, считалось, по Богословскому факультету 5, по Юридическому 8, по Медицинскому 15 и по Философскому 32. Курсы ихъ полугодичные: зимніе и лѣтніе. Первые начинаются въ понедѣльникъ, послѣ 14 Октября, и оканчиваются въ субботу послѣ 20 Марта; послѣдніе открываются въ первый понедѣльникъ послѣ 8 Апрѣля и закрываются въ первую субботу послѣ 17 Августа. Гонораріи (плата за курсъ) назначаются самими профессорами и стоятъ однѣ по 3, 5 и 8 талеровъ (талеръ—92$\frac{7}{8}$ коп. серебромъ), другія по 2, по 3

и даже по 4 Фридрихсдора (Фридрихсдоръ 503 коп. серебр.).

Университетъ помѣщается во дворцѣ принца Генриха, брата Фридриха великаго. Какъ симъ помѣщеніемъ, такъ и богатствомъ своихъ музеевъ, кабинетовъ и картинныхъ галлерей, онъ преимущественно обязанъ щедротамъ своего основателя, нынѣ царствующаго Короля. Знаменитая *Джюстиніанова* галлерея, пріобрѣтенная въ Римѣ и находившаяся нѣсколько времени въ королевскомъ замкѣ, также подарена университету. *Минералогическій* кабинетъ его, принадлежавшій прежде горному департаменту, состоитъ изъ двухъ коллекцій: систематической и топографической; въ первой разные роды и виды минераловъ расположены въ порядкѣ систематическомъ; во второй они дѣлятся по народамъ, какъ то: 1) Прусскіе, 2) вообще Нѣмецкіе; 3) Русскіе; 4) Англійскіе; 5) Шведскіе; 6) Норвежскіе. Въ *Геологическомъ* кабинетѣ примѣчательно собраніе Сибирскихъ птицъ, принадлежавшее знаменитому нашему Палласу. Здѣсь же находятся два большіе верблюда и пара огромныхъ строусовъ,

аргусъ, камелопардъ, перчатки изъ раковинныхъ волоконъ и проч.

Сверхъ сего есть въ Берлинѣ Академія Военная, особая Артиллерійская, Академія Медикохирургическая, ветеринарная школа съ богатою коллекціею скелетовъ животныхъ, и подковъ, нѣсколько коллекцій со многими низшими школами и пансіонами, институтъ Луизинъ для образованія наставницъ; институтъ слѣпыхъ, королевская школа глухонѣмыхъ, разныя ученыя общества и академіи пѣнія и верховой ѣзды.

Любимыя гулянья Берлинскихъ гражданъ въ Нейштадтѣ подъ тѣнью липъ (Unter den Linden) и въ паркѣ, находящемся подлѣ самыхъ воротъ Бранденбургскихъ. Пролегающее черезъ паркъ шоссе ведетъ въ *Шарлоттенбургъ*, небольшой городокъ съ королевскимъ дворцемъ, верстахъ въ пяти отъ столицы. Дворецъ сей окруженъ садомъ, въ которомъ еще Королемъ Фридрихомъ II выстроены оранжерея, театръ, бельведеръ и особенное зданіе для ловли рыбы, во вкусѣ Готическомъ и Оттаитскомъ. Садъ заключаетъ два острова: на одномъ изъ нихъ

бюстъ покойной *Королевы Луизы*, на другомъ павильонъ или храмъ, въ которомъ она погребена. Передъ храмомъ маленькая площадка, украшенная бѣлыми розами и лиліями, и осѣненная соснами, кипарисами и плакучими ивами. Фасадъ его состоитъ изъ портика съ четырьмя колоннами Дорическаго ордена, на семи гранитовыхъ ступеняхъ. Внутренность дѣлится на двѣ половины; на верхнюю и нижнюю. Въ первой, отдѣляющейся отъ послѣдней колоннадою и устроенной надъ гробовымъ заворомъ, поставленъ прекрасный мраморный мавзолей, работанный въ Римѣ Берлинскимъ ваятелемъ *Раухомъ*. Онъ представляетъ Королеву лежащую на софѣ. Этотъ памятникъ сдѣлался для Прусаковъ почти предметомъ благоговѣнія. Никто изъ нихъ не можетъ вспомнить равнодушно о своей Государынѣ и, слушая о добродѣтеляхъ и качествахъ, украшавшихъ ея душу, нельзя не раздѣлить съ ними ихъ скорби и умиленія.

За воротами *Потсдамскими* есть много дачъ съ Англійскими садами. Здѣсь же находится *ботаническій садъ*, принадлежащій Академіи наукъ. Онъ открытъ для публики два

раза въ недѣлю: весною и лѣтомъ по пятницамъ и воскресеньямъ отъ 2 до 7 часовъ вечера, а осенью и зимою по субботамъ и воскресеньямъ отъ 8 до 12 часовъ утра.

За *Гальскими* воротами, на одномъ изъ холмовъ, на которомъ въ 1813 году происходило сраженіе съ Французами, недавно воздвигнутъ, въ честь Прусскихъ и союзныхъ войскъ, огромный и прекрасный памятникъ изъ желѣза, въ видѣ Готическаго храма. Въ нишахъ его, съ наружной стороны, представлены побѣды: при *Гроссб-Гершенѣ* или Люценѣ, воинъ въ лавровомъ вѣнкѣ; при *Лейпцигѣ*, геній, держащій щитъ съ гербами Русскимъ, Прусскимъ и Австрійскимъ; подъ *Парижемъ* Побѣда, возвращающая Бранденбургскую колесницу съ конями и держащая въ лѣвой рукѣ оливную вѣтвь; при *Бельальянсѣ* Миръ съ оливною вѣтвію въ лѣвой рукѣ и указывающій правою на небо. На фронтонѣ монумента есть надпись, въ которой сказано, что Король посвящаетъ его народу, жертвовавшему достояніемъ и кровію для отечества.

Въ *Стралау* я былъ въ самый рыбачій праздникъ 24 Августа. Въ этотъ день, слѣдуя древнему обычаю, рыболовы закидываютъ три тони: первую для магистрата, вторую для себя, третью для приходскаго священника. Лугъ на правомъ берегу рѣки весь усѣянъ шатрами; рѣка покрыта шлюпками; кофейные домы и шинки наполнены народомъ; вездѣ гремитъ музыка и красивыя Нѣмочки кружатъ въ вальсахъ своихъ амуровъ. Говорятъ, что изъ Стралау прекрасный видъ на Берлинъ, и въ особенности при захожденіи солнца; но за облаками пещаной пыли ничего не видно. Пыль и жары, продолжающіеся уже нѣсколько дней между 24 и 26 градусами, задушаютъ атмосферу.

БРЕСЛАВЛЬ, $\frac{20\text{ Августа.}}{1\text{ Сентября.}}$

Отъ Берлина до *Бреславля* считается $44\frac{3}{4}$ Нѣмецкой мили; шоссе очень хорошее, дилижансъ покойный; маршрутъ: *Франкфуртъ на Одерѣ*, *Кроссенъ*, *Грюнбергъ*, *Полквицъ*, *Любенъ*, и *Нейларктъ*. Въ дорогѣ пробыли мы 42 часа.

Бреславскій *Университетъ*, основанный въ 1811 году, помѣщается въ Леопольдовомъ дворцѣ (Aula Leopoldina). Ведущія въ него лѣстницы украшены историческими картинами, аллегоріями и гербами королевской фамиліи. При Университетѣ есть небольшой кабинетъ натуральной исторіи и богатая библіотека, содержащая въ себѣ до 100,000 книгъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Библія

на Китайскомъ языкѣ; Китайскій лексиконъ, изданный по приказанію Наполеона; книга Удскаго короля ипр.

Всѣхъ жителей считается здѣсь болѣе 70,000; въ числѣ зданій, украшающихъ городъ, отличаются Августинская церковь, епископскій домъ, казармы, таможня и биржевая зала, роскошно украшенная люстрами и канделабрами.

Въ Лондонѣ съ 9 часовъ вечера сторожа ходятъ по улицамъ и поютъ: Ten clook.... Въ Дрезденѣ трубятъ въ трубу и сказываютъ, сколько пробило часовъ; въ Берлинѣ свистятъ на флейтѣ и кричатъ, который часъ; въ Бреславлѣ послѣ каждаго часа трубачь играетъ на трубѣ, стоя на башнѣ Ратуши.

Съ этой башни въ ясный день открываются всѣ отдаленныя окрестности, и между прочимъ видны горы *Шнеекоппе* и *Зобтенбергъ*, Послѣдняя, называемая по Славянски Соботскою горою, отстоитъ отъ Бреславля на 5 миль. На ней въ древности, 23 Іюня вечеромъ, на канунѣ праздника Св. Іоанна Крестителя, зажигали *соботки* или огни. Достойно

примѣчанія, что въ Богеміи до сихъ поръ прогоняютъ скотину черезъ собошки, для предохраненія отъ чародѣйства. У насъ во многихъ селеніяхъ Малороссіи и Великороссійскихъ Губерній также сохраняется это обыкновеніе, во время скотскаго падежа.

КРАКОВЪ.

Маршрутъ отъ Бреславля *до Кракова*: *Олау* (съ красными на церквахъ главами), *Бригъ*, *Оппельнъ*, *Гросъ-Стрелицъ*, *Тостъ* съ развалинами замка, *Глейвицъ* и *Мысловицъ*. Вся эта дорога, на пространствѣ 36 миль, немощеная и самая безпокойная; дилижансы или рыдваны безъ ресоръ; гостинницъ нѣтъ;

въ Жидовскихъ корчмахъ нельзя найти ни обѣда, ни завтрака; однимъ словомъ: три дня этого переѣзда были для насъ самыми сухими сочельниками. Встрѣчаемыя на дорогѣ Католическія процессіи еще напоминаютъ владычество Рима; но одежда жителей, стрижка волосъ ихъ и самое построеніе домовъ уже показываютъ, что мы въ Славянской Европѣ. Изъ Мысловича, небольшаго городка, отдѣляемаго только одною рѣкою отъ Русской Польши, уже видны разъѣзды нашихъ Козаковъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравнительное обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ состояніемъ его въ прочихъ государствахъ Европы.

Въ путевыхъ запискахъ моихъ я неоднократно упоминалъ о превратныхъ понятіяхъ иностранцевъ о Россіи. Оставляя безъ вниманія всѣ ихъ толки и клевепы, происходящія отъ невѣдѣнія или злословія и опровергаемыя собственною ихъ нелѣпостію, я намѣренъ представить здѣсь одинъ образчикъ статистическихъ соображеній о степени просвѣщенія Русскаго народа, помѣщенныхъ недавно въ извѣстномъ журналѣ: Revue Germanique, въ отчетѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Сіи соображенія переданы были одною изъ Русскихъ газетъ и нашей публикѣ,

но безъ опроверженій. Я, напротивъ, почитаю молчаніе наше совсѣмъ неумѣстнымъ въ такомъ случаѣ, когда разсматривается вопросъ о степени умственныхъ и нравственныхъ силъ нашего отечества и когда самая извѣстность иностраннаго журнала и рѣшительный тонъ его уже достаточны, чтобы поколебать не только всѣхъ любознательныхъ и благонамѣренныхъ иностранцевъ, но и многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, легко увлекаемыхъ блескомъ чужеземной учености. На сей разъ Нѣмецкіе журналисты выступили противу насъ съ фалангою цифръ; мы также противупоставимъ имъ ополченіе, состоящее изъ цифръ; данныя должны быть объясняемы и опровергаемы только данными.

Исчисленія Нѣмцевъ заключаются въ слѣдующемъ:

Число учащихся:

Во Франціи . . . . . 1 на 21 жител.
Въ Англіи, по вѣдомостямъ
1830 года . . . . . 1 — 11 —
А по рапортамъ 1831 года
уже . . . . . 1 — 7 —

Въ Австріи и Бельгіи . .	1	на 10	жител.
Въ Пруссіи, Даніи и Швеціи	1	— 7	——
Въ Царствѣ Польскомъ .	1	— 100	——
Въ Герцогствѣ Познанскомъ	1	— 50	——
А въ Россіи	1	на 700!...	

Недочетъ, прискорбный для всѣхъ Русскихъ! Изъ него можно заключить, что Россія съ XVII столѣтія еще ни на шагъ не подвинулась впередъ, по части просвѣщенія; ибо мы увѣрены, что по одному изъ 700 учились у насъ еще и до Петра Великаго.

Прежде всего надлежитъ знать, на чемъ ученые Нѣмцы основали свои выкладки о состояніи просвѣщенія въ Россіи. Далеко ходить за справками не нужно. Раскроемъ изданный С. П. Бургскою Академіею Наукъ на языкахъ Русскомъ и Нѣмецкомъ *мѣсяцословъ на 1835 годъ;* въ немъ на страницѣ 154-й показано число жителей въ Европейской Россіи 48,000,000; а на стр. 170-й означено число учащихся по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія: 70,566. Раздѣливъ первую сумму на послѣднюю, дѣйствительно получимъ знаменателя: 699, или, круглымъ чи-

сломъ, 1-го учащагося на 700 жителей. Вотъ въ чемъ и весь секретъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Вѣроятно они думали, что вѣдомость Русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія заключала въ себѣ все число учащихся въ обширной Россійской Имперіи. Отъ этой торопливости вкралась въ ихъ бухгалтерію небольшая ошибочка; ими пропущено: — бездѣлица! —

I. Всѣ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства Греко-Россійскаго исповѣданія; а въ нихъ учащихся, по вѣдомости 1851 года, 53,980, нынѣ же болѣе 60,000.

II. Всѣ военно-учебныя заведенія, подвѣдомственныя особому совѣту, морскаго вѣдомства и военныхъ кантонистовъ; а въ нихъ учащихся, со всѣми кантонистами, по вѣдомостямъ 1851 года, 122,170.

III. Учебныя заведенія, подвѣдомственныя Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, какъ то: С. П. Бургская, Московская и Виленская Медико-хирургическія Академіи и Виленская Римско-Католическая Духовная Академія, Римско-Католическія и Греко-Унитскія семинаріи и Г. У. уѣздныя училища, училища

Армяно-Грегоріянскаго духовенства, училища для дѣтей Канцелярскихъ служителей, Аптекарская школа и пансіоны при женскихъ Римско-Католическихъ и Греко-Унитскихъ монастыряхъ. Въ нихъ учащихся 5,200.

IV. Воспитательныя заведенія, состоящія 1) подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, 2) подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Въ сихъ заведеніяхъ учащихся до 5,000.

V. Учебныя заведенія, подвѣдомственныя Министерству Императорскаго Двора, какъ то: Академія Художествъ и школы по вѣдомству Департамента Удѣловъ: Землемѣрское училище при Департаментѣ Удѣловъ, Главныя Удѣльныя училища въ Красномъ Селѣ и въ Москвѣ, Земледѣльческое въ С. П. Бургѣ, два училища при Петергофскихъ фабрикахъ, гранильной и бумажной, и 55 вновь открытыхъ сельскихъ удѣльныхъ училищъ; въ нихъ учащихся не менѣе 2,000.

VI. Учебныя заведенія, состоящія подъ разными вѣдомствами, какъ то: Практическая Коммерческая Академія въ Москвѣ, Горный Кадетскій Корпусъ, Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, Кондукторская школа, Лѣсной институтъ со школою Межевщиковъ, училище Гражданскихъ Инженеровъ, Практическій Технологическій институтъ, Судостроительное училище и училище Торговаго Мореплаванія, Земледѣльческая школа при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Рисовальная школа Графа Строганова, нѣсколько другихъ художественныхъ и техническихъ школъ, училище при домѣ Призрѣнія Сиротъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и проч... Въ нихъ учащихся можно положить примѣрно до 2,000.

VII. Лекарскихъ учениковъ и приготовляемыхъ въ фельдшера при военныхъ госпиталяхъ и по приказамъ общественнаго призрѣнія также можно положить 2,000.

И того всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи 268,200.

Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Изъ вышеозначеннаго от-

чена Нѣмцевъ о всемірномъ просвѣщеніи открывается, что число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ содержится къ числу учениковъ низшихъ школъ:

Въ Австріи, какъ	. . . .	1 : 58.
— Англіи, —	. . . .	1 : 44.
— Пруссіи, —	. . . .	1 : 56.
— Голландіи —	. . . .	1 : 93.
— Норвегіи —	. . . .	1 : 140.
— Даніи —	. . . .	1 : 171.

Въ Россіи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ должны быть отнесены: 6 университетовъ, 1 Главный Педагогическій институтъ, 3 лицея, 65 гимназій, 3 Духовныя академіи, 41 семинарія, 20 Военныхъ корпусовъ и другихъ высшихъ училищъ, 13 изъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, 3 Медико-хирургическія академіи, 1 Духовная Римско-католическая академія, 13 Римско-католическихъ семинарій и 2 Греко-унитскихъ, 1 академія Художествъ, 10 Техническихъ учебныхъ заведеній и изъ 504 пансіоновъ около 40, въ

которыхъ преподаются курсы, соотвѣтствующіе гимназическимъ. Учащихся въ сихъ заведеніяхъ около 60,000, или почти $\frac{1}{4}$ всей суммы воспитывающихся въ публичныхъ училищахъ.

Что касается до самыхъ низшихъ или *приходскихъ* и *народныхъ* училищъ, ихъ у насъ очень мало, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и совсѣмъ нѣтъ: напр. Въ *Казанской* губерніи:

1 Универ., 1 гимн., 12 уѣздн., 6 приход.

Въ *Слободско-Украинской:*

	1	Универ.	1	гимн.	11	уѣздн.	8 прих.
Въ	*Черниг.*	3	—	14	—	3	—
—	*Полтав.*	1	—	15	—	2	—
—	*Новогор.*	1	—	9	—	0	—
—	*Архане.*	1	—	6	—	0	—
—	*Астрах.*	1	—	0	—	0	—

Въ Закавказ.

управленіи 1 — 10 — 0 —

Эта разительная несоразмѣрность между нашими высшими училищами и низшими, совсѣмъ не соотвѣтствующая пропорціямъ Европейскимъ, невольно приводитъ насъ къ вопросу: откуда и какъ наполняются первыя. Если въ государствахъ, издавна славящихся

своимъ просвѣщеніемъ, надобно нѣсколько десятковъ и даже сотенъ для приготовленія одного воспитанника къ ученію высшему, классическому; то какимъ чудомъ въ Россіи достаетъ трехъ или четырехъ единицъ для достиженія той же цѣли?

Вопросъ сей отчасти уже разрѣшенъ въ вышеозначенной статьѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Въ ней, по оффиціяльной вѣдомости 1829 года, въ Швеціи причитается только 1 учащійся на 157 жителей; но Нѣмецкіе ученые, замѣтивъ, что Шведскіе крестьяне въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ городовъ, сами учатъ дѣтей своихъ грамотѣ, поставили всѣхъ ихъ въ общій счетъ и положили одного учащагося на 7 жителей. Не понятно, отъ чего одно и тоже воспитаніе, при одинакихъ поводахъ и степени, принятое во вниманіе въ Швеціи, оставлено безъ уваженія въ Россіи. Кто же изъ насъ болѣе или менѣе не обязанъ сему воспитанію своимъ первоначальнымъ образованіемъ? Дѣти священно и церковнослужителей нашихъ всѣ безъ исключенія учатся чтенію, письму, а иногда и начальнымъ правиламъ языка и ариѳметикѣ,

*

въ домахъ отцевъ своихъ. Дѣти дворянъ не только начинаютъ, но часто и оканчиваютъ свое образованіе также въ домахъ своихъ родителей. Для прочихъ сословій у насъ есть множество частныхъ или домашнихъ школъ, еще не приведенныхъ въ извѣстность и училищными начальствами, и содержимыхъ обыкновенно священно и церковно служителями или особыми такъ называемыми *мастерами*. Короче сказать: наше домашнее воспитаніе, вынужденное обстоятельствами и утвержденное обычаемъ, уже вошло въ систему общаго воспитанія. Подобно сему послѣднему, оно состоитъ подъ покровительствомъ Правительства, которое, для большаго его совершенствованія, учредило даже особый классъ наставниковъ, съ правами, равняющими ихъ служеніе съ государственною службою.

Главное затрудненіе состоитъ въ исчисленіи всѣхъ учащихся дома или частнымъ образомъ. Не имѣя возможности опредѣлить ихъ съ точностію, мы впрочемъ не много бы ошиблись, если бы, для отысканія средняго вѣроятнаго числа ихъ, приняли ту же пропорцію между ними и учащимися въ публич-

ныхъ заведеніяхъ, какая показана выше между учениками низшихъ школъ и воспитанниками высшихъ училищъ. Такимъ образомъ, помноживъ сумму учащихся въ публичныхъ заведеніяхъ: 268,200 на 3, получимъ итогъ учащихся дома: 804,600; а сложивъ сію послѣднюю сумму съ первою, получимъ число всѣхъ учащихся въ Россіи: 1,072,800.

Но чтобы не быть поражену симъ исчисленіемъ, которое съ перваго взгляда можетъ показаться слишкомъ преувеличеннымъ, — разсмотримъ состояніе просвѣщенія въ Россіи порознь, въ каждомъ сословіи.

Начнемъ съ *Духовенства*, какъ класса, исключительно посвященнаго ученію. Всего Духовенства Греко-Россійскаго, по таблицамъ г. Зябловскаго, только 210,000, но г. статистикъ вѣроятно считаетъ здѣсь однихъ штатныхъ Духовныхъ; ибо, по его же показанію, всѣхъ православныхъ церквей въ Россіи 27,081; при нихъ, по штатному положенію, священно и церковно-служителей 118,406, на лицо 98,740, а съ женскимъ поломъ должно быть около 200,000. У нихъ дѣтей старшаго возраста, отъ 10 до 20

лѣтъ, обучающихся въ публичныхъ заведеніяхъ, 60,000 и столькоже женскаго пола; въ младшемъ возрастѣ, подверженномъ большей смертности, но выигрывающемъ въ приращеніи лицъ посредствомъ рожденій, также можно положить 60,000 мужескаго и столькоже женскаго пола. Прибавивъ къ сему 40,000 престарѣлыхъ, вдовъ и зашпатныхъ, получимъ всего 480,000 лицъ духовнаго званія. Изъ нихъ въ училищахъ, старшаго возраста 60,000; малолѣтныхъ, учащихся дома, $\frac{1}{3}$ всей ихъ суммы или 20,000 и $\frac{1}{3}$ учащихся женскаго пола въ обоихъ возрастахъ или 40,000; и того всѣхъ учащихся духовнаго званія 120,000, которые содержатся ко всему числу Духовенства, какъ 1 къ 4 или по 1-му учащемуся на 4 лица. Эта пропорція учащихся къ народонаселенію, можетъ быть, единственная не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ, поясняется *во первыхъ* тѣмъ, что наши Духовные учатся всѣ *ex professo* или по самому долгу своего званія; *во вторыхъ*,—что періодъ ихъ ученія продолжительнѣе, нежели прочихъ сословій, и *въ третьихъ*, что по окончаніи ученія, они немедленно

вступаютъ въ должность и притомъ священно-служители не иначе, какъ женившись еще прежде посвященія въ сей санъ.

Дворянства всего считается 225,000. Въ этомъ классѣ, какъ высшемъ между всѣми народными сословіями, учатся дѣти обоего пола, всѣ безъ исключенія; и потому для него можно взять ту же пропорцію, какая принята редакторами сравнительнаго обозрѣнія всемірнаго просвѣщенія для Соединенныхъ Штатовъ, именно по 1 учащемуся на 5 лицъ, а всѣхъ обоего пола 45,000.

Служащіе и *отставные* составляютъ особый классъ, простирающійся, по показанію г. Зябловскаго, до 750,000. Полагая между ними по крайней мѣрѣ по 1 учащемуся на 7, такъ какъ въ Пруссіи и Швеціи, получимъ всѣхъ учащихся обоего пола 107,000.

Всѣхъ *Купцовъ* по 7 ревизіи 1816 года было 77,283 души; нынѣ съ приращеніемъ родившихся и вновь вступившихъ въ сіе сословіе, должно быть обоего пола 200,000. Изъ нихъ дѣти мужескаго пола всѣ учатся, женскаго большая часть. Вообще, судя по быстрому распространенію между купечествомъ, въ по-

слѣднее время, не только первоначальнаго, но и высшаго образованія, мы можемъ положить и въ этомъ сословіи 7-ю часть учащихся, а всѣхъ обоего пола 27,000.

Мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ и посадскихъ жителей, исключая купцовъ, духовенство и дворянство, въ настоящее время должно быть около 5,000,000 (*). Между ними можно положить 1 учащагося на четыре семейства или на 20 лицъ; а всѣхъ учащихся 250,000.

При семъ не надобно терять *изъ виду дворовыхъ людей* и прочихъ крѣпостныхъ и вольныхъ служителей, которыхъ всѣхъ на 1 милліонъ дворянства и служащихъ должно быть по крайней мѣрѣ 3 милліона. Изъ нихъ боль-

(*) Г. Забловскій полагаетъ однихъ городскихъ жителей 5 мил, не считая жителей посадовъ и мѣстечекъ. Сихъ послѣднихъ въ Виленской губерніи 191, въ Волынской 151, въ Подольской 108. Въ Полтавской губерніи всѣхъ мѣстечекъ 76; но изъ нихъ въ Бѣликахъ 14,602 душъ жителей, въ Новыхъ Сенжарахъ 13,722; въ Рышетиловкѣ 11,522; въ Старыхъ Сенжарахъ 10,190 и т. д. По другимъ губерніямъ въ Бердичевѣ Житомирскаго уѣзда 22.152; въ Косовкѣ Черниговскаго уѣзда 11,336; въ Шкловѣ Могилевскаго уѣзда 9,019.

шая часть съ дѣтства готовятся въ камердинеры, въ управители, въ конторщики, въ писари и даже въ артисты, художники и стряпчіе. У многихъ помѣщиковъ устроены для нихъ особыя домашнія школы. Мы не ошибемся, положивъ между ними 1-го учащагося на 15 человѣкъ: что составитъ всего 200,000.

Всего *войска* съ женами и малолѣтными, по вычисленіямъ г. Зябловскаго, — 1,200,000. Изъ нихъ учащихся однихъ кантонистовъ, по вѣдомости 1831 года, 116,000.

Остается классъ народа самый многосложный и разнообразный: *крестьяне*, которыхъ, по различію ихъ племенъ, нарѣчій, исповѣданій, обычаевъ и по самому положенію обитаемыхъ ими странъ, очень трудно подвести подъ одно общее положеніе. Всѣхъ ихъ должно быть не менѣе 42,000,000; но одни изъ нихъ едва въ состояніи представить по 1-му учащемуся на 500; другіе же, какъ то: подгородные, промышленники, торговые, удѣльные и нѣкоторыхъ вельможъ, немногимъ отстаютъ отъ образованности

городскихъ жителей (*). Избравъ для нихъ пропорцію среднюю: 1 на 200, получимъ всѣхъ учащихся изъ этого класса: 210,000.

И того всѣхъ учащихся въ Россіи:

Духовныхъ	120,000
Дворянъ	45,000
Дѣтей чиновниковъ	107,000
Купцовъ	27,000
Городскихъ жителей	250,000
Дворовыхъ	200,000
Кантонистовъ	116,000
Крестьянъ	210,000
Всего	1.075,000

Исключивъ изъ этой суммы 268,200 воспитанниковъ публичныхъ учебныхъ заведеній, получимъ число учащихся частнымъ образомъ 806,800.—По первому способу исчисленія, по которому число воспитанниковъ публичныхъ заведеній умножалось на 3, оказалось учащихся дома 804,600, а всѣхъ уча-

(*) Есть губерніи, на пр. Ярославская и Владимірская, въ которыхъ довольно значительная часть крестьянъ грамотные.

щихся въ Россіи 1,072,800; разницу составляютъ только 2,200. Слѣдовательно въ Россіи причитается не по 1-му учащемуся на 700 народонаселенія, какъ угодно было положить ученымъ Нѣмцамъ, а по 1-му на 48 жителей; и притомъ считая здѣсь народонаселеніе не одной Европейской Россіи 48,000,000, а вообще всей Имперіи, простирающееся до 52,000,000.

Изъ сихъ вычисленій открывается, что Россія, по самому числу учащихся, стоитъ не только въ ряду прочихъ Европейскихъ государствъ, но еще и выше многихъ изъ нихъ; потому что и между ними въ *Сардиніи* причитается только 1 учащійся на 70 жителей, въ *Португалліи* 1 на 80, въ *Голландіи* 1 на 82, въ *Польшѣ* 1 на 100, на *Іоническихъ островахъ* 1 на 104, въ *Греческомъ королевствѣ* 1 на 116, въ *Тосканѣ* 1 на 206.

Наши вычисленія о степени просвѣщенія разныхъ народныхъ сословій въ Россіи многимъ покажутся преувеличенными и невѣроятными; но Россія тѣмъ и отличается отъ прочихъ Европейскихъ государствъ, что когда идетъ дѣло объ успѣхахъ ея въ просвѣщеніи,

въ ней все кажется невѣроятнымъ. Одинъ добросовѣстный наблюдатель изъ Французовъ, г. Шопень, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, сказалъ въ одномъ сочиненіи: „Кто не видалъ Россіи въ продолженіе десяти лѣтъ, тотъ уже не узнаетъ ея ни въ какомъ отношеніи; такъ быстро растетъ она и въ физическихъ и нравственныхъ силахъ!“ — Къ сожалѣнію, этотъ ростъ ея для самихъ насъ менѣе, нежели для кого нибудь, бываетъ замѣтенъ; и именно по тому, что онъ совершается передъ нашими глазами.

Русская газета въ вышеозначенной статьѣ о Европейскомъ просвѣщеніи, отдаетъ въ немъ преимущество Пруссіи передъ всѣми государствами. Замѣтивъ, что въ Пруссіи находится одно учебное заведеніе на 560 жителей и одинъ ученикъ на 7 жителей, она дѣлаетъ ей слѣдующее метафорическое привѣтствіе: „Склоняемъ чело и благоговѣемъ!“—Въ подобныхъ обозрѣніяхъ, кажется, не надобно терять изъ виду и причинъ, движущихъ или замедляющихъ просвѣщеніе. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ протестантскихъ государствахъ,

низшій классъ народа учится грамотѣ не столько по собственному побужденію, сколько по необходимости, возлагаемой на нихъ законами церковными и гражданскими. У протестантовъ незнающіе грамоты и псалмопѣнія, составляющаго всю основу ихъ Богослуженія, не допускаются къ трапезѣ причащенія, а слѣдовательно и не признаются членами церкви; незнаніе грамоты служитъ имъ препятствіемъ даже и ко вступленію въ бракъ; а это обстоятельство совсѣмъ не маловажное.

У насъ учатся по долгу своего званія только три или четыре сословія: духовенство, дворянство, купечество и кантонисты; и мы видѣли, какъ высоко возрасла между ними пропорція учащихся; именно какъ 1 къ 10, 7, 5 и даже 4, — пропорція, передъ которою, послѣ челопреклоненія передъ иноплеменнымъ народомъ, уже ничего не остается, какъ развѣ, по изреченію перваго нашего друкаря Іоанна Ѳеодорова сына з Москвы,—*раболѣпно метаніе до лица земнаго умиленно сотворити.*

Что касается до степени просвѣщенія нашихъ и иностранныхъ крестьянъ, въ этомъ

нѣтъ между ними почти никакой разницы. Преимущество послѣднихъ состоитъ только въ томъ, что, кромѣ молитвъ, псалмовъ и сказокъ, они читаютъ еще какую нибудь газету; преимущество совсѣмъ незавидное. Кто бывалъ во Франціи, тому извѣстно, съ какою жадностію тамошніе ремесленники платятъ послѣднее су за льстящій имъ листокъ, чтобы, по прочтеніи его, убить остальную часть дня въ шумныхъ толкахъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ имъ, по ихъ мнѣнію, правительствомъ.

Вопросъ: что полезнѣе для благоденствія государственнаго: образованіе ли всей массы народа, или преимущественно высшихъ и среднихъ сословій,—есть вопросъ весьма важный, политическій. Французскіе политики держатся перваго начала, полагая, что удобнѣе управлять чернью образованною, нежели помраченною невѣжествомъ. Австрія и Англія, кажется, слѣдуютъ началу противному, бывъ убѣждены, можетъ быть опытомъ, что и необузданный классъ черни легко управляется, когда есть въ государствѣ люди, способные держать бразды правленія. Самой Пруссіи

принадлежитъ честь не за повсемѣстное распространеніе просвѣщенія во всѣхъ сословіяхъ народныхъ, а за направленіе, данное сему распространенію, или за приготовленіе и образованіе сословій, изъ среды которыхъ должны выйти генералы, политики, ученые, государственные сановники и всѣ чины для разныхъ отраслей правленія. Этимъ она обязана преимущественно нынѣ царствующему Королю, который, учредивъ нѣсколько новыхъ университетовъ и академій и устроивъ порядокъ во всѣхъ старыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ истиннымъ талантамъ всѣ возможные способы къ просвѣщенію.

Разсматривая въ этомъ отношеніи Европейскія государства, мы увидимъ, что число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ содержится къ народонаселенію:

Въ *Пруссіи*	какъ	1	къ	464 жител.
— *Австріи*	—	1	—	600 —
— *Англіи*	—	1	—	800 —
— *Швеціи*	—	1	—	892 —
— *Португалліи*	—	1	—	1440 —
— *Даніи*	—	1	—	1493 —

Въ *Россіи*, раздѣливъ на 60 т. учащихся въ высшихъ училищахъ, 52 милліона всего народонаселенія, получимъ знаменателя 866; а раздѣливъ на то же число воспитанниковъ только 48 милліоновъ одного Европейскаго народонаселенія, получимъ одного учащагося на 800, также какъ и въ Англіи. И вотъ право Россіи на типло просвѣщеннаго Европейскаго Государства.

Присемъ замѣтимъ, что число высшихъ училищъ въ Россіи въ послѣднее придцатилѣтіе болѣе, нежели удвоилось; число учащихся въ нихъ умножилось болѣе, нежели въ четыре раза; число среднихъ и нисшихъ училищъ возросло въ десять разъ. Намъ нѣтъ нужды прибѣгать здѣсь къ общимъ мѣстамъ и инперболамъ, въ оправданіе Россіи противъ клеветъ и порицаній оглашенныхъ враговъ ея; чуждые всякаго самохвальства, мы удовольствуемся указаніемъ на учебныя заведенія, открытыя въ одно послѣднее пятилѣтіе (до 1835 г.) при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ. Въ одно это пятилѣтіе вновь учреждены: Главный Педагогическій институтъ, университетъ Св. Владиміра, нѣ-

сколько лицеевъ и гимназій; Военная академія при Главномъ Штабѣ, Виленская Медико-хирургическая академія и Римско-католическая Духовная академія въ Вильнѣ; Александровскій корпусъ, Практическій Технологическій институтъ, институтъ Восточныхъ языковъ въ Одессѣ, тамъ же особенное Еврейское училище, училище Гражданскихъ Инженеровъ при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія, 12 училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, институтъ для образованія переводчиковъ съ Калмыцкаго языка, Аудиторіянская школа при С. П. Бургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и Фельдшерскія школы при больницахъ Приказовъ общественнаго призрѣнія, Московское Дворцовое Архитектурное училище, училище Торговаго Мореплаванія при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли; училищное отдѣленіе при Симферопольской гимназіи для образованія Татарскихъ учителей изъ природныхъ Татарскихъ дѣтей; особая школа Межевщиковъ при Лѣсномъ институтѣ; 35 открыто и 30 предположено

сельскихъ удѣльныхъ училищъ и множество другихъ училищъ, среднихъ и низшихъ. По вѣдомостямъ одного Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ 1832 году приходскихъ училищъ и пансіоновъ было 886, а въ 1855-мъ число ихъ возросло уже до 1090; всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1834 году было 1544, въ 1835-мъ 1682, въ 1856-мъ 1744. Учащихся по вѣдомству сего министерства было въ 1834 году 78,096, въ 1835-мъ 85,707, въ 1856-мъ 91,800. Мы умалчиваемъ здѣсь о преобразованіи всѣхъ университетовъ и гимназій, о распространеніи учебныхъ предметовъ, объ улучшеніи методъ и обо всѣхъ мѣрахъ, исполненныхъ и предпринятыхъ для обезпеченія состоянія наставниковъ,—не на счетъ учащихся, какъ въ другихъ государствахъ, а исключительно на счетъ казны. Все это не есть ли рѣдкій и единственный феноменъ въ исторіи просвѣщенія?—Вотъ гдѣ всѣмъ истиннымъ цѣнителямъ просвѣщенія надлежитъ преклонить главы свои!..

Пояснивъ такимъ образомъ дѣло, запутанное Нѣмецкими журналистами, я не могу пройти молчаніемъ и другаго весьма примѣ-

чательнаго мнѣнія иностранцевъ о образованности Россіи. Между нѣмъ какъ ученые Нѣмцы, съ помощію своей семисотной фаланги, усиливались оттолкнуть насъ въ Азію, къ кочевымъ народамъ или въ темныя Камчадальскія юрты,—извѣстный Французскій публицистъ и оракулъ политики *Прадтъ* не-шутя предсказываетъ какое-то всеобщее, повальное переселеніе Русскихъ на западъ Европы. Напуганный походами нашихъ войскъ въ 1813 и 1814 году, онъ воображаетъ всю Россію какимъ-то подвижнымъ станомъ, а Польшу ея авангардомъ. „И этотъ воинственный народъ, — продолжаетъ Прадтъ,— узнавъ однажды всѣ выгоды и преимущества нашего климата и природы, не замедлитъ оставить свой суровый сѣверъ, чтобы придти снова въ наши благословенные края и основаться въ нихъ навсегда. Нынѣ (въ 1824 году) удерживаетъ его одна воля миролюбиваго Монарха; но правители перемѣняются, а духъ народа остается неизмѣннымъ.“

Остановись, лже-пророкъ политикъ, и скажи намъ, есть ли у тебя отечество, или по крайней мѣрѣ родной край, и чувствовалъ

ли ты когда нибудь трепетъ сердца, благословляя его?.. За чѣмъ же ты хочешь отнять у насъ это святое чувство? Можемъ ли мы оставить мѣста нашего младенчества и возраста, небесныхъ испытаній и нашей славы? Оставить страну, прозванную изстари Святою Русью? Можемъ ли перенести съ собою памятники нашей вѣры и залогъ нашего благоденствія — наши святыни? Можемъ ли сказать отцамъ нашимъ, почивающимъ въ могилахъ: „встаньте и идите за нами?“—Умѣрьте же вашъ напрасный страхъ, жалкіе мечтатели и знайте, что Россія, по одному мановенію своего Самодержца, можетъ двинуться и на западъ и на югъ и на востокъ; — но не для того, чтобы разлиться потопомъ или пожаромъ, а единственно для охраненія тишины, порядка, властей и престоловъ, угрожаемыхъ властолюбіемъ или крамолами и безначаліемъ. Вотъ высокое назначеніе Россіи, ея образованности и просвѣщенія, ея силъ вещественныхъ и нравственныхъ!

Конецъ IV-й и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-й ЧАСТИ.

Стран.

ПАРИЖЪ, 1825—1826 *года*....

Шаткость религіи Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи. Пятидесятилѣтній юбилей. Канонизація короля Людовика XVI. Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отпѣванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе .....1.

ПРОДОЛЖЕНІЕ .

Шаткость правленія Французовъ. Партіи демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсужденій въ палатахъ о законѣ наслѣдства. Судъ надъ издателемъ газеты Constitutionnel; торжество оратора Дюпена..13.

ПРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.....20.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Ученыя общества; учебныя заведенія. Королевскій Луврскій музей; Люксембургская картинная галлерея. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.....29.

Стран.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Славянская Библія Острожскаго изданія.....47.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранилище художествъ и ремеслъ. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенара, Андріе и Дюпеня. Королевскій институтъ или Академія наукъ.....57.

ПОНЯТІЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССІИ.....69.

ДІОРАМА .....80.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ..... ....86.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Школы сценическаго искусства: Нѣмецкая, Англійская и Французская. Тальма. Викторъ. Сравненіе Г-жи Дюшенуа съ Г-жею Жоржъ.. .....92.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ.

Дѣвица Марсъ. Монрозъ.....109.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.111.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Достопримѣчательныя Парижскія церкви: Notre-Dame; Пантеонъ; Св. Сульпиція; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Луврскій; Палерояль. Частные домы и улицы. Бульвары; переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генриха IV и Людовика XIV; Вандомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ.. ....118.

ВЫПИСКА изъ ДНЕВНИКА въ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о кончинѣ Императора Александра. Жестокіе морозы въ Парижѣ. Карнавалъ. Духъ настоящаго судо-

Стран.

производства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гуляніе въ Лоншанѣ. Испытаніе въ институтѣ глухонѣмыхъ. Картинная галлерея въ пользу Грековъ. Балетъ: Вулкановы сѣти. Романсы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.....138.

. . . . .

ЛОНДОНЪ, 1826 *года Іюля*....

. . . . . .

Англійскій таможенный уставъ. Устройство дилижансовъ и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныя начала въ государственномъ управленіи. Монополія помѣщиковъ. Тщеславіе и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чудаками. Направленіе просвѣщенія въ Англіи. Успѣхи въ механическихъ художествахъ. Моды Англійскихъ дамъ, дѣвицъ и мущинъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.....155.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

Соборъ Св. Павла. Концерты въ соборѣ. Вестминстерское аббатство. Плата въ церквахъ за мѣста. Крѣпость Тауэръ; кровавая башня; Jewel office. Доки для кораблей. Колонна въ память пожара 1666 года. Памятники Ватерлоской побѣды. Воксалъ. Военные госпитали въ Гринвичѣ и Чельсѣ.....172.

ВЫПИСКА изъ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

Англійскіе Цыгане. Брюссель. Ахенъ: дворецъ Карла Великаго; соборная Министерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кёльнъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распятіе Апостола Петра, картина Рубенсова. Взглядъ на Рейнъ. Кобленцъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люценское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1813 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1813 года.....181.

Стран.

ДРЕЗДЕНЪ, 31 Іюля. / 12 Августа.

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерея .....209.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА... .....218.

БАСТАЙ, *Августа*..... .....221.

ДРЕЗДЕНЪ, *Августа*....

Брюлевъ бельведеръ или терраса. Мѣдная Голгоѳа на мосту Памятникъ генералу Моро.....228.

БЕРЛИНЪ, 1826 *года, Августа*.....

Части города. Разряды жителей. Королевскій зáмокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичные памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ Королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергѣ. Рыбачій праздникъ въ Стралау.232.

БРЕСЛАВЛЬ, 20 Августа. / 1 Сентября. ....247.

КРАКОВЪ..... ....249.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравнительное обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ состояніемъ его въ прочихъ государствахъ Европы.....251.

ОПЕЧАТКИ

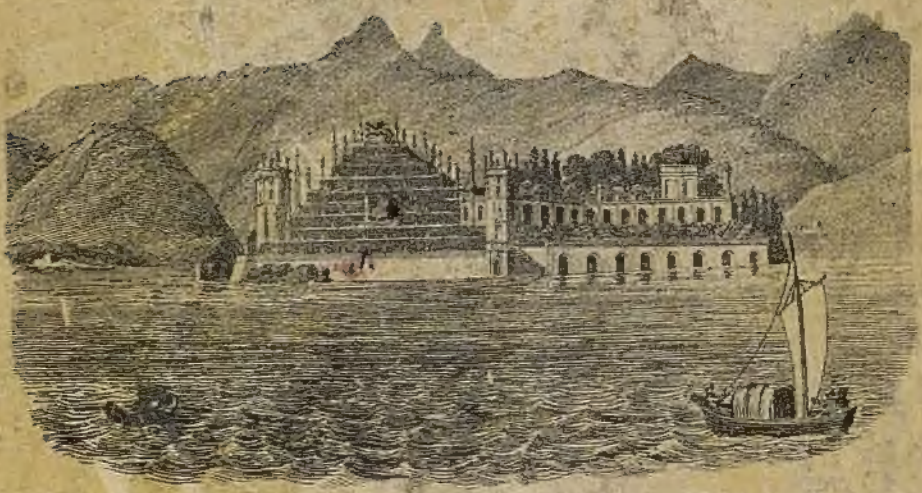
Четвертой части.

стран.	строк.	*Напечатано:*	*Исправить:*
39	18	этаго	этого
72	9	——	——
76	1, 20	——	——
79	5	Дѣйствующія ихъ лица	Дѣйствующія лица
85	12	въ Англіи	въ Англію
115	7	Меньвиль Фодоръ	Меньбель Фодоръ
171	10	перемѣнятся	перемѣняются
177	4	небольшею	небольшою
185	1	находятся	находится
239	14	ученыя заведенія	учебныя заведенія

ОПЕЧАТКИ

Читатель! Твой разум

2007042773



Изла Бела.